

СЕГОДНЯ

НОВАЯ

№ 11 (481) ноябрь 2007

В службе честь!

НА БОЕВОМ ПОСТУ

Лауреат премии МВД России

Учредитель — МВД России

Издатель — Главное командование внутренних войск

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420.

Главный редактор КИСЛЫЙ Ю.П.

Редакционная коллегия:

АРИБЖАНОВ Р.М. (зам. главного редактора), АРТЮХОВ Е.А., епископ Ставропольский и Владикавказский Феофан (АШУРКОВ И.А.), БЕЛЬСКИЙ В.Ю., БОЛТИКОВ В.В., БЫСЕНКОВ И.С. (ответственный секретарь), ВИННИК В.В., ГРЕКОВ В.И., ЕРМАКОВ П.И., КАЗАКОВ Н.Н., КАЛИНИН В.В., КАЛМЫКОВ Д.Д. (зам. главного редактора), КАРПОВ Б.В., КОЛЕСНИКОВ С.С. (зам. главного редактора), КОРОБЦОВ Д.В., ЛЕВКОВИЧ В.Г., МАКОВЕВ Т.К., НИКУЛЬШИН А.В. (зам. главного редактора), ПАНЧЕНКОВ В.В., ПОРТНОВ С.А., СКРЯБИН В.Н., СОФРОНОВ И.Е., ТОНКОНОГОВ В.П., ЧЕПЯШЕВ С.К., ЮРЧЕНКО С.П.

Художественное оформление БОЛТИКОВ В.В.

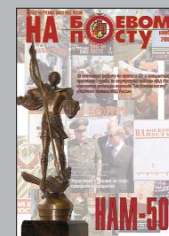
Верстка ИЛЛАРИОНОВА Е.Б.

Корректоры БОГДАНОВА Е.А., ГАВРИЛОВА Е.Ю.

Журнал имеет приложения: газету "Ситуация" и сборник учебно-методических материалов "Войсковой вестник".

При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

Редакция вправе сокращать и литературно обрабатывать принятые к публикации тексты. Редакция может публиковать материалы, не разделяя точку зрения авторов. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов, имён собственных, неразглашение тайны отвечают авторы публикаций, за достоверность рекламных объявлений — рекламодатели, за качество печати — типография. Переписка с читателями ведётся только на страницах журнала.

На 1-й странице обложки:

Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

■ Индекс

для подписки через агентство "Роспечать" —

70 610

Сдано в набор 25.09.2007. Подписано к печати 22.11.2007. Формат бумаги 60x90 1/8. Общий тираж изданий 15000. Печать офсетная. Усл.печ. л. 8. Зак. № 251.

Отпечатано в типографии редакции журнала "На боевом посту" внутренних войск МВД России 111250, Москва, Красноказарменная, 9а

Адрес редакции: 111250, Москва, Красноказарменная, 9а
Телефоны для справок: 361-81-71; 361-82-57
E-mail: vvpост2006@yandex.ru

© Журнал «На боевом посту», 2007

ЖУРНАЛ "НА БОВОМ ПОСТУ" – ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ МВД!

Традиционно в канун Дня милиции министр внутренних дел Российской Федерации наградил лауреатов премии МВД России за 2007 год и вручил им статуэтки Святого Георгия Победоносца. Одной из пяти премий был удостоен журнал "На боевом посту" за активную работу по пропаганде и повышению престижа службы во внутренних войсках МВД России.

Полвека корреспонденты-"набоепостовцы" в своих материалах рассказывают читателям о профессионализме, мужестве и героизме военнослужащих войск правопорядка. "На боевом посту" активно участвует в обучении и воспитании личного состава, пропагандирует славные традиции честного служения Отечеству и народу. Журнальные страницы стали своеобразной боевой летописью внутренних войск.

Журнал "На боевом посту" был и остаётся верным товарищем, помощником и другом для многих поколений офицеров, прапорщиков и солдат.

НА БОЕВОМ ПОСТУ

СОДЕРЖАНИЕ

С ЛЕЙКОЙ И БЛОКНОТОМ
6 ЭТО НАША С ТОБОЙ
БИОГРАФИЯ

ЖУРНАЛИСТЫ В БОЕВЫХ ПОРЯДКАХ
13 ВОЛЧИЙ БРОДВЕЙ,
ИЛИ ДОРОГА В ОДИН КОНЕЦ
16 СВОИ СРЕДИ СВОИХ

ЖУРНАЛ ГЛАЗАМИ ЧИТАТЕЛЯ
19 ТОВАРИЩ, ПОМОЩНИК
И ДРУГ

ЗНАЙ НАШИХ!
21 "ПЛЕННЫЕ..."
НО НЕ ЗАБЫТЫЕ

ДЕНЬ МИЛИЦИИ
22 ПО СЛЕДУ ЛЕНИВЫХ УБИЙЦ
26 С "ЧЕЛСИ" – В ЧЕЧНО

ПРЕДЪЮБИЛЕЙНЫЙ
ДИАЛОГ

ГЛАВНОЕ ДЛЯ НАС –
ЧЕСТЬ ВОЙСК

8

СОТРУДНИЧЕСТВО
27 АЗЕРБАЙДЖАН – ПЕРВЫЙ
НЕ ТОЛЬКО ПО АЛФАВИТУ

ШКОЛА ЖУРНАЛИСТИКИ
30 НЕ ПОДВОДЯ ИТОГИ

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ
36 АНАТОЛИЙ ЯГОДИН:
"Я ОТ ВОЙНЫ ФИЛОСОФ..."

ОБЪЕКТИВ
38 СЮЖЕТЫ
40 ЛИЦА
42 НЕРВ

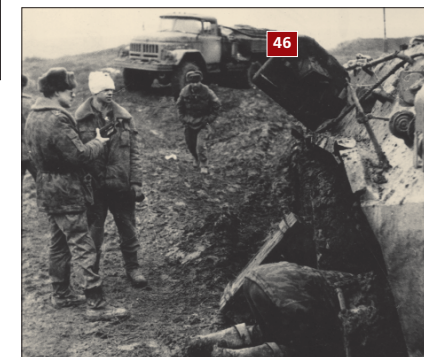
С ВОЙСКАМИ В НОГУ
46 ИДИ, СМОТРИ, ЗАПОМНИ...

ИСТОРИЯ
50 ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРЕССА
О КОНВОЙНОЙ СТРАЖЕ

ЛИТЕРАТУРА
52 БЕДЁНЫШ

59 НА РАССТОЯНИИ ЛЮБВИ

63 РОДСТВО

Поздравляю коллектив редакции журнала "На боевом посту" со знаменательным событием – 50-летием образования вашего издания!

За эти годы журнал стал центральным изданием войск правопорядка, занял почётное место в ряду военных изданий нашей страны и приобрёл широкую читательскую аудиторию, причём не только среди военнослужащих внутренних войск.

Журнал активно способствует повышению профессиональной подготовки в войсках правопорядка, формированию надлежащего типа взаимоотношений командиров и подчинённых, духовно-нравственному воспитанию военнослужащих, развитию спорта во внутренних войсках.

Важно и то, что ваше издание освещает вопросы военного законодательства и многие темы современной армейской жизни. Журнал "На боевом посту" получает Парламентская библиотека, и его читают в Государственной думе Федерально-го собрания Российской Федерации.

В журнале "На боевом посту" выросло немало талантливых журналистов и публицистов, ставших членами творческих союзов и отмеченных почётными званиями, престижными премиями и государственными наградами.

Уверен, что и в дальнейшем коллектив редакции журнала "На боевом посту" будет достойно продолжать дело воспитания надёжных защитников правопорядка – верных патриотов нашего Отечества!

**Председатель Государственной думы
Борис ГРЫЗЛОВ**

Сердечно поздравляю сотрудников редакции, авторов и ветеранов центрального войскового издания с 50-летием журнала!

У истоков его создания стояли офицеры-фронтовики, верные общему важному делу обучения, просвещения и воспитания личного состава. Все поколения военных журналистов вашего издания шли в ногу со временем, неизменно оставались преданными интересам войск и Министерства внутренних дел в целом.

Ваш журнал был и остаётся одним из самых достоверных источников информации о нелёгком ратном труде воинов правопорядка. Герои журнальных публикаций находятся там, где гремит бой и ведётся борьба с терроризмом и экстремизмом, охраняют важные государственные объекты на отдалённых заставах, поддерживают правопорядок и общественную безопасность на улицах городов. Невозможно переоценить роль журнала в повышении авторитета внутренних войск и престижа службы в них.

Сегодня, читая "На боевом посту" и его приложения, убеждаешься – вам не только удалось сохранить достойный уровень военной журналистики, но и создать настоящую журналистскую школу, подготовить целую плеяду талантливых молодых авторов.

Уверен, что вы и впредь будете проводить активную творческую работу по патриотическому воспитанию молодежи, бережному отношению к отечественной истории, пропаганде высокохудожественных произведений среди воинов внутренних войск МВД России.

От всей души желаю сотрудникам журнала крепкого здоровья, успехов в службе, новых творческих побед и всегда оставаться на боевом посту.

**Министр внутренних дел Российской Федерации
генерал армии Рашид НУРГАЛИЕВ**

Боевые друзья! Поздравляю вас с юбилеем!

История журнала свидетельствует о том, что его сотрудники всегда стремились оправдывать название "На боевом посту". Страницы издания – это боевая летопись внутренних войск, на них отражены подвиги сотен патриотов Отечества, это кладёшь передового опыта многих поколений солдат правопорядка.

Трудно найти подразделение, в котором бы не побывали наши военные корреспонденты. Верность профессиональному долгу, стремление находиться в гуще событий, оперативно доносить до читателей правдивую информацию о деятельности войск ведёт их на передовую, где выполняются трудные служебные задачи, проводятся контртеррористические операции. Мы отдаём должное их мужеству и трудолюбию, настойчивости и мастерству. Высоко оценён журналистский труд и руководством МВД. Лучшее тому подтверждение – присуждение журналу премии МВД России.

В войсках высок авторитет печатного слова. Журнал и его приложения ждут в подразделениях и частях, читают, хранят. Это ли не главная оценка журналистского труда!

Нельзя не отметить, что за последнее время издание изменилось в лучшую сторону, стало красочнее, привлекательнее. Впечатляет его нынешний творческий потенциал.

Уверен, что и в дальнейшем коллектив редакции журнала "На боевом посту" будет повышать роль центральных войсковых изданий в обучении и воспитании личного состава, укреплении авторитета войск правопорядка, используя весь арсенал современных информационных средств.

Крепкого вам здоровья и новых творческих свершений на благо Отечества!

**Главнокомандующий внутренними войсками МВД России
генерал армии Николай РОГОЖКИН**

Уважаемые товарищи!

Союз писателей России сердечно поздравляет редакцию и многочисленную читательскую аудиторию военно-публицистического и литературно-художественного журнала внутренних войск "На боевом посту" с 50-летием со дня основания.

Все эти годы коллектив успешно решал задачи, стоящие перед ним, воспитывая читателей, прежде всего молодых солдат и офицеров, в духе любви к своему Отечеству, верности воинской присяге. Отрадно, что в этом благородном деле послынную помощь оказываем и мы, писатели России. Астафьев, Долматовский, Стаднюк, Бондарев, Ваншенкин, Пикуль, Винокуров, Костров, Носов, Крупин, Дёгтев, Поляков... Этими именами может гордиться любой солидный литературный журнал, а не только сравнительно небольшое по объёму ведомственное издание. И тем не менее они отдавали свои произведения в журнал "На боевом посту". Надеемся, что наше тесное сотрудничество с годами будет только крепнуть!

Доброго вам здоровья, творческого горения, успешной службы на ответственном боевом посту!

**Председатель правления
Союза писателей России
Валерий ГАНИЧЕВ**

Журнал "На боевом посту" занимает своё уникальное место в многогранной и непростой картине современной российской прессы. Правдой будет сказать, что издание далеко выходит за рамки ведомственного, демонстрируя творческое сочетание высокого профессионализма и твёрдой гражданской, патриотической позиции.

В бурном потоке разнообразной информации, событий, фактов, комментариев вы выделяете главное и основное, уделяя большое внимание теме духовно-нравственного возрождения. Это очень важное направление в работе журнала, ибо именно духовное состояние, нравственные начала определяют весь ход жизни отдельного человека и всей страны.

Вы всегда на боевом посту, в любой ситуации рядом с солдатами и офицерами внутренних войск, вот уже почти два столетия выполняющими важнейшие задачи, которые были сформулированы ещё императором Александром Первым: оказание помощи властям в исполнении законов, поимка и истребление разбойников, охрана порядка, проведение спасательных работ и т.д.

Благословение Божие да укрепляет вас, дорогие мои, в служении возлюбленному Отечеству нашему – Великой России.

**Епископ Ставропольский и
Владикавказский ФЕОФАН,
член Общественной палаты
Российской Федерации**

Дорогие коллеги, друзья!
Секретариат Союза журналистов России сердечно поздравляет вас со славным юбилеем – 50-летием журнала "На боевом посту".

Все эти годы вы своим творчеством, своей самоотверженной работой служите читателям – солдатам и офицерам внутренних войск МВД России. Каждой строкой, каждым опубликованным материалом вы служите высокому и благородному делу – защите нашего Отечества. Не случайно ваш замечательный журнал отдаёт приоритет духовно-нравственным ценностям: патриотизму, государственности, верности воинскому долгу, чести и достоинству.

Талантливый коллектив вашей редакции делает всё, чтобы привлечь внимание читателей к истории внутренних войск, их традициям, к важнейшим событиям, в которых принимали участие войска правопорядка. Отрадно, что журнальные публикации отличает неизменно высокое качество, глубокое идейное содержание.

В этот светлый юбилейный день искренне желаем коллективу журнала "На боевом посту" крепкого здоровья, творческих побед, интересных встреч.

Ещё раз – с юбилеем всех вас, коллеги!

**Председатель Союза журналистов России
Всеволод БОГДАНОВ**

ЭТО НАША С ТОБОЙ БИОГРАФИЯ

29 ноября 1957 года в соответствии с решением ЦК КПСС был подписан приказ МВД СССР "Об издании журнала "На боевом посту". Два месяца спустя воины внутренних войск получили его первый номер.

Профессиональных журналистов в войсках практически не было. Штаты набирали, по образному выражению старейшины журнала генерал-майора в отставке И.Г. Беликова, "с борю по сosenке". Отделы состояли из двух-трёх офицеров, структурно напоминала существовавшие в журнале "Пограничник", который выходил с сентября 1939 года и на протяжении почти двадцати лет выполнял функции единого издания для всех войск НКВД-МВД.

Главным редактором был назначен полковник Михаил Максимович Рамзин. Во время войны он редактировал газету одного из Прибалтийских фронтов, затем работал ответственным секретарём "Красной звезды", возглавлял редакцию общественно-политической литературы в Воениздате.

Пришли опытные журналисты: Николай Евстафьевич Захаров – из газеты Московского военного округа "Красный воин", Василий Андреевич Юдичев – выпускник знаменитого ИФЛИ, Георгий Иосифович Аганесов – профессиональный литератор, член Союза писателей СССР, Яков Михайлович Азарепатин, долгие годы проработавший в газете "Гудок".

Журнал номер от номера становился содержательнее и богаче. Главный упор делался на всестороннюю помощь командирам и политработникам в обучении и воспитании личного состава, организации боевой службы, укреплении воинской дисциплины. За два с небольшим года журнальный тираж с 20 тысяч экземпляров возрос более чем в два раза. Однако в феврале 1960 года выпуск издания был приостановлен. Причиной тому – реформы, приведшие к упразднению общесо-

юзного Министерства внутренних дел.

Но после почти десятилетнего перерыва, в конце 1969 года, редакция была образована вновь. А в январе 1970 года "На боевом посту" поступил к читателям.

Из тех, кто стоял у истоков журнала, в возрождённой редакции трудились лишь двое: полковник В.В. Журавлёв – ответственный секретарём, и майор А.Ф. Чистяков – возглавлял отдел литературы, культуры и быта. В целом журналистский костяк составляли достаточно опытные, преданные своему делу люди. Это и главный редактор полковник Иван Степанович Семиохин, начинавший журналистский путь на фронтах Великой Отечественной войны. Самой яркой страницей его биографии была работа в газете 18-й армии "Знамя Родины". И трудившиеся рядом с ним другие фронтовики. Герой Советского Союза полковник М.Ф. Ерихов, уничтоживший на Курской дуге семь фашистских танков, полковник Ф.К. Гавриков, кавалер трёх орденов Красной Звезды, полковник К.С. Оглоблин, почётный гражданин польского города Рыбник, полковники М.В. Горбов, А.Н. Петров, М.С. Логунов.

По-прежнему помимо статей, репортажей, зарисовок, раскрывающих различные стороны деятельности войск, много журналистского места занимали методические материалы и разработки по темам и разделам боевой и политической подготовки, всевозможные консультации, ответы на вопросы – словом, многое из того, что требовалось командирскому звонку, роты, руководителю группы политзанятий, политработнику подразделения, партийному и комсомольскому активисту в повседневной жизни.

"Боевая служба – наша главная задача!" – под этим девизом жили внутренние войска в 70-е – 80-е годы минувшего века. Журнал не стоял в стороне от её решения. Отсюда его акции: конкурсы с призами за 100, 200 кара-

улов, выполненных на "отлично", "крутые столы" и "журналистские десанты" в части – инициаторы социалистического соревнования. Его рассказы о лучших из лучших воинах, включая их последующую жизнь и работу на ударных комсомольских стройках страны.

К концу 80-х годов журнальный тираж превысил 120 тысяч экземпляров. Всё это стало возможным благодаря таланту и работоспособности сотрудников редакции, которую вслед за И.С. Семиохин возглавляли полковники Ф.К. Гавриков, Е.Н. Егоркин, Е.А. Григорьев. Но особенно следует отметить новое поколение военных журналистов, которых подбирали и воспитывал полковник А.Г. Горлов, ставший редактором в 1988 году. Рядом с лучшими "набоекостовскими" перьями: полковниками М.В. Горбовым, В.В. Асташиным, В.Н. Лосевым, Ю.В. Дурневым, Е.И. Ериховым – ярко проявили себя И.Т. Козлов, А.Г. Ушар, Б.В. Карпов, Е.А. Артохов, В.Д. Гондусов, С.М. Шевцов, Б.В. Буллаков, В.Н. Герашенко, А.А. Петров, И.Н. Мучак, А.В. Симонов, Н.Г. Сысов.

Так получилось, что время работы этой талантливой когорты войсковых журналистов совпало с началом межнациональных распрей в Советском Союзе. Корреспонденты журнала побывали во всех горячих точках: Баку и Ереване, Степанакерте и Фергане, Оше, Цхинвали, Вильнюсе – везде, где войска находились на острие событий.

Когда руководство войск и редакционная коллегия почувствовали, что невозможно в ежесычном издании оперативно рассказывать обо всем происходящем в стране, редакция стала выпускать газету "Ситуация" как еженедельное приложение к журналу.

Публикуя материалы о мужественных, самоотверженных действиях солдат, прапорщиков и офицеров, которые живым шиком вставляли между враждующи-

ми сторонами, журнал немало поработал на имидж войск, повышение авторитета, престижа службы в них. Яркий образ защитника мирных граждан от преступных посягательств бандитов и экстремистов помогал развешать чёрные мифы о внутренних войсках. Ведь это этого бойцы с краповыми погонами у большинства наших людей ассоциировались лишь с конвоем.

Десятки книг и брошюр были написаны в эти годы журналистами и литераторами внутренних войск. О "На боевом посту" заговорили в профессиональных писательских кругах. В журнале публиковали свои произведения Юлиан Семёнов, Аркадий Вайнер и Леонид Словин, Валентин Пилуков, Николай Иванов, Вячеслав Дёгтев. На его страницах выходили стихи Евгения Винокурова, Константина Ваншенкина, Николая Старшинова, Марка Соболя, Владимира Кострова и многих других. Здесь же впервые была напечатана повесть Виктора Доденко "Тайга не спит", по которой поставлен художественный фильм "По прозвищу Зверь".

По подвигам журнала "На боевом посту" с конца 80-х годов прошлого века можно достаточно подробно проследить боевой путь внутренних войск, познакомиться с самыми достойными их представителями – скромными окопниками, пахарями войны и Героями, совершившими истинно высокие подвиги.

Освещение контртеррористических операций в Чеченской республике – отдельная страница в истории журнала, наполненная гордостью и болью одновременно. При выполнении редакционного задания 18 апреля 1996 года погиб заместитель начальника отдела войсковой жизни старший лейтенант Анатолий Венедиктович Ягодин, удостоенный посмертно ордена Мужества. Эту же награду получил и нештатный фотокорреспондент журнала Олег Олегович Смирнов, тягело раненный снайперской пулей. Истинные фронтовыми корреспондентами стали большинство офицеров редакции. Многие из них отмечены боевыми наградами.

А время течёт. Менялось руководство редакции. В 1992 году на

смену полковнику А.Г. Горлову пришёл полковник Л.И. Лукенин. После его безвременной кончины в 1999 году редактором был назначен полковник В.Н. Ульяновский. С октября 2004 года редакцию возглавляет полковник Ю.П. Кислый.

Любой творческий коллектив силен традициями и преемственностью. Отрадно, что и по сей день на страницах журнала можно рядом с публикациями молодых сотрудников встретить имени генерал-майора в отставке И.Г. Беликова, полковников в отставке М.В. Горбова, Ю.В. Дурнева, А.А. Бекасова, В.В. Асташина и других. По-прежнему в строю "набоекостовцев" обозреватели журнала полковники запаса Б.В. Карпов, Н.Г. Сысов. Активно трудится специальный корреспондент редакции известный публицист А.А. Эдоков.

Успехи ветеранов впечатляют. Но ещё больше радует, что рядом с проверенными временем мастерами пера набирает силы молодая порось. Успешно трудится член Союза писателей России подполковник Николай Казаков, полковник Игорь Софронов, подполковники Игорь Бысенков, Николай Петелин, Тимур Макоев, Сергей Портнов, Роман Илющенко, майоры Вячеслав Калинин, Вадим Винник, Виктор Болтиков, капитан Константин Алексеев. Всё чаще отмечают на редакционных летучках капитанов Елену Жарникову, Александра Кудряцева. Нельзя не отметить и вклад в общее дело фотокорреспондента старшего прапорщика Владимира Николайчука, ставшего недавно заслуженным работником культуры России, начальница отдела донепечатной подготовки полковника Сергея Чепяшева, корректора Елену Александровну Богданову и Елену Юрьевну Гаврилову, специалистов компьютерной верстки лейтенантов Ирину Воронцову и Жанну Ситникову, старшего прапорщика Евгению Илларионову. Перечислять можно и дальше.

В последнее время произошли коренные изменения в структуре редакции. Теперь она всё больше напоминает современный холдинг, выпускающий периодические издания, книги и брошюры, мультимедийные обу-

чающие программы, кинофильмы и радиопередачи, рекламную и сувенирную продукцию. Редакция сегодня – это крупный многофункциональный организм, где бок о бок соседствуют-сотрудничают журнал "На боевом посту", газета "Ситуация", сборник учебно-методических материалов "Войсковой вестник", "Оперативно-тактический журнал внутренних войск МВД России", типография, киностудия, отделы периодических изданий, интернет-сайта, радио- и мультимедийных программ, рекламы.

В журнале "На боевом посту" выросло немало талантливых журналистов и писателей, ставших членами творческих союзов, отмеченных престижными премиями, почётными званиями, государственными, ведомственными и общественными наградами. У многих вышли свои собственные и коллективные книги, большинство активно сотрудничают с военными, правоохранительными, гражданскими изданиями.

Начинания редакции всегда находили и находят поддержку в Министерстве внутренних дел, Главлоте внутренних войск. С большим вниманием читал журнал начальник внутренних войск генерал армии И.К. Яковлев. Сегодня столь же строгим и взыскательным читателем является главлот генерал армии Н.Е. Рогожкин. "Помогать командованию войск, воздействовать на умы и сердца личного состава, воспитывать патриотов Отчизны, поднимать их на работу славно, на хорошие и добрые дела" – эти задачи ставит он перед нами.

Редакция журнала "На боевом посту", как любой воинский коллектив, механизм подвижный, развивающийся. Эта особенность, помноженная на специфику войск, на творчество всех и каждого, даёт сплав, гарантирующий выполнение любой служебно-боевой, служебно-творческой задачи на самом ответственном боевом посту.

Премией Министерства внутренних дел отмечен коллектив редакции в преддверии своего золотого юбилея. Это – свидетельство того, что журнал на верном пути.

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛА ИСТОРИЯ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК ИСТОРИЯ СТРАНЫ

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛА ИСТОРИЯ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК ИСТОРИЯ СТРАНЫ

ГЛАВНОЕ ДЛЯ НАС – ЧЕСТЬ ВОЙСК

Главные редакторы разных лет – полковник в отставке Александр ГОРЛОВ и полковник Юрий КИСЛЫЙ встретились в редакции родного войскового журнала «На боевом посту» в канун его 50-летия.

Юрий Кислый. Уважаемый Александр Георгиевич! Мы с вами периодически встречаемся на различных мероприятиях, в вашей «правдинской» редакции или у нас в Главкомате, обмениваемся новостями. А сегодня давайте повспомоим жизнь редакции в разные годы. Вы ведь возглавили нашу редакцию почти двадцать лет назад – в 1988-м?

Александр Горлов. Неужели двадцать лет прошло?! Хорошо, что юбилей нас собирают, подталкивают к воспоминаниям – всё, что с нами было, было ведь с нашими войсками, было с нашей страной.

Кстати, Юрий Петрович, я с журналом нашим был крепко связан без малого сорок лет – служил здесь с 1969-го по 1977-й и потом был всегда рядом, по существу, вместе – в поли-

управлении наших войск, где возглавлял отделение печати. Затем редакторский пост с 88-го по 92-й.

Ю.К. Стало быть, история внутренних войск этого периода – часть вашей биографии. Расскажите, как развивался вместе с войсками наш журнал. Как менялась тематика публикации? Как войсковые журналисты откликнулись на важнейшие события? Кое-кто донныне талдычит о каком-то «застойном периоде» в жизни страны, а был ли такой?

А.Г. Да не было и быть не могло! Страна работала всегда. И войска наши всегда были при деле. Конвойные части охраняли осуждённых, которые, да, под охраной, но создали – строили, заготавливали лес, производили товары народного потребления. Спецчасти охраняли сотни действи-

тельно важных государственных объектов. Самолёты строились и летали. Корабли спускались на воду и ходили по морям-океанам под своим, советским флагом. А ныне спуск на воду подводки – событие, вылет ракетноносителей на рядовое патрулирование границ – событие. В Советском Союзе было что охранять. Созданные специальные моторизованные части позволили поддерживать общественный порядок в городах – люди не боялись вечерами выходить на улицы, гулять в парках. А сейчас?

Я, считая срочную службу, в войсках с 1962 года и повидал много чего собственными глазами. Могу сравнить. И делать выводы...

В пятидесятые годы куда ехали наши воины запаса? На целину. В шестидесятые – на строительство сибирских ГЭС. В семидесятые комсомол внутренних войск шефствовал над Норильским горно-металлургическим комбинатом. Это всё было нашим, советским. Теперь поднятая нами целина – в зарубежье, ГЭСы и ЛЭПы – поделены. А уж про норильский никель и другие запольные богатства и не говорю – на них сказочно обогатилась кучка ловкачей.

Ю.К. Александр Георгиевич, ваши чувства мне понятны, я их вполне разделяю. Но давайте поговорим о войсках, о нашем журнале. О чём писали? Что удавалось сделать?

А.Г. Главной задачей внутренних войск во все времена была боевая служба. Мобилизовать, вдохновить личный состав, показать опыт передовиков, покритиковать нерадивых и должен был журнал. Рождались акции, которые теперь кому-то могут показаться излишне пафосными, но они приносили свои плоды. Например, каждый год одна из частей становилась инициатором социалистического соревнования, это объявлялось приказом по войскам, все военнослужащие, вплоть до рядового солдата частного, знали лозунг-девиз. Проводились конкурсы на лучший караул, отмечались передовики, выполнившие с оценкой «отлично» сто, двести боевых задач.

Всё это широко освещалось в нашем журнале. Мы практиковали выездные редакции, когда опыт передовиков по направлению изучался в полку группой журналистов – по шесть-восемь человек выезжали. Давали до сорока полос – полжурнала. Помню такие командировки в Волгоград, Тамбов, Караганду, Белгород. Те публикации активно обсуждались в

войсках. Передовой опыт работал на общей большой результат.

Ю.К. На рубеже 80-х и 90-х, когда вы были у нас главным редактором, перестройка (не к ночи будет помнута) прошла и по стране, и по войскам, и по нашему журналу. Времена были смутные, тяжёлые, непонятные. А тираж войскового, ведомственного журнала вдруг вырос...

А.Г. Пресловутая гласность в данном конкретном случае нам была на руку – мы вышли в открытую подписку, в розничную продажу через киоски “Союзпечати”. Это потребовало в корне изменить и концепцию журнала – ведомственное, сугубо специальное издание не могло бы заинтересовать широкого читателя. Мы обрели новый статус – военно-публицистического и литературно-художественного журнала. Была снята цензура – стали писать смелее, ты же сам это помнишь, как раз и смена поколений в редакции произошла – твои ровесники и однокашники по Львовскому ВВПУ и Академии им. В.И. Ленина начали работать, из окружных и дивизионных газет пришли опытные офицеры-журналисты – Иван Козлов, Владимир Гондусов, Евгений Артюхов, Александр Ушар, Борис Булгаков, Алексей Карев, Виктор Герашенко.

Место методических, инструктивных статей, которые переключались в специальный сборник, заняли материалы публицистические, острые, именно на злобу дня. И о своих войсках мы теперь стали рассказывать смелее, откровеннее, без прикрас. А войска уже стояли на острие событий. Тираж наш перевалил за сто (!) тысяч.

Народ, чей разум помутился от волны разнузданных “Огоньков”, “АиФ”ов, “МК”ашек, хотел знать правду “из окопов”...

Ю.К. Вы, Александр Георгиевич, назвали моих товарищей-ровесников. И не в качестве реверанса, а по справедливости хочу заметить, что благодарен судьбе за знакомство с журналистами вашего поколения: Вадимом Васильевичем Асташиным, Виктором Николаевичем Лосевым, Евгением Ивановичем Ерховым, Юрием Викторовичем Дурневым, Владимиром Фёдоровичем Кузьменко. Без их помощи мы бы много шишек набрали...

А.Г. Да, Юрий Петрович, я с тобой согласен: преемственность поколений, наставничество – это в любом редакционном коллективе важный фактор успеха. Люди, случайные в журналистике, которые редакцию рассматривали как тёплое местечко,

всегда попадались. Но такие либо быстро уходили, сами осознав свою никчёмность, либо отбывали номер, что называется, со скрипом, с горем пополам. Но не о них надо говорить в юбилей, в праздники, а об энтузиастах, подвижниках на журналистской ниве.

Я всегда старался решать три задачи, позволяющие делать интересный журнал. Во-первых, надо развивать, поощрять, направлять в нужное русло инициативу, способности штатных журналистов. Во-вторых, развивать военкоровское движение, которым, ты помнишь, всегда славились наши войска. Сегодня, увы, военкоров достойных – единицы. Авторы для журнала мы растили и благодаря нашим семинарам литераторов, из десятков участников которых двое-трое вырастали в отменных прозаиков, поэтов, журналистов.

И третье обстоятельство нам позволило повысить интерес к журналу: мы привлекали профессиональных литераторов, которые вели семинары, входили в редколлективу, писали для нас статьи. Могут назвать самобытного прозаика Николая Павловича Кузьмина, поэта-фронтовика Виктора Михайловича Гончарова, великолепного редактора Юрия Борисовича Лукина (он готовил к печати книги Антона Макаренки и самого Михаила Шолохова), много лет нашим наставником, другом и автором являлся профессор Литинститута Борис Андреевич Леонов.

Внутренние войска звучали! Олимпиада в Москве, фестиваль молодёжи и студентов, черномобильская эпопея, землетрясение в Армении – массовый читатель с помощью журнала уяснил, что наши солдаты всегда на защите народа, на передовой, всегда “при исполнении”, на боевом посту...

Ю.К. Да простой народ-то и без журнала, наверное, знал о войсках: солдаты, прапорщики, офицеры наши – выходцы из того же народа. А помните, сколько грязи на нас вылили так называемые либерал-демократы, правозащитники, прорабы перестройки после событий в Вильносе, Тбилиси, Баку? Сам я ощущал и в Нагорном Карабахе, и в Молдавии, где был в командировках: будь тогда твёрдая политическая воля, войска смогли бы сдерживать распад, но... Прозвучало сакральное “процесс пошёл” – он ведь до сих пор не остановлен.

А.Г. Мало того, нас ещё всюду пытались сделать крайними, чтобы отвести удары от истинных виновников

происходящих трагедий. Но честь войска, честь мундира для нашего журнала никогда не были пустыми словами. После тбилисских событий, когда академик Сахаров со своей Еленой Боннээр, писатель Борис Васильев стали вешать на наши войска ярлыки оккупантов, садистов, извергов, чего только не надпродумывали: и газамито всех мирных демонстрантов потравили, и сапёрными лопатками бабushек порубили. Мы эту компанию трубочей демократии пригласили в дивизию им.Ф.Дзержинского. Они привезли с собой “Взгляд”. И давай допрашивать наших солдат и офицеров, и давай стыдить дескать, расскажите-ка, как народ лопатками кромсали? Когда услышали правозащитники всю правду – а против тех фактов уж никак не попрёшь, – пыл свой обличительный поумерили. Сахаров, подводя черту, со вздохом произнёс: “Не здесь мы ищем виновных!” Телевизионщики “взглядовцы”, журналисты “Московских новостей”, помню, вместо полного правдивого отчёта о том серьёзном разговоре ограничились невразумительными репликами. А наш журнал дал полную стенограмму той встречи – страничку двадцать получились.

Аналогичная встреча прошла и после драматических бакинских событий января 90-го. “Разбор полётов” с участием азербайджанской стороны был настолько предметен, объективен, что стенограмму того “круглого стола” у нас попросило Всесоюзное радио для подготовки передачи. В общем, сидеть сложа руки нам было некогда – журналисты беспрестанно молились по Союзу вместе с войсками...

Ю.К. Верно, Александр Георгиевич, лихое время наступало! Кстати, и наше приложение – газета “Ситуация” – не случайно именно тогда стала выходить, с 90-го...

А.Г. Да, мы просто не успевали за событиями. Цикл производства журнала в те годы длился примерно три месяца. Вот и решили выпустить оперативное издание, еженедельное. И “Ситуация” пошла на ура, причём пошла не только в войска, во временные группировки, но и в народ. Кстати, мало кто знает, что и главная милицейская газета “Щит и меч” появилась по подобию нашей.

Даже армейский ГлавПУР ставил нас в пример своим изданиям – за нашу активность, актуальность, действенность публикаций. Помню такое совещание, куда были приглашены главные редакторы всех военных изданий. Мы были первыми из

военных, кто “за свой счёт” внедрил офицеров-журналистов в ТАСС (подполковник Владимир Гондусов), “Правду” (подполковник Аркадий Семеника), “Советскую Россию” (майор Сергей Шевцов). Подполковник Алексей Петров был нашим корреспондентом в “Красной звезде”. Говоря высоким штилем, все мы работали во славу родных внутренних войска.

Да что тебя, дорогой Юрий Петрович, за войсковой патриотизм агитировать – по нынешнему журналу вижю: курс держите тот же.

Ю.К. Александр Георгиевич, а как же иначе?! Ваши уроки мы помним и ценим. Курс наш – войсковой. И флагман войсковой печати, как нас нередко называют коллеги, – не без руля и ветрил корабль. Вы всегда были не

каждый номер “На боевом посту” с карандашом в руках. Даёт советы, указания, как приблизить журнал к “земле”, к жизни воинских частей и подразделений. В докладах и выступлениях нередко делает ссылки на наши издания. Никогда не отказывается от интервью. Его заместитель генерал-лейтенант Сергей Степанович Топчий осуществляет организационно-методическое руководство, помогает в работе с округами – “подталкивает” подписку, напоминает нам о важнейших мероприятиях, которые необходимо осветить в журнале, в газете, берёт наших корреспондентов с собою в поездки.

Благодаря поддержке командования сейчас мы активизируем книгоиздательскую деятельность уже выпустили несколько интересных прозаиче-

А.Г. Вот за это спасибо, Юрий Петрович! Ты ведь помнишь: одну из своих книг, вышедших в Воениздат, я назвал “Служу во внутренних войсках”. Я всегда гордился нашими войсками правопорядка. У нас богатая героическая история, у нас служили десантники Героев Советского Союза, один из них, полковник Михаил Фёдорович Борисов, – в нашей редакции.

Ю.К. Он и сегодня остаётся нашим знаменем – встречается с офицерами редакции, выступает в солдатских клубах, мы печатаем его замечательные стихи. Мы ж не Иваны, не помнище родства. Каждое поколение войсковых журналистов начинаёт свою работу не с чистого листа. Листая старые подшивки, мы ощущаем не просто гордость за наши войска,

Редакция журнала “На боевом посту” накануне юбилея. Ноябрь 2007 г.

просто вхожи в кабинеты начальника генерала армии Ивана Кирилловича Яковлева, его преемника генерал-полковника Юрия Васильевича Шаталова – вы советовались с ними, определяя курс войсковых изданий. А уж с их заместителями, начальниками литуправления генералами Сергеем Парфеньевичем Остащевым, Александром Ивановичем Гренко – встречались в рабочем режиме едва ли не каждый день.

А.Г. По-другому нельзя! Это были не просто мои начальники, но опытные люди, которые к тому же прекрасно понимали роль войсковой печати, контактов с гражданскими СМИ, никогда не отмахивались от журналистов. У тебя, Юрий Петрович, разве не так?

Ю.К. Нам тоже грех жаловаться на недостаточное внимание со стороны нынешних руководителей войска. Главкомандующий генерал армии Николай Евгеньевич Рогожкин читает

целые документальные сборники, фотальбомов о войсках.

А.Г. Насколько я знаю, редакция уже потихоньку вырастает в современный медиа-холдинг. Справляется?

Ю.К. Стараемся. Второй год печатаем журнал в своей типографии. Создали киностудию. Радиоотдел уже вошёл о войска по каналу “Звезда”. Отдел мультимедийных программ – ещё одно важное нововведение. В вашу бытность редактором выходил сборник статей под грифом “секретно”. Теперь в войсках будет новый “Оперативно-тактический журнал”. Охват войсковыми СМИ должен быть максимально полный – от солдата до генерала. Причём охват, если можно так сказать, многожанровый.

Что остаётся неизменным, так это наш войсковой патриотизм, преданность войскам, в которых служим. Вот почему нынешний журнальный девиз: “В службе честь!”

но и свою ответственность за важнейшее дело, нам порученное, – быть летописцами этой героической истории, пропагандистами лучших войсковых традиций. На том стоим!

А.Г. Да, Юрий Петрович, а на боевом посту надо стоять бдительно, ответственно. Название нашего журнала к тому обязывает. В 50 лет старшему офицеру контракт на действительную службу продляют, так ведь? А уж для журнала “На боевом посту” пусть он будет бессрочным.

Ю.К. Спасибо, Александр Георгиевич, за эту беседу, за то, что не забываете родной коллектив, за то, что помогаете не только словом, но и делом. Давайте вместе от имени двух поколений войсковых журналистов поздравим коллег, ветеранов редакции, всех наших авторов, друзей, читателей с нашим радостным праздником – полувекowym юбилеем.

А.Г. Я очень рад такой возможностью. Успехов всем! Будем жить!

НАС ПОЗДРАВИЛИ КОЛЛЕГИ

В эти дни в редакцию журнала «На боевом посту» звонят, присылают письма и телеграммы намного чаще, чем обычно. Звучат тёплые пожелания, напутствия, которые дают нам запас энергии ещё на добрых полвека успешной работы.

Нас поздравили: коллективы редакций газет «Зоркий часовой» Московского округа, «Защитник Родины» Северо-Западного округа, «Начеку» Приволжского округа, «На посту» Северо-Кавказского округа, «Сын Родины» Уральского округа, «Красное знамя» Сибирского округа, «Дальневосточный часовой» Восточного округа, «На боевом посту» Отдельной дивизии оперативного назначения ВВ МВД России; Объединённая редакция МВД РФ, редакции журналов «Милиция», «Желлов-Шарапов и К» и газеты «Щит и меч», радиостанция «Милицейская волна», редакции газеты «Красная звезда», журналов «Армейский сборник», «Воин России», «Ориентир», «Военно-исторический журнал», «Братишка», НТРК «Звезда»,

книжно-журнальное издательство «Граница», редакции журнала «Пограничник», газеты «Граница России», журналов «Военные знания», «Пожарное дело», «Боевое братство», «Воинское братство», «Преступление и наказание», «Российской газеты», газет «Труд», «Известия», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Россия», «Литературная газета», «Независимое военное обозрение», «Военно-промышленный курьер», «Православное слово», «Десятина»; коллеги из стран СНГ – сотрудники газеты «Аскер» внутренних войск МВД Азербайджанской Республики, журнала «Милиция Беларуси» и газеты «На страже» МВД Республики Беларусь, газеты «Калкан» внутренних войск МВД Республики Казахстан, журнала «Слово чести» и газеты «Ратник» внутренних войск МВД Украины, журнала «Именем закона» МВД Украины. Всем спасибо! Будем работать ещё лучше. В зрелом возрасте журналу нельзя иначе.

ВОЛЧИЙ БРОДВЕЙ, или ДОРОГА В ОДИН КОНЕЦ

Сколько нужно времени человеку, чтобы перестроить своё сознание с мирного лада на военный, окопно-фронтной?

– Не знаю, я где-то за неделю привык ко всему этому, – говорит лейтенант-гвардеец из бригады внутренних войск, впервые оказавшийся на Кавказе.

– Как только в Моздоке приземлились, перестраиваюсь, – задорно отвечает майор-разведчик из полка оперативного назначения. – У меня почти как условный рефлекс: всё-таки пятнадцатая командировка, начиная с Дагестана образца девяносто девятого.

– А я давно свыкся, – пожимает плечами пожилой подполковник из местной части. – Уже пятый год здесь служу.

Привыкание к новым, сопряжённым с постоянной опасностью условиям у каждого проходит по-своему. У одних сразу, у других медленно. Я встал в боевую обстановку поэтапно, несмотря на то, что это была далеко не первая моя командировка в неспокойный Северо-Кавказский регион.

Сначала чувство опасности посетило меня, когда мы летели из Моздока в Назрань и наша вертушка, оказавшись над зелёной, начала отстреливать тепловые ловушки, упреждая намерения боевиков, которые запросто могли поджидать «стрекозу» в зарослях проплывавшей внизу горы.

Второй этап был следующим вечером, когда на бронированном «уазике» отряда спецназа «Росич» по пустынной шоссе я катил с офицерами сквозь надвигающиеся сумерки в село Алхасты на базу отряда. Лишь только мы выехали за черту города, лица моих спутников – старшего лейтенанта Романа Иванова, лейтенанта Андрея Бондарева и командира части в ПВД подполковника Александра Малинина мгновенно преобразились. Усталость после напряжённого дня в группировке сменилась тревожной настороженностью. «Калашни», до сей поры покоящиеся на коленях у офицеров, как по команде уткнулись в окна. Ехавший следом за нами бэтээр прикрытия развернул башенные пулемёты к

склону возникшей по левому борту горы, а сидевший на броне десант мгновенно ошестинился стволами автоматов.

В следующий миг я поймал себя на том, что уже не люблюсь проплывающим за окном горным пейзажем, а так же, как находящиеся в салоне офицеры отряда, настороженно всматриваюсь в дождливые сиреневые сумерки, отодвинувшись от греха подальше за бронированную перегородку «уазика».

Третий, окончательный этап трансформации моего сознания наступил через день, когда отряд выехал на операцию в горы, на границу с Чечней, чтобы вычислить маршрут, по которому тамошние боевики переправляются в Ингушетию.

Минувал последний пост милиции, колонна прибавляет ходу. Наш бэтээр с бортовым номером «906» тоже поддает газу, и уши мгновенно закладывает от встречного ветра. Подоб-

роты, один из самых матёрых контрактников отряда.

Наконец колонна достигает поляны почти на самой вершине холма, поросшей жидким кустарником. Команда «К машине!» сметает с брони спецназовцев. Полтора десятка бойцов с ходу рассыпаются по периметру, занимая круговую оборону. «Коробочки» и «Уралы» выстраиваются в каре.

В считанные минуты бойцы из группы обеспечения разводят костёр, и вскоре мы уже за обе щеки улетаем аппетитное пюре с тушёной, запивая крепким чаем с неизменными солдатскими галетами. Наслаждаемся па-

ные гонки – мера предосторожности, поскольку дорога пролегает через распадки, удобные для вражеских засад. А попасть в бронетранспортёр, летящий на предельной скорости, все-таки труднее, нежели в неспешно ползущий по трассе.

Десяток километров до Малых Галашек мы проскакиваем за считанные минуты. Лишь на въезде в село машины наконец сбрасывают скорость и вновь неторопливо катят вдоль добротных кирпичных домов, утопающих в зелени.

Не доезжая до околицы, колонна резко берёт вправо и начинает медленно подниматься в гору. Движок нашей «коробочки» тяжело завывает, с удвоенной силой выбрасывая сизые выхлопы солярки. Водитель рядовой Рамиль Донатов с силой выкручивает руль, вписываясь в крутой вираж на серпантине.

– Пулемёт на три!

Впрочем, команда лейтенанта Андрея Бондарева, командира разведгруппы отряда, звучит больше для порядка – наводчик рядовой Евгений Безруков уже повернул ствол КПВТ вправо, в подступившую зелёнку на склоне.

За первым подъёмом начинается второй – более крутой. Бэтээры, два «Урала» и кашээмка уже не ползут, а из последних сил карабкаются по склону, надрывая стальные жилы, цепляясь за каменистую дорогу ребристыми скатами. С левого борта возникает крутой обрыв, и я поневоле отворачиваюсь. Сидящий рядом со мной прапорщик Серёга, по прозвищу Кузьмич, понимающе кивает мне и вновь вписывается взглядом в заросли справа, упев в плечо верный «калашников» с чёрным раструбом подствольника. Чуть позади, прильнув к пришелу эсвэдэшки, полуприлёг на броне Алекс – снайпер развед-

рой десятков минут роздыха, пока подполковник Александр Малинин отточковывает план разведпоиска со старшими групп.

– Смотри, Валера, – обращается подполковник к командиру первой группы капитану Чекалину. – Ваша задача – к сумеркам выйти вот в этот квадрат. – Палец Сан Саныча уткнулся в точку на карте. – Здесь базируетесь до утра, а на рассвете доходите до контрольного рубежа, прочёсываете вершину и склоны, после чего в шестнадцать ноль-ноль спускаетесь к точке эвакуации. Теперь ты, Андрей Евгеньевич. – Малинин оборачивается к командиру разведчиков. – Как мы вчера говорили, выходились со своими на два часа позже и работаете вот по этим квадратам... – Подполковник обозначает на карте полукруг: – В общем, мужики, сами знаете – кровь из носа, нам надо вычислить, какими волчьими тропами «духи» сюда шастают, все маршруты их определить...

* * *

Небо закрывают развесистые кроны деревьев, впереди шелестит густой кустарник. Бойцы медленно карабкаются в гору, след в след, обшаривая окрестности взглядами. Нервы натянуты как струна – в любой момент из зарослей могут жахнуть автоматы боевиков, и тогда – рыбой за ближнее дерево и короткими очередями по вспышкам из зарослей... Но пока кругом тихо и лишь редкие птицы нарушают тишину предвечернего леса.

Поднявшись до нужной отметки, бойцы разворачиваются в цепь и медленно крадутся по склону. Взгляд скользит по сторонам, затем опускается под ноги – «духи» запросто могли нашинговать зелёнку минами и растяжками. После – шаг вперед и опять обшариваешь взглядом всё вокруг, водишь стволом, готовый в любую минуту откатиться, теперь уже за валун справа, принимая бой. Подшвы предательски скользят по склону, и приходится прибегать к почти акробатическим трюкам, чтобы не скатиться кубарем. Как же это трудно: из последних сил балансировать на крутом подъеме и одновременно смотреть в оба, улавливать малейший шорох!

Перед каждой небольшой поляной группа притормаживает, осторожно охватывает полумесяцем открытый участок местности и, лишь убедившись, что впереди нет вражеской засады, движется дальше.

Вот и конечная точка. Со всех сторон из зарослей неслышно появляются бойцы, стекаясь к командиру группы.

– У меня все чисто, – докладывает один.

– Перед спуском на кустах ветки сломаны, – сообщает другой. – Судя по виду, недавно.

– А я вот чего надбыл. – Третий,

плечистый контрактник с простодушным, улыбочивым лицом, никак не сочетающимся с существующей как бы отдельно от него могучей исполинской фигурой, протягивает командиру смятую пачку сигарет. – Правда, старая. – В глазах сержанта читается разочарование.

– Ничего, значит, всё-таки верную инфу нам соседи дали: по этим тропам «духи» из Чечни сюда лезут, – ободряюще подмигивает бойцу капитан. – Ну что, парни, возвращаемся на базу!

* * *

В горах темнеет быстро. Вроде еще совсем недавно нещадно пекло жаркое южное солнце, а теперь вот уже стремительно спустились сумерки, в одночасье погрузив во тьму всё вокруг. Посты охраны усилены, а наша 906-я «коробочка» занимает позицию на взгорке.

Ночь в горах – самое опасное время. Непроглядная темень – лучший союзник «духов». Именно в эти часы они, как свои пять пальцев знающие местность, запросто могут подкрасться вплотную и жахнуть из всех стволов по временному пункту управления отряда. Потому, несмотря на поздний час, сна ни в одном глазу. Да что там сон: каждый шорох, каждый звук в ночи заставляет вскидывать «калаш» и, настороженно замерев, вглядываться в чернильный мрак ночи.

Ближе к рассвету со стороны гор доносится стук автоматных очередей вперемежку с гулким хлопанием подствольников. Тотчас же слышим из радики:

– «Лесник», я 471-й! Срочно выдвигайтесь в пятый квадрат, – узнаю я голос Малинина. – Соседи обнаружили группу до пяти человек. Действуйте по запасному варианту.

– Понял, 471-й, выдвигаемся, – звучит в ответ из динамиков скороговорка Бондарева.

В притулившейся внизу за нашим бронетранспортёром кашээмке шумно от треска радиостанций. Начальник связи отряда майор Александр Николаев передает указания командиру находящимся в горах группам. Сам же Малинин, уже успев поднять «в резерв» резерв, спешит к бэтээру.

– Вот и «духи» нарисовались, – говорит он мне, помогая забраться на броню. – Жаль только, что соседская разведка на них неудачно вышла: те метраж в двухстах выше были, а так бы прищучили этих уродов как пить дать.

Последние слова подполковника заглушает рев движка. «Коробочка» резко срывается с места и несётся по неровному извилистому просёлку.

* * *

Час проходит в томительном ожидании. В «разгрузке» Малинина оживает радица, а ещё спустя полминуты над дальним склоном взмывает белая ракета – группа Бондарева вышла в заданный квадрат. Следом чуть левее

верняка там отпечатки имеются. Надписи на дереве сфотографировал? – вновь обращается подполковник к Бондареву.

– Так точно, – разведчик достаёт из разгрузки фотоаппарат.

– «Сириус» – 471-му, – вмешивается в разговор радица. – Обнаружено место днёвки и два пустых схрона...

– Ну вот, считай, маршруты «духовские» нам известны. – Малинин достаёт карту и едва заметным пунктиром соединяет обнаруженные лёжки бое-

взлетает ещё одна – наш резерв добрался до разведчиков бригады.

– «Лесник», «Кобра», прочешите совместно с соседями квадрат, – командует по радики командир отряда.

– Эх, хорошо бы хоть патрон эти боевики обронили. – Прикативший следом за нами опер из ФСБ с надеждой смотрит на дальнюю гору, где работают группы «Росича». – Тогда по маркировке можно установить, откуда, как говорится, дровишки.

– «Лесник» – 471-му, найдены свежие гильзы и зажигалка, – словно услышав слова контрразведчика, докладывает Бондарев. – Чуть севернее обнаружены пустой схрон и надписи на дереве.

...Ещё спустя час из зелёнки появляются разведчики отряда. Командир группы протягивает капитану целлофановый пакет, в котором темнеет аккуратный прямоугольник зажигалки и среди россыпи гильз блестят сломанная алюминиевая ложка.

– Ну вот, а ты переживал, – ободряюще произносит Малинин, передавая находку оперативнику. – На-

воков. – Вот, значит, каким макаром они в Назрань проникают. Ну ничего, теперь будем знать, где их встречать, а то, понимаешь, привыкли здесь шастать, как по Бродвею! Будет им, волкам, дорога в один конец! – В усталых глазах командира зажглись огоньки охотничьего азарта.

* * *

Когда я вернулся из командировки, узнал, что спустя три недели на маршруте, выявленном бойцами 7-го отряда, в ловушку военных угодили сразу две группы боевиков. Одна из них была уничтожена, а вторая пыталась вернуться обратно в Чечню, где, едва уйдя за перевал, попала под огонь артиллерии внутренних войск.

Капитан
Константин АЛЕКСЕЕВ
Фото автора

Фамилии, позывные, условные обозначения изменены.

СВОИ СРЕДИ СВОИХ

Матерчатый полог резко взмыл вверх, и у входа в палатку выросла могучая фигура подполковника Валерия Косухина. Через согнутую в локте руку командира челябинского отряда спецназа свисали два маскировочных комбинезона.

— Вот, примеряйте, — улыбаясь, протянул он нам свою ношу, — И поторопитесь: через двадцать минут выступаем. В деревню вам лучше всего зайти с “боевиками”. А там, уже на месте, разберётесь.

Сборы наши были недолгими: аккумуляторы заряжены с вечера, фотокамеры и объективы к ним с рассвета покоились в походном кофре, диктофон с кассетами и прочую необходимую мелочь давно рассовали по карманам.

Через десять минут мы уже топтали к месту построения, на ходу придиричиво оглядывая друг друга. И с удовольствием отмечая, что внешне практически ничем не отличаемся от шагавших рядом...

“ДЛЯ СВОИХ ЧТО-НИБУДЬ ПРИДУМАЕМ...”

На чебаркульский полигон, где проходило совместное антитеррористическое учение государств — членов Шанхайской Организации Сотрудничества, мы с фотокором редакции старшим прапорщиком Владимиром Николайчуком прибыли под занавес. Репетиции и прогоны практических действий уже завершились. Воинские контингенты всех стран коротали оставшиеся до “генерального сражения” трое суток в полевом лагере, поддерживая боевой дух и физическую форму спортивными состязаниями.

Поговорить с генералами, офицерами, солдатами, узнать мнения руководителей и рядовых участников учения о происходящем мы ещё успевали. Но что делать с “картинкой”, фоторядом с места событий? Довольствоваться снимками, предоставленными пресс-центром “Мирной миссии-2007”, разбавив их собственными фотографиями на тему военно-полевого быта? Теоре-

тически был возможен и такой вариант. Но, зная характер и отношение к профессии своего напарника, я даже не рискнул предлагать ему, в зародыше подавив мысль о подобной халтуре. Извечный русский вопрос “Что делать?” повис в воздухе и был вынесен на коллективное обсуждение в последний вечер перед “боем”.

Мнения на “военном совете в Чебаркуле”, где кроме нас, горемычных, присутствовало командование отряда, несколько офицеров управления Уральского округа и Главкомата внутренних войск, высказывались различные. Но все в конечном итоге сводилось к одному: оказаться завтра в боевых порядках, чтобы снять крупным планом динамику учебного штурма, лица, глаза в нем участвующих — нереально. Не пробраться нам в деревню, хоть ты тресни!

— Да не парьтесь вы! Разместитесь на гостевой трибуне, “пощёлкаете” генералов, президентов, их свиту. Смысл-то какой вам завтра пыль

глотать? Не навоевались, что ли? — звучало со всех сторон успокаивающе-сочувственное разноглосье.

Оно, конечно, так. И генералы у большой разноцветной карты смотрятся убедительно. И седин нам с Володиёв последние двенадцать лет добавили изрядно. Да вот только ездим и летаем мы за тридевять земель от столицы, чтобы показать в первую очередь именно того, чья грудь — щит Отечества. То есть солдата нашего. А как это сделаешь, если рядом с ним не пойдёшь?

Поняв по выражению лиц, что товарищеские увещания настроения нам не прибавили, слово взял полковник с главковским грифоном на рукаве. Почесав маковку прямо через краповый берет, что, очевидно, особо стимулировало работу мысли, он произнёс:

— Ладно, пресса, не переживайте. Для своих что-нибудь придумаем.

Это самое “для своих”, которое нашему брату военному журналисту доводилось слышать в средней полосе России и на Урале, в Заполярье и Забайкалье, в Сибири и на Северном Кавказе, дорогого стоило! Теперь мы точно знали, что материал будет.

“ЕСТЬ УПОЕНИЕ В БОЮ...”

План, придуманный разведчиком, был прост, как всё гениальное. Встаём пораньше, избавляемся от табличек — заминированных табличек, красующихся на камуфляже, и прочих внешних профессио-

нальных признаков. Аппаратуру прячем под маскхалаты и до выставления оцепления кружными просёлками вместе с “бандой” выдвигаемся в “мирно спящую деревню”.

— Поснимать вам будет что. Но глядите под ноги. Где заложены имитационные заряды, я покажу. Главное, в горячке не подорвитесь там на чём-нибудь. И вообще, будьте поосторожнее, — закончил полковник инструктаж.

После прибытия в посёлок около часа ушло на детальное изучение местности. Наш “экскурсовод” и по совместительству один из главных “режиссёров-постановщиков” грядущего спектакля подробно рассказывал, что и где будет происходить. А мы тут же прикидывали, откуда

удобнее снять тот или иной эпизод, избегая при этом лишних перемещений по открытому пространству.

По всему выходило, что наиболее удобная позиция — у двухэтажного блочного здания, облюбованного “боевиками” под свою базу. Оно должно было стать одним из основных “очагов сопротивления”. И, следовательно, вся прилегающая к нему территория — местом наиболее активных действий спецназа.

На нашу удачу, по соседству с тем же домом располагался и пункт управления пиротехникой. Быстро познакомившись и найдя общий язык с колдовавшим около него сержантом-контрактником, мы заручились обещанием заблаговременно сообщать нам обо всех нажатиях “красной кнопки”.

Парень вообще оказался не промах и, когда всё началось, стал одним из основных “дирижёров” наших действий. Привлекла моё или Володино внимание молодецким окриком или разбойничьим свистом, перекрывавшим какофонию взрывов и выстрелов, он “комиссарил”:

— Сейчас вон ту банку, откуда пулемётчик выскочил, взорву...

— Мужики, через две минуты серия взрывов на холмах справа...

— На второй линейке два фугаса готовы. После прохождения вертушек...

— Давай к углу изгороди, через пять минут подрыв бейтэра...

Кроме всего прочего, маскхалаты скрывали и звёзды на наших по-

гонах. Потому сержант, войдя в раж, рудил, что называется, невзирая на чины и звания. Вернее, он даже не догадывался о них. В данной ситуации это шло только на пользу делу. По блеску Володиных глаз было ясно: фотосессия идет удачно, и среди уже сделанных снимков есть как минимум два-три весьма неплохих!

Между тем “бой” продолжался. Спецназ, постепенно сжимая полукольцо, приближался к “базе террористов”. Здесь же концентрировались “выжившие” в предыдущих эпизодах “боевики”, занимавшие позиции у окон и за углами дома.

“Перестрелка” велась с расстояния каких-нибудь тридцати-сорока метров. Что давало нам редкую возможность одновременно крупным планом снимать и наших, перемещающихся перебежками от укрытия к укрытию, и “супостатов”, не жалующих холостых патронов, чтобы сдержать напор штурмующих.

Наш недавний “дирижёр” остался временно безработным: когда “противники” настолько сблизились, ничего уже не взорвётся. Но тут же нашёл себе новое дело. На ленту подхватывая пустые автоматные и пулёмётные магазины, выброшенные из оконных проёмов, он вместе

с двумя парнями в масках снорвис-то набивал их боеприпасами. И тем же способом возвращал обратно отстреливающимися “боевикам”. Присоединяться к слаженно работающей троице и становиться пусть на время, пусть ненастоящим, но все же “не нашим”, честно говоря, нам не хотелось.

Пригибаясь больше инстинктивно, чем в силу необходимости, бегу к углу строения. Вот-вот патроны у “бандитов” закончатся, и тогда спецназ сделает последний бросок. Надо успеть поймать этот момент.

Когда до угла оставалось не более метра, за ним рванул взрыв-пакет. Из облака дыма и поднятой пыли прямо навстречу выскочил боец. Как и положено, в бронеке и шлеме, с автоматом наперевес... Он на тренировках бегал тут несколько раз. И, естественно, никакого журналиста перед ним не было. Поэтому и сейчас прёт напролом. Понимая, что с тем же успехом можно стоять на пути электрички, успеваю отклониться в сторону и припасть на колени.

Щелчок затвора фотоаппарата следует уже вдогонку пробежавшему спецназовцу. Краем глаза замечаю, что Володя успел-таки снять “во фронт” эту колоритную во всех отношениях фигуру. И терзаюсь одной мыслью: попал я в кадр, заповор тем самым еще один отличный снимок, или успел “выпасть” из него? Но поднятый вверх большой палец напарника успокаивает: всё нормально, снято!.

Собираясь в обратный путь, садимся в помятый, без стекол автобус. Уставшие, пропотевшие и запылённые, размещаемся среди офицеров отряда спецназа и челябинского ОМОНа. Володя – неутомимая душа! – и здесь умудряется сделать пару кадров, поймав в объектив оживлённо разговаривающих соратников. Слышу за спиной вопрос недовольного милиционера:

– А это ещё кто?

– Спокойно, брат, – опустил ему руку на плечо спецназовец. – Это наша войсковая пресса – журнал “На боевом посту”. Свой, в общем...

Как это здорово быть своими среди своих!

**Полковник
Игорь СОФРОНОВ**

Фото автора и старшего прапорщика Владимира НИКОЛАЙЧУКА

Есть великолепный фильм 60-х годов прошлого века “Когда деревья были большими”. На мой взгляд, название этого фильма, его сюжет стали своего рода обозначением изменения восприятия окружающего мира в глазах человека. Мы взрослеем, учимся, появляются опыт, новые знания... Меняется и наше отношение к окружающему миру, да и к самим себе тоже.

ТОВАРИЩ, ПОМОЩНИК И ДРУГ

Мне кажется, что так же меняется в войсках и отношение к журналу “На боевом посту”. Для солдата привлекательны прежде всего глянцево-картинки с изображением крутых парней. Лейтенанту нужна методика проведения занятий. Майору порой хочется военной лирики. Полковнику интересно что-то прочитать о сослуживцах, поделиться своими воспоминаниями и опытом. Генералов интересуют глубокие аналитические материалы.

Я читаю журнал “На боевом посту” уже больше двадцати пяти лет. Преобразилась наша страна, другими стали внутренние войска. Вместе с ними изменялся и войсковой журнал. Причём не только внешне, но и по содержанию, идеологии, способам подачи информации.

Вообще же за эти годы и сама роль прессы, и отношение к ней в нашем обществе сильно изменились. В советское время была своего рода “обязаловка” – кому сколько изданий выписывать и кому что читать. Помню, незадолго до перестройки, в сентябре 1984 года, выпускник Высшего политического училища МВД СССР имени 60-летия ВЛКСМ лейтенант Марченко получил первое в своей офицерской жизни замечание от заместителя командира батальона по политчасти за то, что подшивка журнала “На боевом посту” в ленинской комнате ведётся неаккуратно. То, что журнал тогда мало читали, никого не волновало. Подшивка должна быть, и всё тут! Журнал как составная часть “интерьера” ленинской комнаты был необходим, а за плохую организацию подписки на него можно было получить партийное взыскание.

Потом началась перестройка, с ней пришла гласность, свобода слова. На читателя обрушился вал самой разной информации. Но и в этом бурном море наш войсковой журнал не потерялся, не пошел ко дну. На его страницах появились новые авторы, темы стали подниматься острые, такие, о которых раньше говорили вполголоса. В конце 1990 года весь Северо-Кавказский округ, где я тогда служил, зачитывался смелой статьёй Николая Камешкина “Один день из жизни генерала”. Военный журналист, немного изменив название книги недавнего “диссидента и инакомыслящего”, в щедринских традициях показал, чем же занимаются некоторые руководители. Много было потом разборок, критики, обид, но карьера смелого журналиста все-таки состоялась – он стал редактором окружной газеты “На посту”, а затем – войсковой газеты “Ситуация”.

Все помнят, какими для нашей страны были 90-е годы. Северный Кавказ полыхал, началось противостояние в Чечне, а потом и настоящая война. В то время журнал был моим спутником в частых командировках. Героизм и мужество наших ребят достойно отражались на его страницах. В этом, без преувеличения, великий труд военных журналистов. С каким интересом я читал в журнале военные очерки полковника Бориса Карпова! Они тем более

были мне интересны, что многих героев публикаций я хорошо знал лично. А потом вышла книга “Звезды мужества”, где под одной обложкой приносило огромную пользу – стал говорить с журналистами на одном языке, лучше понимать их цели и задачи. Естественно, помогал по мере возможностей съездить в ту или иную часть, познакомиться с интересными людьми.

Особенно приятно, что в те годы на страницах журнала появились мои первые научные статьи по проблемам казачества, национальной политики, истории войск. Впоследствии они были зачтены в качестве публикации перед защитой кандидатской и докторской диссертаций.

Уже говорил, что журнал в последние годы меняет своё лицо. На мой взгляд, журналистскому коллективу удалось приблизиться к читателю, особенно молодому. Сегодня “На боевом посту” – один из лучших военных журналов нашей страны. Это не голословное утверждение – есть с чем сравнивать... Конечно, огромную роль играет современная полиграфия и дизайн, чёткая структура каждого номера. За всем этим чувствуется умелая рука редактора, секретариата журнала.

Сегодня “На боевом посту” – один из лучших военных журналов нашей страны. Это не голословное утверждение – есть с чем сравнивать...

Но какой бы красивой ни была форма, она ничто без качественного содержания. По-моему, главному редактору журнала полковнику Юрию Кислому, всему творческому коллективу в наше достаточно непростое время удалось сохранить достойный уровень военной журналистики. Сегодня в редакции трудятся настоящие мастера печатного слова и, что примечательно, в коллективе растёт целая плеяда талантливой молодёжи. С уверенностью можно говорить о настоящей журналистской школе, созданной в журнале.

Новых творческих успехов! Таково моё главное пожелание журналу “На боевом посту”, который стал вторым товарищем, помощником и другом для многих поколений воинов внутренних войск. С праздником, уважаемые коллеги!

приносило огромную пользу – стал говорить с журналистами на одном языке, лучше понимать их цели и задачи. Естественно, помогал по мере возможностей съездить в ту или иную часть, познакомиться с интересными людьми.

Особенно приятно, что в те годы на страницах журнала появились мои первые научные статьи по проблемам казачества, национальной политики, истории войск. Впоследствии они были зачтены в качестве публикации перед защитой кандидатской и докторской диссертаций.

Уже говорил, что журнал в последние годы меняет своё лицо. На мой взгляд, журналистскому коллективу удалось приблизиться к читателю, особенно молодому. Сегодня “На боевом посту” – один из лучших военных журналов нашей страны. Это не голословное утверждение – есть с чем сравнивать... Конечно, огромную роль играет современная полиграфия и дизайн, чёткая структура каждого номера. За всем этим чувствуется умелая рука редактора, секретариата журнала.

Но какой бы красивой ни была форма, она ничто без качественного содержания. По-моему, главному редактору журнала полковнику Юрию Кислому, всему творческому коллективу в наше достаточно непростое время удалось сохранить достойный уровень военной журналистики. Сегодня в редакции трудятся настоящие мастера печатного слова и, что примечательно, в коллективе растёт целая плеяда талантливой молодёжи. С уверенностью можно говорить о настоящей журналистской школе, созданной в журнале.

Новых творческих успехов! Таково моё главное пожелание журналу “На боевом посту”, который стал вторым товарищем, помощником и другом для многих поколений воинов внутренних войск. С праздником, уважаемые коллеги!

**Полковник*
Геннадий МАРЧЕНКО,
заместитель
командующего войсками
Северо-Западного округа
внутренних войск
по работе с личным составом,
доктор исторических наук**

“ПЛЕННЫЕ...”, НО НЕ ЗАБЫТЫЕ

Журналисты нашей редакции стали лауреатами самой престижной премии в области телевидения

11 декабря 1994 года... Маховик кровопролитной первой чеченской кампании начал свое смертоносное движение. Один из батальонов богородского отдельного полка оперативного назначения Приволжского округа ВВ МВД России получил приказ закрепиться у моста в районе селения Герзель-Аул и обеспечить беспрепятственное вхождение группировки федеральных сил в Чечню с востока. На узких улицах дагестанского города Хасавюрт колонна военной техники была заблокирована многоэтажной толпой стариков, женщин и детей, которой очень чётко управляли бородатые мужчины, оставаясь при этом вроде бы на вторых ролях.

Местные жители, преимущественно чеченцы, полезли на технику, стали вырывать оружие из рук солдат и офицеров. Инструкции по действиям в подобной обстановке у военнослужащих тогда не было, зато был приказ – огонь не открывать ни при каких обстоятельствах. И приказ они этот выполнили, до последнего момента пытались решить всё мирным путём. Тогда в плен к боевикам попали более 50 военнослужащих. Большинство из них, благодаря усилиям командова-

ния внутренних войск, вернётся в родную часть уже через несколько дней. Пятерых офицеров боевики увезли в Грозный.

Судьба пленных офицеров сложилась по-разному. Подполковник Виталий Серёгин пробыл в дудаевских застенках 9 месяцев. Вернувшись из плена, продолжил службу. За участие в контртеррористических операциях награждён двумя орденами. Борис Болтнев также вернулся домой, участвовал в боевых действиях, стал кавалером ордена Мужества. На долю майора Олега Дедегкаева выпали нечеловеческие мучения. Осетину по национальности, ему пришлось в дудаевских застенках особенно тяжело. В плену он пробыл вместе с Серёгиным 9 месяцев и умер на руках у жены в родном Владикавказе через три месяца после возвращения. От побоев, нанесённых боевиками, его внутренние органы превратились в кровотокающую рану. Тело расстрелянного капитана Андрея Романова нашли весной 1995 года. Похоронен офицер в родном Богородске. Судьба майора Вячеслава Афонина неизвестна до сих пор. И хотя он был признан умершим, его останки найти не удалось.

Журналисты “На боевом посту” полковник Игорь Софронов и подполковник Николай Петелин в то время служили в Приволжском округе, были лично знакомы со всеми офицерами, попавшими в плен. Через несколько лет, уже в редакции в Москве, трагическую историю воинов-приволжцев они рассказали ответственному секретарю журнала подполковнику Игорю Бысенкову. Так родилась идея снять о них фильм. Помочь в съёмках согласились коллеги из программы “Военная тайна” на канале РенТВ, которые сразу включились в работу.

Полковник Игорь Софронов занимался подбором архивных материалов. По его словам, недостатка в них не было. Самым сложным было отделить зерна от плевел, отместить весь информационный мусор и чернуху, определить действительно ценные и, самое главное, достоверные видео- и печатные документы той поры.

На плечи подполковника Николая Петелина легла одна из самых сложных задач. Ему предстояло убедить непосредственных участников событий, родственников и близких погибших товарищей принять участие в съёмках. Сложно сегодня представить, чего ему это стоило. Согласитесь, людям предстояло вспомнить все ужасы и кошмары плена, бессонные ночи в ожидании возвращения родных домой, боль длиною в десять лет.

Съёмки проходили в Нижнем Новгороде и Богородске, а после была не менее напряжённая работа руководителя проекта – ведущего программы “Военная тайна” Игоря Прокопенко, режиссёра Вадима Артеменко, редактора Алексея Перевощикова в монтажной студии РенТВ в Москве. “Пленные и забытые” вышел на экраны в апреле 2007 года.

Сентябрьским вечером вся страна в прямом эфире следила за вручением самой престижной российской телевизионной премии ТЭФИ. В номинации “Документальный сериал” участвовал фильм “Пленные и забытые”. Телеакадемия по достоинству оценили труд его создателей – бронзовую статуэтку работы Эрнста Неизвестного стала тому подтверждением.

**Капитан
Сергей ДЮЛЬДИН**

ПО СЛЕДУ ЛЕНИВЫХ УБИЙЦ

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Дело было в конце лета. На редакциях шло обсуждение одиннадцатого – юбилейного – номера журнала. Все фонтанировали творческими идеями, спорили и в ходе дебатов вспомнили ещё об одной дате – 10 ноября, 90 лет российской милиции.

И тут слово взял наш главный, Юрий Петрович Кислый:

– Хочется в наш и их праздник дать необычный, неординарный материал. Что-нибудь такое, с изюминкой... Не просто интервью с милицейским начальником, репортаж о работе подразделения или зарисовочку о заслуженном сотруднике, а-а-а... – Он отбил пальцами барабанную дробь по столу. – В общем, вот я о чём подумал. Есть среди нас человек, который пишет детективы и очерки о милиции. Было бы интересно, если бы он рассказал, как рождался один из материалов – читатели увидят и работу милиции, и работу журналиста. – Юрий Петрович повернулся в мою сторону. – Ну что, Николай, попробуешь?..

“А В ОБМОРОК НЕ УПАДЕШЬ?..”

Со многими сотрудниками Серпуховского УВД я познакомился ещё в середине 90-х, когда служил в этом городе в ракетном училище и на протяжении нескольких лет (вплоть до

перехода в журнал “На боевом посту”) был внештатным военным дознавателем при региональном отделении военной прокуратуры. Я уже тогда писал детективы и статьи на криминальную и правоохранительную тему, материалы для которых черпал и из этой, пусть и внештатной, работы (на ассоциациях родились повести “Самоубийство чужими руками” и “Запоздалое признание”), и из общения со следователями, операми и участковыми из УВД (на этой фактуре появилась книга “Преступления, которые потрясли Серпухов”). В общем, если я, может, и не стал для сотрудников милиции “своим в доску”, то и “шутаться” они меня перестали и спокойно давали комментарии по тому или иному уголовному делу, о котором я потом рассказывал на страницах районной газеты и журнала “Милиция”.

Так было и в тот раз. Серпухов – городок пусть и не совсем уж заштатный, но небольшой. По последней переписи населения – чуть больше ста тысяч жителей. Поэтому когда с интервалом в несколько дней в городе было совершено три убийства, то слухи о них распространились очень быстро. И я решил получить информацию о преступлениях, как говорится, из первых уст. Позвонил начальнику 2-го городского отделения милиции Александру Солдатову и договорился о встрече на следующее утро.

... Я поднялся на второй этаж отделения милиции и чуть ли не лоб в лоб

столкнулся с Солдатовым, выбегающим из своего кабинета.

– У меня ещё один труп, только что нашли, – на ходу бросил он. – Срочно выезжай!

– С тобой можно?
Он на секунду остановился:
– А в обморок не упадёшь?
– Ты же знаешь, я в военной прокуратуре...

– Трупы криминальные видел? – перебил меня Солдатов.
– Конечно! – уверенно соврал я.

ЗАПИСКА В КАРМАНЕ

А в обморок падать было с чего... Но это было потом, а пока мы ехали с Солдатовым в его машине, и он рассказывал:

– ... Все убитые занимались частным извозом. Их задушили и зарезали в собственных машинах... Судя по всему, в шапке не меньше двух человек. Тот, который садится на заднее сиденье – душит, а кто сидит на переднем – режет. Но странно то, что в двух случаях они убивали, грабили, забирали машины, а потом их бросали. В третьем – машину оставили. Может, кто спугнул?.. Пока понятно только одно – убийцы охотятся на таксистов, зная, что у них всегда “на кармане” есть деньги. И больше никаких зацепок...

...Труп убитого мужчины лежал в небольшой яме на стихийной свалке, которую организовали жители окре-

стных домов на пустыре. Даже беглого взгляда было достаточно для того, чтобы заключить, что мужчину – на вид ему было сорок пять-пятьдесят лет – убили абсолютно так же, как и всех предыдущих таксистов. На шею у него отчетливо проявились следы удущения, а вся шея и грудь были истыканы ножом.

Стараясь не смотреть на труп, я ходил между оперативниками (на меня они не обращали внимания – раз кто-то приехал с начальником отделения, значит, так надо) и прислушивался к их разговорам. По обрывкам фраз я смог понять, что у убитого не нашли ни денег, ни документов, поэтому у сыщиков возникли закономерные вопросы – а был ли он таксистом? И вообще, была ли у него машина? Может, он оказался случайным прохожим, попавшим в поздний час на окраину города? А может, вообще, жил на этой или соседней улице?..

– Саш, смотри, что я нашёл. – К Солдатову подошёл один из оперативников и протянул небольшой листок бумаги. – Я ещё раз осмотрел труп. Это лежало в заднем кармане брюк.

На листочке было написано мужское имя и номер телефона.

– Всё, поехали, – кивнул мне Солдатов. – Здесь нам делать больше нечего. – И повернувшись к своим сотрудникам:

– Дальше, ребята, всё, как положено: подомовой обход, опрос жителей. Может, кто что видел или

слышал... Я поехал номер “пробовать”.

ИЗБИТЫЙ ЖУЛИК

Всю обратную дорогу Солдатов молчал. Мне даже показалось, что он забыл о моём существовании.

– Саш, ты меня держи в курсе расследования, – попросил я его, когда мы припарковались у отделения милиции. – Я тебе вечером позвоню, ладно?

Он молча кивнул. Но я был даже не уверен, что он слышал, о чём я его попросил.

Из очерка “Охотники на таксистов”:

“Вернувшись в кабинет, Солдатов сразу же позвонил по найденному номеру. Ответивший мужчина подтвердил, что именно он является нужным майору милиции Владимиром. А на вопрос, не записывал ли он свой номер телефона для пятидесятилетнего мужчины, Владимир

Начальник отделения майор милиции Александр Солдатов

ответил утвердительно. И пояснил, что несколько дней назад познакомился с человеком по имени Игорь, который занимается частным извозом. И они с этим Игорем обменялись телефонами. На всякий случай...

– Какая у Игоря машина?
– Очень приметная – ярко-красный 41-й “Москвич” с большой самодельной антенной на бампере и с жёлтыми, тоже самодельными, “шашечками” на крыше...

Солдатов встал из-за стола и прошёлся по кабинету. “Красный “Москвич”, красный “Москвич”, машина приметная... Стоп! Красный 41-й “Москвич”. Почему мне это со-

чтение цвета и модели кажется очень знакомым? Где-то я об этом совсем недавно слышал. Или читал... Конечно, читал!”

Сыщик вспомнил, что два дня назад к нему поступил интересный материал. В нем, в частности, говорилось о том, что известная для майора Солдатова и всех сотрудников его отделения личность, так называемый “подучётный элемент” – мелкий жулик с центрального городского рынка по кличке Люттик, с сильными побоями обратился в приемный покой больницы имени Семашко. Потерпевший заявил врачам (а те, в свою очередь, сразу же сообщили в милицию – положено), что его избili и даже пытались убить на берегу Оки. В документе, который попал на стол к Солдатову, сообщалось, что на берег реки Люттика привезли как раз на частном такси – “Москвиче” 41-й модели красного цвета с жёлтыми “шашечками” на крыше.

Солдатов вызвал участкового, который отвечал за территорию, прилегающую к Оке, и дал ему указание ехать в больницу, чтобы допросить потерпевшего.”

Из рассказа участкового уполномоченного капитана милиции Андрея Фёдорова:

“Поначалу Люттик не хотел даже и говорить о своем избении. “Это мои дела, начальник, сам как-нибудь разберусь”, – заявил он. Но когда услышал о том, что убит водитель такси, на котором его привезли на берег Оки, и, не исключено, что теми же людьми, что избili и его, Люттика, то заговорил совсем по-другому. Особенно после того, как я намернул, что убийцы вполне могут захотеть убраться и его, как свидетеля, который видел их вместе с водителем “Москвича”. А тут и больничные стены не помогут...”

И тогда Люттик рассказал следующую историю. Последнее время он вместе со своим приятелем по кличке Винт, тоже ранее судимым за кражи, занимался мелким рэклетом – собирал деньги с продавцов на центральном рынке. Работа эта была довольно прибыльной. Но, с другой стороны, очень опасной. Потому как весь рынок давным-давно уже был поделён на участки, и гораздо более авторитетные, чем Люттик с Винтом, товарищи эти участки “окучивали”. А приятели, получавшие, наглым образом вторглись на чужие “территории ответственности”.

Но сладкая жизнь продолжалась

Трудный разговор с подозреваемым

захвата, Солдатов направился в установленный адрес брать первого подозреваемого в убийстве таксистов.

ПОДОЗРЕВАЕМЫЕ

С Солдатовым мы встретились вечером того же дня. Я решил нанести ему визит без предварительного звонка, чтобы у него не было шансов отказать от встречи.

Когда я вошёл в кабинет, Александр прохаживался от стола к приоткрытому окну и нервно курил. По его виду было заметно, что он сильно возбуждён. Он напоминал мне гончую, которая идёт по следу и вот-вот достигнет зверя.

— Двоих уже взяли, сейчас поехали за третьим, — пояснил Александр, после того как я поинтересовался, как идут дела. — Правда, похоже, что один из задержанных не при делах, а вот второй...

Из рассказа начальника отделения майора милиции Александра Солдатова:

недолго. Возмездие пришло в виде троих крутых парней, которые вычислили Лютика и Винта, захватили их в красный «Москвич» и вывезли на берег Оки.

Их долго били двое из этой троицы (третий просто стоял в стороне, а водитель остался на дороге в машине), приговаривая, что чужие деньги брать нельзя. В какой-то момент Лютик боковым зрением заметил, что его напарник потерял сознание и рухнул на песок. И тогда эти парни, ни секунды не раздумывая, схватили Винта за руки и за ноги и бросили в воду.

Для Лютика это стало сигналом к тому, что надо спасать собственную жизнь, и он бросился в воду.

Я поинтересовался, кто были эти люди, но он опять принялся врать, заявляя, что никого из них не знает. Я ему говорю: «Ты разве не понимаешь, что остался единственным свидетелем? Водитель убит, Винт — тоже. Неужели ты хочешь разделить их участь?»

И тогда Лютик побоялся, что тех, кто его бил, он на самом деле не знает. А вот третий, тот, который стоял в стороне, был... его двоюродным братом!»

Вычислить место жительства брата Лютика, некоего Сергея Дроздова, а он, как выяснилось, был тоже человеком ранее судимым, а потому личностью для милиции известной, оказалось довольно просто. Взяв группу

Тогда мы начали раскручивать Дроздова на информацию о тех двоих «учителях». И выяснили, что это за типы. Один — Виталик-культурист по кличке Арнольд, второй — Боря, кличка — Мелкий, погода как «откнулся с зоны». Узнали мы и их адреса.

И о водителе красного «Москвича» Дроздов выдал нам интересную информацию. Он сообщил о том, что Виталик и Боря частенько пользовались его услугами. Он у них был как бы своим шофером. Они знали номер его телефона и, когда возникала необходимость куда-то поехать, звонили и вызывали его. Знал Дроздов даже и о том, что накануне вечером Арнольд и Мелкий должны были ехать на этом «Москвиче» в гости к каким-то подружкам.

Я сразу направил в оба адреса по группе захвата. Первая привезла Виталика. Задержание, по словам старшего группы, прошло без сучка и задоринки.

«Расколоть» ушедшего в «глухой откат» задержанного поначалу не получалось. И тогда я решил проверить маленькую оперативную комбинацию. Двое моих сотрудников провели Арнольда в другой кабинет и по дороге как бы случайно «показали» сияющего на стуле в коридоре Дроздова. Виталик сразу засуетился, занервничал и заявил, что ему надо немного подумать, что он, мол, «что-то вспомнил». И уже через несколько минут сказал, что готов выложить всё нечистоту.

Накануне вечером он вместе с Борисом решил поехать к девочкам. Как это они делали не раз, вызвали «своего» таксиста. Доехали до нужного адреса, но подружек дома не оказалось. Тогда решили нанести визит другим девочкам. Но если первые поили и кормили Арнольда и Мелкого за свой счёт, то вторые всегда требовали, чтобы в гости к ним приезжали со своей вытшкой и закуской. Но денег, чтобы это всё купить, у них не было.

Они решили попросить взаймы у таксиста. Но водитель заявил, что денег им не даст, потому что и так возит их за полцены и не уверен, что они ему отдадут.

Услышав такой ответ, приятели решили деньги у хозяйки машины отобрать. Но водителем начал оказывать сопротивление. Виталик, который сидел на заднем сиденье, схватил мужчину за горло и начал душить. Водитель продолжал сопротивляться.

И тогда Мелкий достал нож-выкидушку и несколько раз ударил им таксиста в грудь и шею. Подельники обыскали его, забрали деньги, труп отвезли на свалку, а сами на «Москвиче» поехали за вытшкой. А потом, затарившись, махнули к девочкам.

Виталик признался, что им было просто лень тащиться пешком в центр города. Потом машина была им ни к чему, и они её бросили в одном из дворов. По такому же сценарию были совершены и остальные три убийства — Арнольд душил, Мелкий наносил удары ножом. Автомобили своих жертв убили интересосвали не более чем средства передвижения до места очередной гулянки. Признался Виталик и в том, что сбросил вместе с Борисом в воду и избитого Винта».

КОШКИ-МЫШКИ

Из радики, стоящей на столе у Солдатова, послышалось шипение, и далёкий голос доложил:

— Саш, мы с добычей. Возвращаемся. Минут через десять будем на месте.

— Что-то вы, Ген, долго... Проблемы были?

— Нуоансики...

— Жду! — Солдатов отложил переговорное устройство и повернулся к мне: — На сегодня, Коль, всё. Будем работать с задержанным. Не обижайся, но поосторонним, как говорится...

— Да я понимаю... Мне бы насчёт нуоансиков узнать поподробнее.

— Подойди потом к Большунову. Он старший этой группы.

Из рассказа начальника криминальной милиции майора Геннадия Большунова:

«Поднимаемся на пятый этаж, звоним. А у них там две квартиры от остального коридора отгорожены железной дверью. Слышу, открылась внутренняя дверь и послышался шаркающий шаг. «Кто?» — спрашивает старушечий голос из-за второй двери. «Милиция, — говорю, — откройте». — «А я никакой милиции не вызывала!» — «А мы иногда и без вызовов приезжаем! Борис ома?» — «Нету его!» — «Опять шажки, хлоп, и дверь в квартиру закрылась. Думаю, надо бы сказать, что сантехники, мол, нижнюю квартиру залили. Но поздно...»

Опять жму на звонок. Никакой реакции. Звоню соседям. Никого. Что делать? Начали стучать. Через не-

которое время старушка кричит: «Прекратите, всё равно не открою!» — «Тогда будем ломать дверь!» — «А заплатит мне кто за сломанную дверь?» — «Сами будете платить, раз милиция не подчиняется! У нас есть санкция прокурора». — «Ладно, ладно, не колотите!»

Открывает этот божий одуванчик нам дверь, проходим в квартиру. Она однокомнатной оказалась. Осмотрели комнату, кухню, ванную, туалет, балкон и даже заглянули в шкафы. Нет Мелкого! Беру стул, сажусь. Старушка пристраивается напротив меня на краешек кровати. А кроватку покрывалом накрыта почти до самого пола...

Беседуем. Когда ушёл, к кому, когда придёт, с кем дружит, чем занимается после тюрьмы, где работает? Старушка однословно отвечает и, чувствуете, нервничает. Я ей: «Будем ждать твоего внука! Очень он нам нужен». — «А если он сегодня не вернётся?» — «Будем ждать до утра. Или до заставрашеного вечера. Нам торопиться некуда».

А у них кот в квартире живёт. Здоровенный такой! И всё он пытается под кровать залезть. А старушка его хватает и старается на коленах удержать. А он ни в какую — так и норовит под кровать юркнуть!

— Чего, — спрашиваю, — кот под кровать-то лезет?

— Мышей чувствует.

— Так пусть ловит!

И тут меня как молния ударяет. Солдатов же при инструктаже говорил, что Борис-то этот мелкий! Щуплый!

— Бабуль, — говорю, — давай мы, что ли, твоему коту поможем! — Встаю и подхожу к кровати.

Она как закричит:

— Ни в чём Боренька мой не виноват! Опять его в тюрьму посадить хотите!

Откидываю я покрывало, а там Мелкий! Лежит и даже пошевелился не может. В общем, подняли мы кровать вместе с бабушкой, вытащили её Бореньку. А он на вид как семиклассник. Только рожа уголовная...»

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЖИВОГО ТРУПА

На этом в нашей истории вполне можно было бы поставить точку. Задержанных поместили в СИЗО, прокуратура начала готовить материалы

для передачи в суд. Солдатов послал официальные запросы в города, лежащие ниже Серпухова по течению Оки, в которых просил сообщить, не всплыли ли в их краях труп молодого человека — тело Винта так и не было найдено. Но...

Из очерка «Охотники на таковских»:

«Но вместо информации от коллег из этих городов, на стол Солдатову легла телефонограмма из больницы. Врачи сообщили, что к ним по «скорой помощи» доставлен гражданин Столяревич, двацати трех лет. Пациент находился в тяжёлом состоянии, жаловался на высокую температуру, кашель и сильные боли в области почек. При осмотре на его теле обнаружены следы от многочисленных побоев.

Это было невероятно! Двадцатитрёхлетний Столяревичем был не кто иной, как... считавшийся утопленным Винт. Прочитав сообщение, Солдатов сразу же выехал в больницу.

Столяревич, которому врачи уже оказали первую помощь, подробно рассказал о своём возвращении «с того света». Чувствовал во время разборки, что бандиты могут его убить, он сделал вид, что потерял сознание. После того как его бросили в воду, он, не поймав признаков жизни, «продрейфовал» вниз по течению метров двести. А потом выбрался на берег и направился к своей подружке. В ночь после счастливого спасения у «утопленника», долгое время проведённого в ледяной воде, поднялась температура, а потом и нестерпимо начали болеть почки. Промучившись несколько дней, Столяревич был вынужден вызвать «скорую».

НЕБОЛЬШОЕ ПОСЛЕДСТВО

Как пишут в толстых романах — «шли годы». Я сдружился с Солдатовым, Большуновым, Фёдоровым, многими другими ребятами из серпуховской милиции и продолжал писать об их, как поётся в песне, опасной и трудной службе.

Общаясь с ними, я понял, пожалуй, главное: оперативник — это не профессия. Оперативник — это состояние души. И если провести условную границу между добром и злом, то настоящей опер всегда на перед-★вой...

С Днём милиции, мужики! С девяностолетием...

С "ЧЕЛСИ" — В ЧЕЧНИЮ

В Чеченской республике прошла акция, организованная Департаментом кадрового обеспечения МВД России и приуроченная к Дню милиции. Сотрудникам МВД, военнослужащим внутренних войск ОГВБ(с) были вручены награды и ценные подарки. В составе благотворительного десанта на Северном Кавказе находился и корреспондент журнала "На боевом посту".

Три часа полёта, и мы в Моздоке. Едва шасси самолёта коснулись бетона, я почувствовал, что пассажиров охватило волнение. Во-первых, мы в горячей точке. И пусть активные боевые действия в Чечне давно закончились и налаживается нормальная мирная жизнь, в республике по-прежнему тревожно. Во-вторых, пришла мысль: а ведь с такой же, как и у нас, миссией в годы Великой Отечественной артисты тоже часто приезжали на передовую. Конечно, в те годы это не называлось благотворительной акцией. Но суть та же. Они вселяли бойцам оптимизм, веру в победу, помогали расслабиться и отдохнуть после боя.

Кстати, к подобным акциям причастна и редакция "На боевом посту". Два года назад инициатором одной из встреч на чеченской земле выступил наш журнал. Тогда в гостях у военнослужащих побывали Гоша Куценко и рок-группа "Иван-царевич".

Группировку на Северном Кавказе регулярно посещают представители благотворительных организаций, общественных движений, видные политические деятели, артисты эстрады. На этот раз в ОГВБ(с) приехали Академический ансамбль песни и пляски внутренних войск МВД России, вокально-инструментальная группа "Офицеры", вокальный ансамбль "Кристалл хорос", группы "Радио" и "Челси".

Трёхдневный тур прошёл в режиме non-stop: каждый день по концерту, а то и по два, причём программа ни разу не повторилась. Артисты работали на пределе возможностей.

Гости приехали не только поздравить, но и отметить лучших. Инициатор проведения акции начальник Департамента кадрового обеспечения МВД России генерал-лейтенант милиции Владимир Кичоть вручил госу-

дарственные и ведомственные награды военнослужащим и сотрудникам правоохранительных органов. Членам семей погибших сотрудников МВД по Чеченской республике – ценные подарки. Инвалидам была оказана материальная помощь. Родителям младшего сержанта милиции Муслима Исмаилова генерал-лейтенант В. Кичоть передал на хранение Золотую Звезду Героя России-

кой Федерации. Этого высокого звания милиционер удостоен посмертно.

Акция завершилась. Уже знакомый путь домой. На борту большого транспортного Ила делимся впечатлениями. Не знаю почему, но я тогда волновался больше, чем в тот момент, когда наш самолёт подлетал к Моздоку...

★
Лейтенант
Дамир ШАРИПОВ

Термин "постсоветское пространство" – неживой, холодный. "Пространство" – это для космоса, для Антарктиды. Во многих бывших действительно братских республиках по сию пору живут и служат во внутренних войсках наши бывшие соотечественники, сослуживцы, сотоварищи. Что касается коллег – военных журналистов, кое-какая информация об их трудах до нас доходит: случаются редкие телефонные звонки из Астаны или Киева, письма оттуда – и вовсе событие. Знаем, что во внутренних войсках Украины издаётся газета "Ратник" и журнал "Слово чести", в Казахстане – газета "Калкан", в Беларуси есть войсковая страница в газете республиканского МВД.

Как тут не вспомнить, что в великом и могучем Союзе, на великом и могучем русском языке кроме нашего журнала выходили газеты в двух крупных региональных управлениях за пределами России – в Алма-Ате и Киеве, а ещё дивизионки, кроме нескольких на территории РСФСР, – в Минске, Ташкенте, Тбилиси и Вильнюсе. Охват личного состава своей прессой был полным. Не будем сейчас говорить об идеологической платформе и политической направленности войсковых изданий, но газеты выходили массово и регулярно. И были востребованы, читаемы.

А как сегодня обстоят дела у коллег в ближнем и дальнем зарубежье? Вопрос, конечно, интересный...

АЗЕРБАЙДЖАН – ПЕРВЫЙ НЕ ТОЛЬКО ПО АЛФАВИТУ

Первым на контакт вышел Азербайджан. После согласования всех организационных вопросов (оперативно и грамотно их помог решить начальник центра международных отношений нашего Главкомата пол-

ковник Игорь Рычков) главный редактор журнала "На боевом посту" полковник Юрий Кислый получил приятное и волнительное распоряжение – "Готовьтесь принимать гостей из внутренних войск Азербайджана!"

Нам было известно, что уже проходили встречи на уровне командующих, обменивались опытом спецназовцы двух стран, в прошлом году Азербайджанскую Республику посетила делегация во главе с заместителем главнокомандующего внутрен-

ними войсками МВД России генерал-лейтенантом Сергеем Топчем. Именно он и стал инициатором встречи войсковых журналистов.

И вот они в Москве. Подполковник Насир Гусейнов, подполковник Тарана Мамедова и лейтенант Малахт Нуркишиева оказались людьми приятными во всех отношениях. Должности их соответственно: начальник отдела кадров – заместитель начальника управления по личному составу ГУВВ Азербайджана, начальник пресс-службы и офицер отдела международного сотрудничества.

Весенняя московская распутица (трёхдневный визит был в марте) не могла помешать экскурсиям по столице, тёплым встречам в Главном командовании, в Центральном музее внутренних войск, в редакции журнала.

Кроме того, март – праздничный месяц для внутренних войск обеих наших стран – России и Азербайджана. Нашим читателям хорошо известно, что наш праздник 27 марта. Азербайджанские коллеги 12 марта нынешнего года отметили 15-летие своих внутренних войск. Но праздник дня рождения, как поётся в песне, только раз в году. В остальное время у военных журналистов, как и у всех войск – напряжённые ратные будни.

Впрочем, разве назовёшь будничной встречу коллег-журналистов, которым есть что вспомнить, чем похорошему похвалиться, что преподнести в подарок. Подполковник Н.Гусейнов проходил срочную службу в казанской бригаде внутренних войск МВД СССР, даже успел там отличиться – выполняя обязанности

часового, предотвратил побег из-под охраны опасного преступника. Обдительности Н.Гусейнова тогда написала многотиражная газета. Так что силу печатного слова он ощутил на себе. Зная, что едет к военным

журналистам России, он захватил с собой копию той самой газетной заметки, которую много лет бережно хранит в семейном альбоме. Такой документ он привёз не напрасно – нашёл сослуживца по Приволжскому округу внутренних войск МВД России в лице участника встречи заместителя начальника отдела по работе с личным составом полковника Алияра Абдуллаева. Подполковник Т.Мамедова не только руководит пресс-службой, но и пишет стихи. В номере газеты «Аскер», («Солдат» – азерб.), выпущенном к 15-летию ВВ МВД Азербайджана, был опубликован «Марш внутренних войск», слова к

которому написала наша гостья. А молодой офицер лейтенант М.Нуркишиева владеет несколькими языками. Но она ничуть не огорчилась, что на нашей встрече перевода не потребовалось – говорили по-русски.

Говорили заинтересованно, открыто. В Азербайджане пока нет своего войскового журнала. Зато наши издания там выписывают. Редактор газеты Московского округа внутренних войск «Зоркий часовой» полковник Александр Михалёв рассказал, как налажено производство газеты, как организуется работа с военкорским активом.

Обе стороны пришли к единому мнению: сотрудничество, обмен информацией необходимы. Это было закреплено в подписанном двустороннем договоре.

* * *

В конце августа состоялся ответный визит. В Баку побывали помощник главнокомандующего – начальник пресс-бюро ГКВВ МВД России полковник Василий Панченко, главный редактор журнала «На боевом посту» полковник Юрий Кислый и автор этих строк.

Первый адрес на нашем маршруте – бригада внутренних войск МВД Азербайджана, которой командует полковник Рашидат Набиев. Это соединение показало нам образцово-показательным, всегда готовым не только к выполнению служебно-боевых задач, но и к визитам гостей, как говорится, «вылизанным» и вымуштрованным, дабы не ударить в грязь лицом перед иностранными делегациями. Впрочем, командующий внутренними войсками генерал-лейтенант Закир Гасанов позже скажет нам, что в его войсках есть части и получше. Мы искренне удивились: разве может быть что-то лучше?!

Бригада, сформированная в 1992 году, была передислоцирована из Физулинского района в город Баку в 1999 году. Во время карабахской войны погибли 220 военнослужащих соединения, 693 были ранены. Многие отмечены государственными наградами – орденом Знамени Азербайджанской Республики, медалями «За Родину», «За военные заслуги», «За отличие в военной службе», «За безупречную службу». В числе первых в республике звания «Национальный Герой» были удостоены старшие лейтенанты Фахраддин

Наджафов, Матлаб Гулиев, Ельшад Яхьяев и рядовой Сахавят Магеррамов.

Интересным получился разговор с командиром. Полковник Р.Набиев первым делом попросил передать привет генералам и офицерам Московского и Северо-Западного округов внутренних войск МВД России, где вместе со своим командующим побывал с визитом в прошлом году.

В продолжение всего разговора и в ходе экскурсии по подразделениям бригады в комбриге чувствовалось дружелюбие и открытость к диалогу, гордость за свои войска и желание показать родную часть во всей красе. Полковник Р.Набиев – выпускник Бакинского ВОКУ, «афганец». Комбриг показался нам не просто грамотным и инициативным офицером, но человеком фанатично преданным службе и своим войскам.

Сегодняшние будни подразделений бригады наполнены боевой службой и учёбой. Они выполняют задачи, сродни российским СМВЧ и частям по охране ВГО. Здесь есть кинологический центр и кавалерийский взвод. В том, что эти подразделения работают выше всяких похвал, мы смогли убедиться во время кратких, но насыщенных показательных занятий. Лошади, управляемые специально подготовленными всадниками, применяются для поддержания общественного порядка во время массовых мероприятий. Служебные собаки разных пород готовятся для поиска взрывчатых веществ и наркотиков, для работы по следу и карауль-

ной службы.

В бригаде мы видели подтянутых, исполнительных солдат. Когда мы признались, что здешние аскеры нам очень понравились, комбриг не счёл такую оценку простой вежливостью, пояснив, что в республике считается престижным служить во внутренних войсках – едва ли не 90 процентов призывников изъявляют желание попасть в войска правопорядка, где выше дисциплина, лучше обеспечение и организация быта, интересней служба.

Заместитель командующего внутренними войсками – начальник управления по личному составу ГУВВ Азербайджанской Республики генерал-майор Видади Алиев принял нас радушно, и разговор с обеих сторон был заинтересованным, конкретным.

Мы сошлись во мнении с генералом В.Алиевым: по всему чувствуется – пора налаживать рабочие, творческие, взаимопользные контакты. Встречаются наши президенты, министры, командующие, их заместители. И нам, журналистам, от сухих отчётов о встречах на высоком уровне пора переходить к жанрам более интересным для массового читателя.

Кроме номеров нашего журнала, фотоальбомов и буклетов о российских экипированных войсках мы привезли информационную подборку и серию фотоснимков для публикации в газете «Аскер», высказали желание и готовность подготовить более обширные материалы о повседневной жизни внутренних войск Азербай-

байджана и России.

Командующий внутренними войсками МВД Азербайджана генерал-лейтенант Закир Гасанов в начале нашей беседы отметил, что имидж войск правопорядка в республике очень высок. Командующий прекрасно понимает роль войсковой печати, республиканских СМИ. Он привёл нам характерный пример, в котором высветились, во-первых, открытость войск для прессы; во-вторых, объективность и честность одних газет и предвзятость других. Однажды в воинской части был устроен день открытых дверей. Едва ли не тысяча родителей приехали к сыновьям-солдатам. Нескольким десяткам журналистов дали волю – беседуйте хоть с солдатами, хоть с родителями, задавайте любые вопросы. В большинстве городских и республиканских газет были опубликованы обстоятельные, деловые корреспонденции о жизни внутренних войск. А кое-кто просто отмолчался. Почему? Да просто не нашли у военных никакой чернухи...

«Самое ценное в коллективе – солдат!» – так резюмировал некоторые тезисы своего выступления командующий. (Кстати, генерал З.Гасанов, выпускник Бакинского ВОКУ, до назначения на нынешнюю высокую должность проходил службу в СибВО, ГСВГ).

«Аскер» («Солдат») – кратко, ёмко, выразительно называется газета внутренних войск Азербайджана. Журнал «На боевом посту» первым пожал ему руку.

В свой приезд в Москву, совпавший с 15-летием внутренних войск МВД Азербайджана, наши коллеги вручили группе офицеров памятные юбилейные знаки. Полковник Юрий Кислый, в свою очередь, отметил знаком, выпущенным в честь 50-летия журнала «На боевом посту», достойных генералов и офицеров внутренних войск МВД Азербайджанской Республики.

Азербайджан показал пример развития добрососедских, деловых отношений между войсковыми журналистами. Баку первым перешёл от слов к делу. Мы, в свою очередь, сделали шаг навстречу. И сегодня, в день нашего редакционного праздника, готовы заявить: «Мы за тесное сотрудничество с коллегами!»

Борис КАРПОВ
полковник запаса,
заслуженный работник культуры

НЕ ПОДВОДЯ ИТОГИ

Не хотелось мне заниматься воспоминаниями. «Не твоё это ещё дело. Пока служишь, надо глядеть вперёд, а не посыпать давние дорожки то ли песком, то ли солью, накопившейся в душе» – так обычно говорил я себе, отмахиваясь от разного рода предложений. Но поскольку ветры минувшего десятилетия повывули из-за редакционных столов не только всех, с кем я когда-то начинал журнальную службу, но и следующее поколение (включая детей моих товарищей, среди которых я чувствовал себя не иначе как пушкинский Савельич), делать нечего.

МНЕ довелось видеть возрождающийся журнал. Так уж совпало, что службу в войсках начинал солдатом аккурат в 1970-м. Первая публикация в нём приходится на год 72-й. Под репортажем с празднования очередной годовщины дивизии имени Ф. Дзержинского моё имя и звание – младший сержант. Плотно сотрудничал я с ним и став прапорщиком (журнал тогда в своих недрах развернул журнал в журнале «Прапорщик», регулярно выходивший в конце 70-х –

начале 80-х). Печатался офицером. Пока после чернобыльских событий уже не пришел сюда штатным сотрудником. С журналом во многом связываю и своё становление как литератора. Здесь регулярно публиковались мои стихи, меня объявляли лауреатом творческих конкурсов, и потом я представлял войска на 3-м Всесоюзном и 8-м Всесоюзном совещаниях молодых писателей. Словом, журнал – и колыбель моя, и производственный цех.

Я знал его главных редакторов, начиная с Ивана Степановича Семиохина. Знаю почти всю семиохинскую и последующую гвардию. Со многими приятельствовал, с некоторыми дружу и дорожу этой дружбой два-три десятилетия. И тем не менее, когда нынешний редактор полковник Юрий Кислый возложил на меня составление книги к 50-летию юбилею «На боевом посту», растерялся. Ведь сколько событий в нашей жизни произошло за эти годы. Боже ты мой! Рухнула

великая держава. Ленинские памятники, простиравшие руки в сторону светлого будущего советского народа, указывают сегодня неведомо куда. Войска перестали быть конвойными и два с лишним десятилетия не вылезают из больших и малых войн. Люди, бывало сидевшие десятилетиями на своих стульях, меняются так, что не успеваешь запоминать даже лица...

Да, я знаю «золотые перья» журнала, более-менее представляю, кто и на что способен. Никогда не скрывал и не скрываю своих симпатий и антипатий. Но двадцать лет журнальной жизни... Их белгло охватить сложно, а уж объяснить – и подавно. Я не стану этим заниматься, скажу одно: не окажись я после событий 91-го в отделе литературы, пришлось бы и мне вешать шинель на гвоздь. А так...

Занимаюсь тем, чем занимался бы и на гражданке – своим любимым делом.

В81-м я окончил Литинститут, в 82-м и 85-м выпустил в Москве две поэтические книжки, которые не остались незамеченными, подал заявление в Союз писателей СССР. Творческая судьба вроде бы заладилась. Однако как сидел я в дивизионной многотиражке, так и продолжал в ней сидеть. Всякие пути мои перебраться в более серьёзное издание, а стало быть, сорваться с войсковой орбиты, пресекались на корню. «Как ты можешь?! Да как ты смеешь?! – время от времени одёргивали меня работники политуправленческого отделения печати. – Мы тебе доверили быть редактором старшей в войсках газеты самого что ни на есть правофлангового соединения, а ты?..»

Я разменял четвёртый десяток. Выслушивать эту демагогию год от года становилось всё трудней, но и деваться некуда. Газета да журнал – вот две ступеньки служебно-творческого роста войскового журналиста. Иного не дано. По крайней мере, человеку, преданному своему делу. А я себя считал именно таким.

В отдел литературы (или, как он тогда именовался – литературы, культуры и быта) с ходу попасть мне не удалось. «Нечего там делать двум поэтам сразу», – однажды услышал я от полковника Горлова (тогда еще заместителя начальника

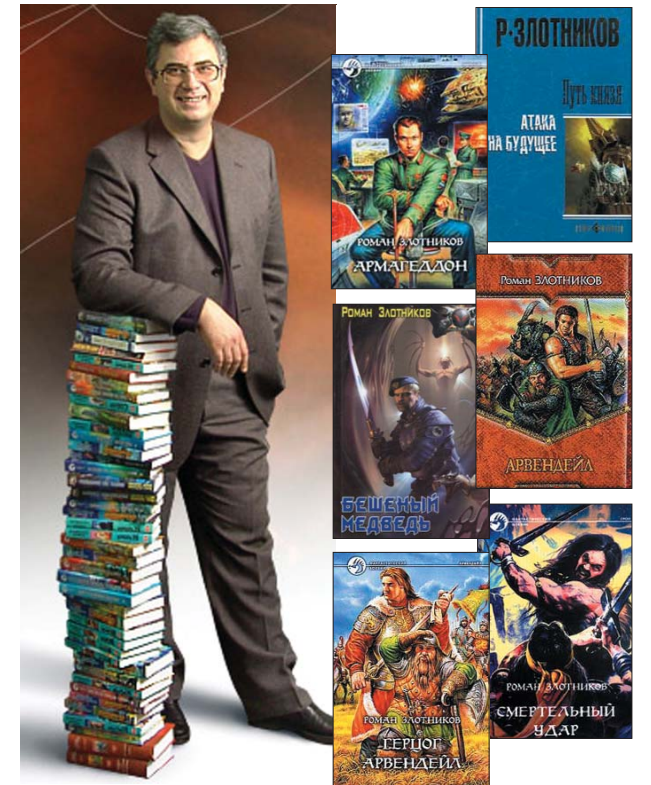
отделения печати политуправления). «Да, но ведь я же шестнадцать лет в журналистике, да и в дипломе у меня значится: «литературный работник». Однако моих возражений Александр Георгиевич не слышал.

ГОРБАЧЁВСКАЯ перестройка, как к ней ни относиться, всколыхнула общество. Подул свежий ветерок перемен, осыпая греху и пыль многолетнего застоя. Коснулся он и журнала. Перестройка совпала здесь со сменой поколений. Уходили те, кто возрождал журнал, на смену приходил народ послевоенной выделки.

Пока я торговался, в журнал уже перебрались из многотиражек Олег Волков, Борис Карпов, Иван Козлов... «Ну-ну, крути носом. Только помни – штатное расписание не ре-

зиновое», – услышал я в политуправлении по возвращении из месячной чернобыльской командировки.

А собственно, крутить уже и не имело смысла. В отдел литературы к Евгению Ивановичу Ерхову назначили Ваню Козлова, моего ровесника, однокашника по Литинституту и старинного товарища по солдатской судьбе. Он так же, как и я, начинал рядовым в солдатской газете; так же остался на сверхсрочную; вместе в 75-м мы пришли на Тверской бульвар, 25, поступать в Литинститут на заочное отделение, вместе шесть лет спустя защищали дипломы. Он писал чудесные рассказы и повести, идущие от жизни и очень лиричные. Однако решение стать офицером и окончательно осесть в войсках к нему пришло по позже. Но долгие раздумья лишь с

Роман Злотников и его книги на XX Московской международной книжной выставке-ярмарке. Фото 2007 г.

Пицунда. Дом творчества им. Г. Гуля. Сопевание литераторов внутренних войск. Стоят И. Козлов, Р. Карапетян. Внизу справа В. Саломатин. Фото 1983 г.

лучшей стороны характеризуют талантливый человек. А то, что Иван талантлив и при том раскладе в отделе именно он нужнее Евгению Ивановичу, не было никаких сомнений. Но тут вдруг полковник Ерхов уходит в запас...

И В ЗАМЫ к Козлову я не попал. «Иди к Ускову в партполитрабату, а там будет видно», — сказали как отрезали в ПУРе.

Никогда не интересовался, за какие провинности сбывали в газету «Зоркий часовой» подполковника Шеповальникова. Но как бы то ни было, Владимир Евгеньевич ушёл туда редактором, а мне предложили его место.

Никакой радости я, естественно, не испытывал. «Опираясь на коммунистов», «До сознания каждого», «Дал слово — держи», «Готовность постоянная», «Спроси с себя строго», «Чувствовать пульс времени»... Вся эта трескотня обрвала мне ещё в многотиражке. Но там хоть были отдушны: литература, спорт, культурная жизнь, встречи с интересными людьми... А тут снова-здорово — «Живёт в казарме коммунист», «Право вести за собой», «Бороться за чистоту рядов»...

Впрочем, партийной тематики я поначалу не касался. Ею занимался

сам полковник Валерий Николаевич Усков и его заместитель Дмитрий Дмитриевич Евстратов, с которыми я когда-то начинал в дивизионной газете (он в то время был старшим лейтенантом, корреспондентом-организатором).

Каких-то особых лавров на партийной ниве мои отделские начальники не стяжали. Усков постепенно и сам всё дальше уходил от сухомытки оргпартработы в сторону «размышлизмов» общего плана, которые представлял под рубрикой «Заметки военного публициста». Он оживился после XXVII съезда, и особенно XIX партконференции, когда пошёл раздрой в партийных рядах, прежде всего республиканских, где коммунисты всё больше ощущали свою национальную почву в ущерб интернациональных, общесоюзных интересах. Дим Димыч же вскоре, едва отметив своё пятидесятилетие, и вообще уволился.

Предметом моего изучения становилась войсковая молодежь, комсомол. Правда, темы в отделе были расписаны на год вперёд. Выбериай и дуй в войска, описывая (да не столько сам, сколько там находи авторов). А будет ли на месте о чём писать? Неважно. Ориентируйся, сообразай, но от плана ни на шаг. Это, скажу я вам, не связывало —

сковывало по ногам и рукам. Зато выручала работа с письмами. Стремясь разобраться в конфликтных ситуациях и помочь адресантам, я побывал в Сибири и на Урале, на Дальнем Востоке, в Средней Азии, на Северном Кавказе и в Закавказье, в Прибалтике, на Украине, в Белоруссии. Обездрил военные училища и, за исключением Учкудука, своими глазами увидел все «дыры», которыми десятилетиями пугали офицеров-выпускников...

ЖУРНАЛ постепенно преобразовался. Всё больше становилось в нём неординарных журналистов. Рядом с замечательно работавшими аксакалами — В.В. Асташиным, В.Н. Лосевым, Ю.В. Дурневым, Г.М. Масленниковым, П.А. Студеникиным, ярко заявляли о себе Иван Козлов, Александр Ушар, Владимир Гондусов, Борис Булгаков, Сергей Шевцов, Борис Карпов, Юрий Кислый, Виктор Герашенко, Алексей Петров...

Иногда я думаю: если бы всю эту силу не растратить бездарно да попусту, а сохранить, «На боевом посту» сегодня бы шёл нарасхват. Но как перестроечное время быстро сводило людей, так постсоветское стремительно и безжалостно раскидывало их. Войска сокращались. Девиз «Никто никого не держит; не нравятся зарплата, быт — скатертью дорога» из частей и соединений недалновидные руководители перенесли и на журнал, где (да простят меня командиры и бывшие политработники) народ трудился всё больше штучный. И вот результат: из той гвардии в редакции остались лишь Юрий Кислый, ваш покорный слуга да в должности обозревателя Борис Карпов, пять лет назад снявший полковничью шинель...

СИВАНОМ Козловым мнелось — плотно, бок о бок. После распада Союза и похорон КПСС я, как начальник отдела партийной жизни и последний партийный секретарь редакции, остался не у дел и наконец-то был услышан главным.

Это время было самым лучшим для меня. Работалось легко, даже весело, я бы сказал. У нас сложился прекрасный актив. В отдельском

портфеле наконец-то собралось года на два прозы, года на полтора — стихов, как в любом уважающем себя и авторами издании. Давали отдачу некогда проводимые семинары литераторов внутренних войск. Искали и находили мы бывших сослуживцев в среде профессиональных писателей. Вели переписку с начинающими (тогда они ещё не кидались в порнуху или чернуху, дабы только срубить бабки). Устанавливали плотные контакты со всеми, кто не чужд военно-патриотической тематике.

О том, что нам удалось, не так давно в журнале вспоминал Иван Козлов. От себя добавлю лишь один свежий штришок.

В 57-м павильоне ВВЦ, где размещалась основная экспозиция XX Международной московской книжной выставки-ярмарки, проходившей с 5 по 10 сентября 2007 года, висел огромный баннер, на котором среди имён наиболее известных современных писателей-фантастов значилось имя Романа Злотникова. Здесь же представители двух солидных столичных издательств продавали его книги.

А начинал свой путь к читателю Роман Валерьевич в журнале «На боевом посту». Иван Трофимович Козлов редактировал его первые рассказы и очерк о деде, участнике Великой Отечественной, войсковом комдиве Воробьёве, я готовил журнальный вариант повести «Лики древних богов». Помогали мне ему не только потому, что это одаренный человек, но оттого, что он в доску свой — войсковой. В 1984 году окончил Саратовское ВВКУ МВД СССР, восемь последующих лет служил во внутренних войсках командиром взвода, секретарём комсомольской организации полка. В 1992-м в связи с сокращением перешёл в Обнинский филиал ВВПК работников МВД России, до 2004 года служил там, преподавал огневую подготовку. Полковник запаса.

С 1998-го профессионально занимается писательским трудом. Издал два десятка книг в жанре фантастики. На январь 2006 года их суммарный тираж превысил 1 миллион 200 тысяч экземпляров!

НЕ ЗАБЫВАЛИ мы с Иваном Трофимовичем и о собственном творчестве, готовили новые книги. Я чаще оставался на хозяй-

стве. Иван время от времени выезжал за впечатлениями для новых повестей и рассказов. И писал очерки, как мало кто. Один только его «Десятый», думаю, стал украшением не только одного из номеров 94-го, а и самой большой удачей в году.

О чем он? О практике командира-воспитателя, о «всёбелых» буднях одного нашего замкомбрига. Затравка достаточно проста: девятых солдат и их командира, сержанта, накануне перевели из оперативного подразделения в конвойное — там был некомплект, некому службе нести. Отделение пробыло в новой роте до отбоя, а потом ушло к себе домой, то бишь в прежнюю свою казарму. А тут шум-гам: самовольное оставление части... как посмели?!

Но давайте почитаем Козлова: «Утром Александри Николаевич собрал в кабинете тех офицеров, которые так или иначе были причастны к происшествию.

Виктор Николаевич Лосев. Фото 1995 г.

— Что случилось, для меня ясно, а вот почему это случилось, давайте разбираться.

— А что тут разбираться, товарищ подполковник? Сержанта надо снять с должности, солдат отправить на гауптвахту или как-то по-другому наказать. Распустились, ёлки зелёные, своевольничают...

— Но ведь отделение Андросова всегда было на хорошем счету. — Фролов нахмурился. — И давайте сейчас не о наказаниях речь вести, это дело последнее. Вчера эти девять человек хотели со мной встретиться, передавали эту просьбу через присутствующих здесь, но никто из вас мне об этом не сказал. Догадываюсь даже почему: если каждый солдат захочет душу замкомбригу излить, то тому и двадцати че-

тырёх часов в сутки для работы не хватит. Так, нет?

— Так они с вами о чём говорить хотели? По пустяшному делу? Любый бы решил.

— Но ведь не решили же — ушли солдаты. И потом, разве это пустяк — врать солдату? Отделению сказали, что в «конвойку» их командируют на два-три дня, не больше, и они с лёгким сердцем пошли помогать, так сказать, братьям по оружию. А когда пришли, их «обрадовали»: вы теперь наши до последнего часа службы. Вот из-за чего сыр-бор и разгорелся: заело солдат, что провели их... Если бы меня вот так обманули, я бы тоже вместе с ними ушёл, десятый!»

Цитировать можно и дальше. Очерк интересный. На конкретных примерах из практики одного офицера Козлов поднял с десяток проблем, иные из которых не решены и по сей день. Поднял живо, ярко, доходчиво, убедительно. И, заметьте, никакой тебе войны с её «чёрной экзотикой», никаких героев, характеры которых раскрываются в критическую минуту, подобно колющему ореху. Монотонность, обыденность, повседневность... Но как вкусно приготовлено журналистское блюдо. Пальчики оближешь! Это и есть высший пилотаж.

КОГДА я говорю «писал, как мало кто», всегда держу в уме, что нам с Иваном довелось послужить рядом и с Асташиным, и с Дурневым, и с Ерховым, и с Лосевым...

С Виктором Николаевичем Лосевым бок о бок поработать (имею в виду — в одном отделе) мне не довелось. Он тащил ведущий — войсковой жизни, той самой жизни, которую я знал неваженки, поскольку войска состояли в основном из конвойных частей, я же шестнадцать с лишним лет служил в дивизии Дзержинского — соединении оперативном, мотострелковом, мало чем отличавшемся от армейского. Однако параллельно мы проработали больше года. Знал я Виктора Николаевича и до встречи в журнале, читал внимательно и с интересом его очерки, зарисовки, статьи, с удовольствием — рассказы и повести. Бывал на одних творческих семинарах. И скажу так: чего бы ни касалась рука этого одаренного человека, всё начинало

искриться, переливаться, заворачивать.

Он как-то тут вспоминал свои журнальные смотрины. Дескать, пригласил на беседу главного, попросил дядя, так сказать, детального знакомства написать материал о награждённом. Он и набросал за вечер несколько страничек о прапорщике Лентяеве, работающем из дивизионного ремонтно-восстановительного батальона.

Ох, Виктор Николаевич! Ох, скромнига. Но меня-то не проведёшь! Тот очерк я прочитал в 83-м году, но помню его до сих пор. Когда составлял книгу к 60-летию прославленной дивизии, взял из него фрагмент. По книге и цитирую:

“Весной, когда меняется погода, всё как-то неопределённо, зыбко.

После дневного тепла подкрадётся в темноте мороз, хрустнет под утро врасплох захваченная им талая вода, заскрежет по стеклу спугнутые ветром голые ещё ветки, и всё разом затихнет.

Долго стоит Алексей Васильевич Лентяев у окна, глядя в дрожащую темноту неба. О чём думается в эти часы, что вспоминается ветерану?

А вспоминается многое – жизнь, вся его жизнь. То, что не уходит с годами, а врежется всё глубже и глубже в память.

В семьдесят первом был он отмечен орденом Красной Звезды. Сколько лет прошло, а будто день минул. До сих пор согрывает его ладонь тяжёлая рубиновая звезда.

Вот ведь как получается: всю жизнь общались руки с металлом, а только тут ощутили его необыкновенную, почти человеческую теплоту. Помнили они обжигающий холод инструмента, липнувшего к коже в лютые морозы на сибирских заводах первых военных лет, знали пальчатый жар раскалённого боем ствола пулемёта, а вот такого сердечного тепла не касались. Как живое существо, помнится, нёс домой этот орден. Всю дорогу думал: “А ну как спросят, за что наградили, что ответчу?” Да так и не придумал. И когда сын, не подозревая о его муках, спросил-таки: “За что?” – отец смутился.

– За службу отличную, известно, – пришла на помощь жена.

Думал Алексей Васильевич о том, что по-новому будет смотреть на него, скромного специалиста, сослуживцы, искать в нём особен-

ное, за что отметила его Родина. Думал и о том, что по-разному получают награды люди. Одни как-то сразу шагают к ним, совершая подвиг, заметный скачок в новое качество. И легко смотреть им вокруг, встречая признание в глазах товарищей. А его путь был незаметен, неуловим, как переход этой весенней талой воды в хрустящий кристаллический лёд...”

А ведь это, если вдуматься, хорошая проза. Простой и вместе с тем сочный язык, яркая, точная образность. И всё – от жизни. Вы посмотрите, как чутко связаны зыбкость ранневесенней природы и душевного состояния человека. И не забываете, что это всего лишь ранний, начинающий Лосев...

СЮРИЕМ Викторовичем Дурневым я познакомился в солдатской многотиражке. Он приехал из Сибири менять на редакторском посту одного “умельца”, под началом которого я мучился пять лет. Дело не в том, что в глазах начальства тот “умелец” всеми правдами и неправдами создавал образ рубахи-парня, специалиста, беззаветно преданного своему делу, а с подчинёнными был хамом, дело в другом: журналистом он был никудышным и сидел все эти годы, как говорится, не в своих санях.

С досады я стал записывать его перлы, но вскоре тетрадка моя переполнилась, и я это занятие бросил. Но три десятилетия прошло, а иные помню, чуть ли не дословно. Поскольку и на этих примерах учил подчинённых, как не надо прямолинейно и нечутко относиться к слову.

“Вдруг возле танка очутилась плачущая женщина.
– Бейте фашистов! – крикнула она.
– Разобьём! – ответили дзержинцы.
Женщина улыбнулась”.
Как-то в дивизию приезжал национальный герой Кубы Диас Диас. В боях на Плайя-Хирон он потерял обе ноги и правую руку. Описывая встречу с ним, наш горе-репортёр без всякой задней мысли воскликнул: “И вот в Книге почётных гостей музея боевой славы появилась запись Диаса, сделанная им... левой рукой!”

Со времён учёбы в МИУ он усвоил, что тавтология не есть хорошо.

Поэтому и сам не повторял в предложении одних и тех же слов, и другим строго не позволял. А в результате получалось примерно так: “Бывало, потянется рука Михаила Ивановича к книжной полке, чтобы взять оттуда какое-нибудь художественное произведение”.

Или вот как он описывал впечатления от госпитальной теплицы: “И когда я в прыжке попытался дотянуться до верхушки огурца, попытка моя успеха не имела”. И дальше: “Над головой моей что-то зажужжало. Тут же фуражка сделалась оружием моей защиты. На что прапорщик только улыбнулся: “Пчёлы летят по делу. Жалить вас им некогда...”

Не стал бы вспоминать весь этот бред, да ведь перлотворец, которого меня на посту Дурнев, уходил на повышение не куда-нибудь, а в наш же с вами журнал и дослужился в нём до начальника отдела. Правда, справедливость хоть не часто, но все же существует: увольняли его с треском...

Ну так вот. К приезду нового редактора я подготовил очередной номер газеты. Старался ничего не упустить, приберегал материалы повяре, поуадрей. И вот представляю:

– Передовица, тут блок информационных “По стране”, боевая служба, боевая учёба, партийная и комсомольская жизнь, встреча с делегатом, спорт...

Юрий Викторович посмотрел, полистал газетку, а потом и спрашивает, эдак хитро прищурясь:

– Ну а почитать-то что?

Я опешил: как это что? Вот, говорю, примеры мужества, отваги, репортаж с партийного собрания с критикой нерадивых, зарисовочка о комсомольско-прапорщичке, спортивная хроника...

– Это я вижу, – всё так же невозмутимо паритурет Дурнев. – А почитать-то что? Вот смотри: пришёл солдат или офицер из караула, сутки был на дежурстве, устал, хочет отдохнуть, развлекаться. А ты ему что предлагаешь: “Бдительность – наше оружие”? “Задержан ловким приёмом самбо”? Да его уж от всего этого тошнит.

Я было приуныл, но тут сверкнуло:

– Да! Раз в месяц обязательно даём литературную страничку. Там небольшие рассказы, стихи наших авторов.

С Юрием Викторовичем Дурневым.

Фото 2006 г.

– Это хорошо, – сказал новый редактор, – только я не о том.

И сел писать зарисовку о своей курсантской молодости, о мячвишем впереди ещё таком неясном офицерском поприще и о подружке, губы которой пахли земляничкой...

Я подружился с этим человеком. Год, что работали вместе, присматривался к нему, учился. Учился, и уже работая в журнале.

С ним интересно. Это не просто талантливый человек, это личность. Поэтому он и состоял как литератор, как один из лучших войсковых журналистов. И когда в своих юбилейных заметках Дурнев говорит, что “не бывает журналиста отдельно в редакционном коллективе, отдельно в семье, отдельно в командировке и т.д.; всё взаимосвязано: семья, работа, тревоги, переживания, искания, друзья, начальники, отношение к людям, к самому себе, праведность, греховность, идеальность...” – я ему верю, ибо представляю в эту минуту его самого.

Как раньше, так и теперь, во сколько ни позвони, ни поинтересуйся, чем занят, непременно услышишь: “Да вот пишу...” или “Да вот хочу рассказать...”. Писательство стало потребностью его жизни, такой же, как еда, сон, ну и наше грешное остальное. Поэтому всё у него получается, ладится, что бы ни задумал, какую бы высокую ноту ни взял.

Жаль, что мы не издавали да и не издаём сборники лучших журнальных материалов года, пятилетки,

десятилетия. А если бы этим озаботились, то наверняка в книжку любой значимости попали бы статьи Дурнева.

Помните, сколько сил он положил, борясь с разъедающим обществом национализмом, в первую очередь прибалтийским, ползущим из саодисовской Литвы.

“Правда о расстрелянном карауле” – эту статью, выросшую из полемики с “Комсомольской правдой”, взявшейся подыграть литовцу рядовому А. Сакалаускасу, убившему семерых сослуживцев и проводника вагона, до сих пор вспоминают читатели со стажем. Я не стану её пересказывать, скажу о другом. Никто бы, пожалуй, в тот момент не написал лучше. Тут и сила, и страстность, и мудрость слились воедино. Потому и рассказ не схематичен, а многогранен, логически точен (бьёт оппонента буквально наотмашь) и вместе с тем насыщен множеством жизненных наблюдений и открытий.

Дурнев не был бы Дурневым, если бы принялся строить повествование лишь на разоблачении разного рода передергиваний да подтасовок нечистоплотного писуна. Нет, он размышляет о природе преступлений, о логике личности, о роли суровой армейской школы в её воспитании.

Мне запомнился эпизод, который, казалось бы, напрямую не относился к теме, но задал тональность и без того откровенному разговору.

“Вспоминается 60-й год. Мне, тогда молодому лейтенанту, довелось служить на Камчатке, – рассказывал Юрий Викторович. – Это было время так называемой оттепели, но и в её благодатном дыхании нас тоже, кстати, не баловали правдивой информацией о чрезвычайных происшествиях. В ту пору и произошёл на моих глазах трагикомический инцидент.

Сейсмическая служба полустропа оповестила компетентные органы о надвигающейся стихии – цунами. Каковы последствия этого страшного всплеска природы, знают все. Так вот, в преддверии прогнозируемой беды два ответственных и облечённых властью человека – начальник местного небольшого воинского гарнизона и управляющий СМУ, на которого возложили эвакуацию местного населения, поступили следующим образом: управляющий с молодой женой накануне сбегал из посёлка и неделю спустя обнаружился в Петропавловске-Камчатском, а воинский начальник, тоже накануне, выдал своему высокому руководству аж в Хабаровске шифрограмму такого содержания: “Жертв и разрушений нет. Морально-боевой дух у личного состава высокий”.

По счастливой случайности цунами миновало затанчивший перед бедой прибрежный посёлок. Люди впоследствии осудили нравственное уродство управляющего, его исключили из партии. Но никто не осуждал вопиющую безнравственность офицера, его постоынный настрой на очковтирательство, на лакировку положения дел. А ведь он, командир-единоначальник, даже в часы смертельной опасности для воинского коллектива без задения совести был в литавры...”

БЛАГОДАРИ Дурневу, Лосеву, Козлову и таким, как они, журналу есть чем гордиться в юбилейные дни, не стеснясь, рассказывать о достижениях. При них побольше стало на страницах совместности, поменьше пустословия, мелкотемья. Ведь бывало, откроешь номер, а гвоздевая проблема: нужен ли лейтенанту перстень?..

Очень бы не хотелось, чтобы возвращалось то время.

★
Полковник
Евгений АРТИУХОВ

Анатолий Ягодин: "Я ОТ ВОЙНЫ ФИЛОСОФ..."

Анатолий Ягодин пришёл к нам в редакцию зрелым уже военным журналистом. За плечами его были срочная служба в ОМСДОНе им. Ф.Дзержинского, несколько лет – прапорщиком в части по охране ВГО. Тамто мы и вышли на него во время очередной встречи с читателями – покамест как на военкора, самостоятельного автора-исполнителя песен. Словом, у него были опыт и знание специфики военной службы в разных должностях, по разным специальностям. Жизнь его потёрла – это для журналиста важно.

В газете Московского округа "Зоркий часовой" Анатолий был универсалом-многостаночником: писал репортажи с полигонов и очерки о передовиках службы, поставлял оперативную информацию в номер и перелопачивал десятки военкоровских писем. Одним словом, трудяга. Причём над любой газетной строкой, вне зависимости от жанра, он работал одинаково добросовестно, а уж выстраданные собственной судьбой сюжеты стремился довести до совершенства. У него не было ни литературного, ни другого какого-то гуманитарного образования, но были природное чувство слова, вкус, мера...

Когда моя поездка в лермонтовские места Кавказа пригласила на Толины сороковины, я озглавил те пятигорские эпизоды "Поминание поручиков". Один мой товарищ, сам талантливый литератор, редактор и издатель, заподозрил в том названии непростительную якобы уравниловку меж Лермонтовым и Ягодиным. Дескать, первый – гений непревзойдённый, второй же – скромный военкор, каких в войсках можно найти ещё, если поискать.

Что Лермонтов гений – кто ж возразит. Ко всему он ещё и нашим офицерам-"кавказцам" сослуживец: те же гарнизоны населяли, в тех же ущельях, лесах скакали (тогда – на лошадях, нынче – на батрах), так же отчаянно схватывались с абреками (в те времена горцы бросались из засад в ножи, теперь – палат из гранатомётов и ловят гяуров на футасы)...

Последняя фотография Анатолия Ягодина – в землянке краснодарского полка оперативного назначения звучит песня Высоцкого.

А по жизни-судьбе оба поручика, во-первых, одинаково точно, предельно беспощадно к самим себе понимали свой удел, а во-вторых, предадали короткий свой срок.

Михаил Лермонтов: "Я знал: удар судьбы / меня не обойдёт!"

Анатолий Ягодин: "Я бог. Я поэт. / И срок мой настал / Чужие гасить амбразуры".

Настоящим поэтам, в ком поэзия живёт как дар, Богом данный, свойственно предвиденье, а то и всевиденье, "Всеведенье поэта" – именно так называется книга Андреева-Кривича о Лермонтове. А единственную, посмертную книжку нашего Анатолия Ягодина мы озглавили его же

строкрой – "Если б выжить мне довелось..."

У него местами явно видно и влияние Владимира Высоцкого, но это не обернулось подражателем, эпитонством, перепевами. Анатолию уже достало опыта, мудрости, авторского самоуважения, чтобы понять, что "...Душа у поэта одна, / Но тесна ей чужая выкройка..." Наш поэт, словно alter ego Высоцкого, хрип-пот-стоном с такой же большой душой закинает:

Не держите, дайте выпсть до дна,
До последнего выкрика.

Последними песнями, спетыми Анатолием на брэнной земле в ночь перед гибелью в землянке оператив-

ного полка, были именно песни Высоцкого. Краснодарцы позже вспоминали, что старший лейтенант из войскового журнала в тот вечер был очень грустен.

Выпеть до дна не получилось, ему всё казалось, что "не в лад, не в лад / Песня сложена / Невпопад / И струна на лад / Мною положена / Наугад..."

Он мучился сомнениями в творчестве, был в беспрестанном поиске своего лада, своей струны. Слава богу, устои веры у него были неколебимы, в главном не было никаких сомнений. "Письмо гвардейского (читай – белогавардейского. – Б.К.) капитана, не дошедшее до адресата" Анатолий Ягодин правом поэта переадресовал нам: "Я от войны философ – то природа, / И будущее предсказать берусь: / Кто может устоять против народа, / Хранящего в названии слово "Русь".

В записной книжке погибшего журналиста нашли запись – толкование его собственного имени, которыми нарекли в честь деда. Толкование это интересно тем, что применительно к нашему Ягодину попадет в десятку:

"Анатолий – непоседа в детстве, агрессор в юности, витывающая губка в зрелости, мудрец в старости. Часто после тридцати лет приобретает способность к ясновидению, предсказаниям. Его пылкий ум всё время жаждет новых знаний, впечатлений, в основном чтобы привести в гармонию свой внутренний мир с внешними жизненными реалиями. Отвечая на одни вопросы, он мучается другими. Темперамент холерический, взрывной. Сильный физически, плодовитый, изобретательный. Очень любит заниматься поделками, резьбой по дереву, всем, что требует кропотливой работы".

Как с нашего Толика писано. Разве что по темпераменту он был скорее флегматик – невозмутимый, добродушный, основательный.

И старости его, чтоб увидеть мудрецом, мы не дождалась. Стихотворение "Я не хочу!" он предвзвывает дантовскими словами: "Земную жизнь пройдя до половины..." И важна здесь не только половина жизни (Анатолий Ягодин погиб в тридцать пять лет), но и то, что это половина з е м н о й жизни.

Наш друг признаётся: "Мой опыт жизни вовсе не огромный, / Не вижу смысла умолять про то. / Я, может быть, в желаниях нескромен. / Но

не хочу!.. И точно знаю что... / ... Заезженный патриархальным бытом, / Я жизни гимн без усталости пою / И не хочу героически быть убитым / В любом, пусть даже праведном, бою! / Я не хочу, чтоб милость слали "боги" / В базарный день по рыночной цене, / И не хочу быть бедным и убогим / В любой демократической стране!"

И всё же поэт был совсем небогат: тогда военным месяцами не платили зарплату. "У офицера что за sostanza – / Честь, Родина, войны похмельный пот..." – слова того же гвардейского капитана. И всё же наш поэт был убит, потому что провозглашёнными стихотворными строчками-воззрениями он никогда не откупался от истинно офицерского долга – быть с солдатами на передовой. Наверное, полковник Константин Симонов, военный корреспондент "Красной звезды", не написал бы "Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины?...", если бы не протопал хоть сколько-то по тем фронтовым дорогам. И корреспондент журнала "О боевом посту" старший лейтенант Анатолий Ягодин признаётся по-честному: "Я бы глаже избрать себе мог удел – / Не подняться, не встать... Авось... / Но как бы тогда я в глаза вам смотрел, / Если б выжить мне довелось?"

Он мог бы выжить. В командировку на войну отправился вне очереди, когда не смог поехать назначенный офицер. Анатолий не роптал и не ворчал, не сказался хворым, не стал искать пресловутые семейные обстоятельства. Это теперь-то мы осознали – ехал с нехорошим предчувствием, невесело... Нам бы дар его предвидения. Глядишь – остановили бы, переняли бы...

В колонне и было-то – водовозка-АРС в сопровождении танка... Засада бандитская приготовлена была в лесу под Самашками. Погибли офицер софринской бригады, сержант из сопровождения и наш Толик, расположенный из корреспондентской своей любознательности на броне танка...

Если погребение Лермонтова "пето не было" (дуэль), то нашего Анатолия отпевали в намоленном Петропавловском храме на улице Солдатской. В народе так и говорят: "Солдатская церковь". Здесь проводили в последний путь многих православных воинов ещё с петровских времён. Панихиду на могиле нашего товарища служил протоиерей Фео-

дор (Соколов), не только окормлявший наше воинство, но и бывший некоторое время духовником семьи Ягодиных. Теперь по дороге к месту упокоения Анатолия на Митинском кладбище делаем остановку у могилы отца Феодора, который погиб в автокатастрофе в возрасте сорока двух лет. Поэт-предвестник-воин Анатолий обещал: "Я очнусь, как Христос, / В Воскресенье. / Запою на износ – / Во спасенье..."

Небесное войско полнится: певец в его стане Анатолий соседствует с бывшим десантником отцом Феодором. Будем ли рядом мы, грешные? Успеем ли заслужить высокий удел?..

Анатолий Ягодин высшую долю, небесную благодать, наверное, заслужил.

Творческое наследие нашего товарища сравнительно невелико, если не брать в расчёт газетный "оброк" за несколько лет, заметки и корреспонденции на потребу дня. Мы, его друзья-товарищи, коллеги-сослуживцы, собрали Толину посмертную книжку, куда вошли десятка три его лучших (найденных, сохранившихся, опубликованных прежде) стихотворений, пара чеченских репортажей, повесть "Печать Авели", наши воспоминания о нём, поэтические посвящения.

Ежегодно, вот уже десять их было, проходит турнир по рукопашному бою. Мужественные спортсмены силовых структур, среди них немало участников боевых действий, быют на татами за первенство, за мастерское звание. В числе гостей – военачальники и депутаты, известные спортсмены и любимые артисты. Когда задумывался турнир, нашлись скептики: "Через год никого не соберём. Турнир нужен лишь для рекламы журнала". Обидно было слышать такое. Толик – братишка наш. И до сих пор, вспоминая его, горюем мы не для рекламы журнала.

Эх, братцы, кто бы знал, как не хватает нам сегодня Толика! Был бы он как минимум подполковником, служил бы в творческо-руководящей высокой должности. Но, главное, был бы ярким маяком-наводчиком для молодых военкоров, сам писал бы крепко и правдиво военные репортажи, очерки, прозу и песни-стихи.

Без него журнал неполный!..

★
Полковник запаса
Борис КАПАЗОВ
Фото Андрея РОДНОВА

Фото
Александра
АЛЕКСАНДРОВА

СЮЖЕТЫ

В семидесятые годы за такой снимок нашего фотожурналиста, к тому же военного, выдрили бы как сидорову козу. Советские солдаты, лежащие вповалку на тротуаре, да ещё под Доской почёта, под портретом и вдохновляющими на подвиг словами вождя – это, знаете ли! Тут, понимаете ли, не просто некая двусмысленность, иносказательность, подтекст. Тут, знаете ли, политической незрелости, извините, диверсионной идеологической похиваист.

В былые времена автора обвинили бы в “подрыве устоев” и прочая, прочая... И подпись из революционной или фронтовой классики – “Караул устал” или “Пусть солдаты немного поспят” – старшего прапорщика Александра Александрова не спасла бы.

Но времена были уже не те. Советские солдаты спасали Союз от разрушения. Спасение то обходилось войскам дорого: потраченные силы солдатские меры никакой не имеют, а жизни – никакой цены. Упали без сил советские солдаты в советско-узбекском городе Коканде – то была зоря “перестройки-перестрелки”.

В Спитаке и Ленинакане в декабре 88-го не было ни света, ни тепла, ни воды... Было много бесплатных гробов – красные, синие, белые домовицы штабелями стояли на перекрёстках, на стадионе, у заводских проходных, у развалин христианской церкви. Солдаты укладывали в гробы найденные тела, а гробы укладывали в длинные, вырытые экскаватором траншеи, забрасывали сырой, слякотной землёй.

Живых жителей солдаты кормили. Размещали в солдатских палатках и войлочных юртах, привезённых из Средней Азии. В юрты, хоть жильё это и потеплее брезента, соглашались идти не все – мусульманский дух чудился попутнёному рассудку.

За ночью приходил день, а потом снова наступала ночь. Ночь была длиннее. Казалась бесконечной.

Александр Александров фотографировал беспредельное, нестерпимое горе людское на чёрно-белую плёнку...

Главный редактор требовал-выпрашивал у Саши Александрова... прошлогоднего снега. В те времена издательско-полиграфический про-

цесс был тихходным. Он замедлялся ещё и всякого рода главковской, партийно-политической и цензурной рихтовкой материалов. Журнальный номер верстали за 3-4 месяца до выхода в свет. А на обложку требовалась картинка по сезону. Вот почему наш единственный и почти незаменимый фотожурналист либо доставал из своих запасов “небитую” зимнюю карточку или слайд, либо собирался в срочную командировку на севера, где снег ещё (уже) лежал. Зимой Александр Александров, напротив, летел в песчаную пустыню, где под ярким солнцем делал “летний” обложечный снимок, который войска увидят через полгода...

Сотни красивых портретов, постановочных сценок из войсковой жизни отснял он за годы службы в нашем журнале. То была повседневная жизнь сотен и сотен людей. Жизнь, чуть-чуть приукрашенная фотографом.

И всё же самые памятные, непридуманные сюжеты увидел он в горячих точках, где обжигались войска, где было больно...

★
Б. К.

НА Боевом ПОСТУ

Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

Фотосъёмка Владимира Николайчука за минувшие годы – объёмная и содержательная. В тысячах кадров – сотни очень удачных, содержательных, выразительных, которые уже вошли в летопись доблестных ВВ, а некоторые – произведения фотоискусства.

Кроме журнала «На боевом посту», где старший прапорщик Николайчук служит много лет, он стал основным фотографом популярного «Братишки». Один за другим выходят уважаемые, солидные, представительские фотоальбомы – «Внутренняя сила», «Крепче стали». Всё это не только, говоря по-нынешнему, хороший пиар для внутренних войск. Главное – память о друзьях-товарищах, замечательных сослуживцах.

Николайчук при всём разнообразии своих фотографических интересов (сюжетные фото, репортаж, пейзаж) особенно отличается как портретист. Почему-то на многочисленных журналистских фотоконкурсах не встречалась номинация

«Военный портрет». Владимир наверняка брал бы здесь первые призы.

Впрочем, наград у него за годы службы набирается изрядно: медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, лауреатские дипломы и почётные грамоты. В этом году стал он заслуженным работником культуры Российской Федерации.

Работает фотомастер культурно и вдумчиво: с каждого войскового мероприятия-события привозит карточки, способные украсить любое издание, любую фотовыставку.

Есть работы, которые стали классикой, из войсковой печати вышли в широкий свет. К таким снимкам, безусловно, относится грозненская съёмка легендарного генерала Анатолия Романова. Командующий с соратниками-генералами, со спецназовцами из охраны, даже в объятиях Масхадова (политическая необходимость, «подстава» из Москвы?). Николайчук работал в Чечне собранно, интенсивно, брал материала по максимуму, понимая, что тех

ЛИЦА

мгновений (как, впрочем, и любого другого) не вернуть. Потом была съёмка Романова в госпитале...

Мастерство Владимира Николайчука – в умении передать характер персонажа, настроение момента. Персонажи самые разные: генералы и рядовые, герои и неприметные пахари войны, безутешные вдовы и озорные мальчишки-кадеты, Верховный главнокомандующий, наш главнокомандующий, тихие сёстры православной обители...

Владимир Николайчук лёгок на подъём: войсковые учения, сборы спецназовцев, спортивные состязания, благотворительные акции, дни памяти в частях и юбилеи вузов – он всюду успевает. Глаза по возвращении непременно горят. Всегда скажет: «Есть пара неплохих карточек. Красивые лица. Увидите».

Конечно, увидим, Володя!

Порадуемся за мастера и за тех наших сослуживцев, которых запечатлел его фотоаппарат.

★
Б. К.

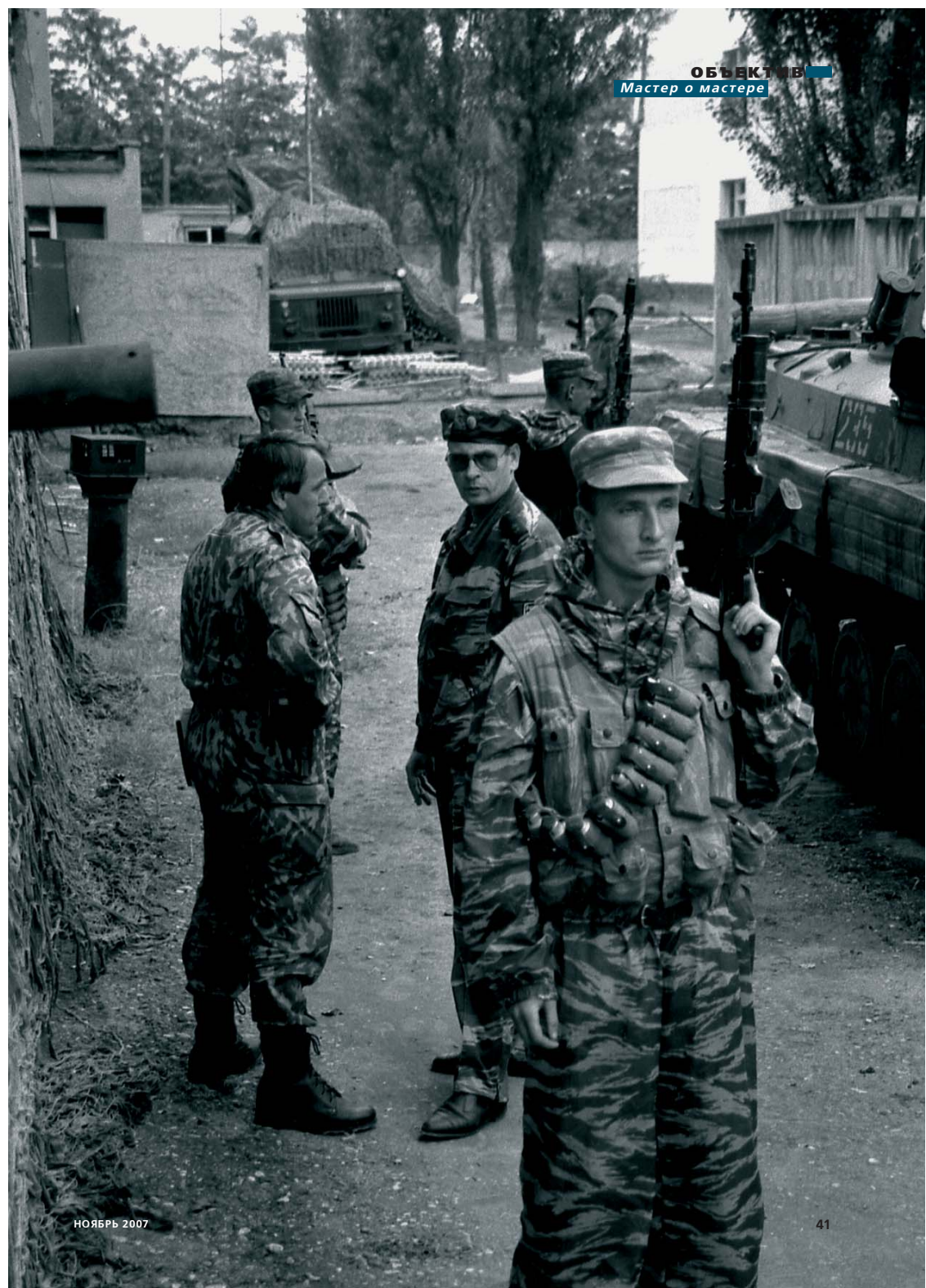

Фото Олега СМИРНОВА

Есть среди хороших фотографов мастера ангажированные, корпоративные, даже узковедомственные – красиво пиарят богатых (нужных, полезных, влиятельных) людей, работают для этого целенаправленно и одержимо. Есть приверженцы одной темы: театр, спорт, война, катастрофы.

Олег Смирнов, внештатный корреспондент журнала “На боевом посту” – свободный художник, работающий всегда независимо и вольно даже на заданную тему. Темы задают редакции, издательства, с которыми он сотрудничает, – вдохновенно, своеобразно иллюстрирует Чехова, Высоцкого, Бродского, Ницше. Вот недавно вышедшее дорогое подарочное издание Чехова – кожаный том с тиснением, виньетками, штучными, авторскими копиями-акварелями, проложенными полупрозрачной “папиросной” бумагой. А для избранных сочинений Ницше наш фотохудожник выкрасил краской-серебрянкой... свои живые модели. Для тома Высоцкого по согласованию с наследником поэта, Никитой

Владимировичем, подобрал фотоснимки из своего архива. Нобелиант Иосиф Бродский из Америки дал факсом в Москву своё великодушное “добро” на издание поэмы “Представление” в оформлении Олега Смирнова. Почему? Потому что в этом книжном графике и фотохудожнике он увидел сродни себе авангардиста (сюрреалиста? экспрессиониста?) – такого же истого “глубокого формалиста”.

А сам Олег Олегович признаёт: “Работать было просто: строки поэмы превращались в подрисночные подлиси, пришли в движение погребённые в архиве негативы, гремел хор имени Верёвки, пылили БТРы “с мальчиками с пальчиками на спусковом крючке”, хрустел “Никон”, расплющенный между асфальтом Грозного, усыпанным стеклом, и моим бронжилетом под аккомпанемент Бродского: “Лучший вид на этот город – если сесть в бомбардировщик...”

Худу и похвалу он приемлет одинаково – внешне равнодушно. Отметины за свои хемингуэвско-киплинговские экспедиции были у него

НЕРВ

всякие: после Афганистана долго лежал в госпитале от какой-то смертельно опасной восточной заразы, во “второй Чечне” его насквозь прострелил “духовский” снайпер. Повезло хорошему человеку – остался жив. И не за “Представление” Бродского, но по представлению главного редактора нашего журнала получил фронтовой фоторепортёр свой орден Мужества.

Есть у него фирменные, знаковые, смирновские фотографии: “Андрюха”, “Снайпер Миф”, “Наш 117-й”, “Поющий комбат”, “Пулемётчик по прозвищу Косой”, “Окоп в Бамуте”, “101-я уходит”, “Убитый “дух”... Не во всех кадрах достаточны резкость, выдержка, контрастность. Но в каждом – настроение мига, нерв. Даже в безжизненном, на первый взгляд почти убитом дереве, рядом с которым взорвалась мина, не доставшая нам в Грозном городе в Крещение – 19 января 95-го. Снимок этот назван “Дерево в центре Грозного”...

★
Б. К.

НА БОЕВОМ ПОСТУ

НАВСТРЕЧУ 200-ЛЕТИЮ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

КОНВОИР – “СЛУГА ПО ПРИСЯГЕ”

Спустя какое-то время после упразднения Отдельного корпуса внутренней стражи стало ясно, что малочисленные формирования местных войск с возложенными на них правоохранительными функциями, особенно с конвоированием арестантов, не справляются. Жизнь показала, что для качественного обеспечения внутренней службы (охрана гражданских учреждений, ликвидация массовых беспорядков, конвоирование арестантов и т.д.) необходимы специально подготовленные силы и централизация управления ими.

Через двадцать лет после проведения реформы пришлось возвращаться к централизованной системе руководства таким видом деятельности местных воинских формирований, как охрана и конвоирование арестантов. Происходило это поэтапно. Уже в 1865 году в составе инспекторского департамента Военного министерства приходится создавать этапно-пересыльную часть с возложением на неё задач по организации пересылки арестантов.

В конце того же года этапно-пересыльная часть передаётся в состав Главного штаба, что существенно повышает её роль и статус. Однако конвойная служба по-прежнему находится у военного командования, мягко говоря, в заго-не. Некоторые радикально настроенные реформаторы даже предлагали вовсе избавиться от неё, передав эти функции ведомственной страже, аналогу нынешней ВОХРы.

Но этого не случилось. И уже в январе 1867 года при Главном штабе учреждается ещё одна дублирующая должность – главный инспектор по пересылке арестантов с правами начальника местных войск округа по отношению к конвойным командам. Для удобства руководства эти две конвойные структуры возглавляет один человек в генеральском чине.

Во второй половине XIX века возрастает роль и значение МВД, в составе которого в 1879 году для заведования местами заключения создаётся Главное тюремное управление. Спустя год этому главку из военного ведомства передаётся главная инспекция по пересылке арестантов. Двойное подчинение – военному ведомству и МВД – было направлено на совершенствование конвойной службы в целом.

Одновременно в целях материального стимулирования конвоиров в дополнение к их жалованью вводятся значительные денежные надбавки – “за исправное препровождение арестантов”. Также делаются попытки создания условий для служебного роста офицерского состава – должности начальников Петербургской, Московской, Нижегородской и Тюменской конвойных команд из капитанских переводятся в майорские.

Однако резкого улучшения качества несения конвойной службы не наблюдается: всё упирается в децентрализацию управления. Наконец в 1886 году конвойным вопросом занялся Госсовет. На основании его решения была сформирована конвойная стража в составе 567 команд общей численностью около 12 000 человек на общероссийских принципах (комплектование – новобранцами) и под единым военным руководством.

Вместе с этим вновь существенно повышается статус офицеров конвойной стражи: наиболее перспективные из них могут, не переводясь в другие рода войск, дослужиться до чина подполковника и получать денежное содержание значительно выше, чем их коллеги на аналогичных должностях в пехоте.

Возобладал здравый смысл профессионалов от конвойной службы: “Конвоир арестанта должен быть не просто вооружённый страж, а солдат, не наёмник, а слуга по присяге”.

НАМ ДОРОГА НАША ИСТОРИЯ

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ
Ноябрь

В этом месяце:

4 ноября

• День народного единства. 4 ноября 1612 года остатки осаждённого в Московском Кремле гарнизона польских интервентов капитулировали перед ратниками 2-го земского ополчения под предводительством князя Дмитрия Пожарского и земского старосты Кузмы Минина.

5 ноября

• День военного разведчика. В прошлом году части, подразделения и органы управления разведки внутренних войск МВД России отметили своё 15-летие. Но несмотря на столь короткий промежуток времени у войсковых разведчиков и спецназовцев сложились прекрасные боевые и профессиональные традиции, которые в сочетании с уровнем ратного мастерства военнослужащих и высокой технической оснащённостью подразделений дают полное право считать их элитой войск правопорядка.

7 ноября

• День воинской славы России. 7 ноября 1941 года в Москве на Красной площади состоялся военный парад, который стал своеобразным вызовом немецким войскам, готовившимся к решающему штурму столицы Советского Союза. В параде приняли участие воины ОМСДОНА НКВД СССР.

13 ноября

• День войск радиационной, химической и биологической защиты. Первая во внутренних войсках отдельная химроты сформирована в июне 1937 года в ОМСДОНе НКВД СССР.

27 ноября

• День морской пехоты. В 1943 году десантный отряд, укомплектованный бойцами 393-го отдельного батальона морской пехоты и 290-го стрелкового полка внутренних войск НКВД, участвовал в штурме Новороссийска.

10 ноября

• День милиции. В этом году российская милиция отмечает своё 90-летие.

19 ноября

• День Ракетных войск и артиллерии. Военнослужащие внутренних войск гордятся батареями-дзержинцами капитана Афанасия Кушнера, старшего лейтенанта Виктора Левкина – героя советско-финляндской и Великой Отечественной войн, а также более чем двумястами артиллеристами, награждёнными орденами и медалями за выполнение воинского долга в Северо-Кавказском регионе. Один из них, капитан Сергей Бавыкин, посмертно удостоен звания Героя России.

КАЛЕНДАРЬ

В ноябре 1840 года, вернувшись из тяжёлой 20-дневной экспедиции по Чечне, Лермонтов писал из крепости Грозной своему другу Алексею Лопухину: «Может быть, когда-нибудь я засяду у твоего камина и расскажу тебе долгие труды, ночные схватки, утомительные перестрелки, все картины военной жизни, которыми я был свидетелем...»

В феврале 2000-го, вернувшись из крайней своей командировки по Чечне, я стал вспоминать новые горестные картины военной жизни и отчего-то первой отчётливее всего прочего представил белочку, которую всем нам было жалко.

Она лежала на белом снегу то ли оглушённая летящими с наших позиций, с высоты, очередями АГСов, то ли задетая осколком от разорвавшей-

гося снаряда. Много ли надо, чтоб убить такое существо величиной с ладошку? Поразила не смерть живого существа – вокруг большая смерть гуляла направо. Поразило то, что в январе 2000 года в городе Грозном (!) жила-была белочка. Такая же, какие скачут в парке хрустального Кисловодска или в кущах подмосковного Звенигорода, – серенькая с рыжими подпалинами, глазки-бусинки, ушки-косточки.

В Грозном убили и белочку. Она лежала на белой снеговой дорожке, спускавшейся из пригородных садов в жилые кварталы Заводского района, где в те дни пролежала передовая. Помню задеденую аллею каких-то остатков от вечнозелёных насаждений вроде туи или кипарисов. По этой дорожке доставляли боеприпасы и харч в разбитые дома, где были позиции софринских и вятских ребят-взвзашников.

Сдвиги в сознании (и, как следствие, в сознательности) на войне, видимо, происходят: несмотря на крепкий и близкий обстрел, все замедляли свой шаг, а то и вовсе останавливались поскорбеть у махонького трупика зверушки: и чумазый солдатик – подносчик боеприпасов, и двухзвёздный генерал в каракулевой шапке. Ни голова собаки, насаженная «духами» на кол на этой же дорожке для устрашения русских солдат, ни даже труп неизвестного мужчины, лежащий на автобусной остановке на виду у всех, особого внимания не привлекали. Не до них тут! А вот убитая на войне белочка – это что-то совсем из другой оперы, что-то ирреальное...

А на следующий день пришлось держать в собственных руках... отрубленную и скальпированную голову русского офицера, тело которого нашли в разбитых кварталах Грозного. Он, кстати, похоронен в Москве недалеко от могилы нашего главного редактора полковника Леонида Лукниенко. Коллегам-журналистам, собирающимся помянуть нашего товарища, приходится рассказывать страшную историю, случившуюся в стальных руинах Грозного. Рассказывать надо – чтобы помнили, чтобы знали, что в наше время офицеры умирают не только от апоплексического удара.

В другой раз, дело было под Урус-Мартаном, стояли мы над огромной ямой, заполненной «духовскими» трупами, – четыре десятка очень подготовленных бандитов устроили короткий привал под мостом, перед тем как совершить последний спасительный бросок в горы. Тогда шла «охота на волков», их уже выгнали из Грозного. Привал бандитов был кратким, но не настолько, чтобы артиллерия наша не успела дать точный залп. Побитых «духов» стащили поближе к штабу группировки. Когда я спросил знакомого генерала, почему яму не забросали землёй, он искренне удивился: «Ты что, разве не знаешь – нам надо своих «двухсотых» забирать, а их так просто «чехи» не отдадут – вот и держим такой «обменный фонд». А что делать?»

К «чёрной экзотике» войны уже успели привыкнуть. «Наелись». Даже чёрный «Никон» моего товарища Олега Смирнова получил свою вполне конкретную, настоящую, свистящую и убивающую пулю калибра 7,62 – за эту свою страсть к «чёрной экзотике». Навоевались они с хозяи-

ном. Лучшие кадры, сделанные ими на войне, – чёрно-белые. Здесь своя эстетика.

Кстати, о цвете войны. В начале Первой мировой в заметке «Штагская шрапнель» Маяковский писал по поводу «отсталых» живописцев: «А теперь попробуйте-ка вашей серой могильной палитрой, годной только для писания портретов мокриц и улиток, написать красноружую красавицу войну в платье кроваво-ярком, как желание побить немцев, с солницами глаз прожекторов». Дразнище, вызывающее, немного плакатное. В ответ на возражения пацифистов он воскликнул: «Нет, теперь – всё война»...

Вот и поэт-трибун принялся рассуждать о войне. Любимый им красный цвет – один из главных на войне: кровь, пламя пожаров, кумач гробов. И ещё – самодельные флаги на башнях БТРов, на блокпостах...

А бывает ещё и красное словцо, когда румяна наводятся на абстрактные умозрительные картины якобы военной, боевой жизни. Где-то от кого-то слышанное, разукрашенное, словно матрёшка, красивое словцо выдаётся за продукт военной журналистики (публицистики, прозы, поэзии). Когда же у нас сквозь строчки вдруг хлестанёт чёрная кровь или засмердит мертвечной протухший «дух», нас немедленно обвинят либо в кровожадности, либо в чрезмерной натуралистичности... Если о героиски погибшем парне напишем, что он настоящий Герой – тоже усмехнутся: «На гражданской войне не может быть Героев, там все – жертвы».

Помню, как я не на шутку рассвирепел, когда состоялся телефонный разговор с дамой – руководителем управления, где выписывают государственные награды. Вопрос у меня был конкретный – кто ещё стал Героем Советского Союза после нашего лейтенанта Олега Бабака в конце 91-го?

– А зачем вам это?

– Я военный журналист, писал об этом Герое. Хотел бы знать, кто это звание получил в нашей стране последние?

– А-а, журналист... Вам всё бы для красного словца...

Тут я не выдержал:

– Знаете что: если я что-то и написал для красного, как вы изволили сказать, словца, то уж не тогда, когда речь идёт о наших погибших товарищах!

– Советского Союза уже нет! – Высокопоставленная дама знала се-

бе цену, решила дать «какому-то там полковнику», да ещё и журналисту, урок политграмоты. – Мы живём в другой стране!

Моя дерзость снова сыграла со мною злую шутку – даже официальный запрос раздатчица награды осталась без ответа.

Да, мы живём в другой стране – это уж точно...

Почему здесь вспомнил Олега Бабака? Сколько уж лет минуло – семнадцать с лишком, а вот, поди ж, подробности того подвига опять стали востребованны. Люди ищут журнал с очерком о Герое. Это к вопросу – как слово наше отзовется...

Кавказ – ломоть России, никогда не будет отрезанным. Это в ответ тем, в том числе и нашим сослуживцам, кто в сердцах бросал не раз: «Да

бросить эту Чечню на ...! Охота была погибнуть за неё!»

Горше всех пришлось матерям и отцам, потерявшим сыновей. Им-то как – похоронить и молиться об упокоении душ? Не всех безутешное горе вергает в беспамьятство. Вот письмо, которое получил я в декабре 96-го, когда «умные головы» решили с войны покончить счёты:

«Товарищ полковник!

Спасибо за ваши материалы «Наша в Чечне»... Эта война – грандиозная провокация против России... Мой младший сын Дмитрий погиб 17 марта 1996 года в Горагорске. В этом бою погиб и Серёжа Смеленко из Краснодара. Он увидел, что товарищу грозит гибель, и вызвал огонь на себя. Димкин командир капитан С. Арухов вынес из-под огня моего сына. С не-

большой группой примчался на помощь капитан И.Поспелов. Это он сделал, несмотря на запреты и опасность, засады. Мордовские оמוновцы передали нашим бойцам свои обезбаливающие средства. Риска жизни, это лекарство доставили ст.лейтенант А.Миронов и ст.прапорщик В. Вавилин. Все участники боя были контужены, ранены, израсходовали боезапас. Исключение составил майор, должностное лицо вышестоящего штаба. Он спрятался под кровать и героически дожидался там заслуженной награды.

Обойдены вниманием и другие солдаты – солдаты изнанки войны. Горькая судьба сына привела меня в Ростов-на-Дону – в госпиталь, в лабораторию. Я видел прохудившиеся палатки, продуваемые холодным степным ветром, и десятки носилок с погибшими защитниками Родины.

Меня оплахнула седина. Я ходил по опилкам, пропитанным кровью, гноем и трупной жидкостью. Я вдыхал запах смерти. Но не это поразило меня. Меня поразили солдаты, ровесники моего сына, каждый день де-

лающие свою страшную работу. Я не знаю их взаимоотношений, но я не слышал ни одного грубого слова, ни одной повышенной нотки. С большим тактом и вниманием они относились к нам, родителям погибших солдат. Уходя, я сказал их командиру капитану Г.Хачатряну: "Спасибо". Он удивился, но на объяснения уже не было сил. Я считаю, что солдаты, служащие на центральном пункте приёма, обработки и отправки погибших, заслуживают самого доброго внимания и являются самыми настоящими участниками войны.

Сейчас убеждают нас, что Россия потеряла поражение в чеченской войне. Наоборот. Наши солдаты и офицеры задушили гражданскую войну в пределах бутяфорной Ичкерии. Они не дали этой заразе распозлзтись по нашей Родине. Россия не превратилась в Боснию. Они заставили виновников и организаторов войны под видом переговоров искать выход из положения.

Вечная слава и всенародная благодарность нашим защитникам!

Кириллов Борис Павло-

вич.Пермь".

"Чёрная экзотика" войны – нам в упрёк от чистоплюев-тыловикиков. Тема "груза-200" нашей будет теперь уж до собственного упокоения. И не надо нас, поднимавших такой скорбный груз на собственные плечи, ставить в один ряд с паскудниками-киношниками, спекулирующими святыми понятиями в угоду псевдохудожнической конъюнктуре.

Да уж, гибнуть никому неохота. Терять сыновей – тем более. А потеряли мы на Кавказе тысячи (!) воинов, беспрекословно ушедших на очередное заморение "войной недужного Кавказа". И донныне стоим там гарнизоны, в которых служат и современные Максим Максимычи – материё капитаны и майоры, и горячие поручики – совсем не старые старлеи и летёхи. Все – герои нашего времени...

Великие Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Лев Толстой написали каждый своего "Кавказского пленника". И Сергей Бодров-младший хотел прочувствовать по-настоящему кавказский нерв. Увы, Кавказ часто суров, порою – беспощаден...

Как ждут своей книги памяти тысячи погибших, так ждут описания мрачных дней своего плена мои знакомые – сослуживцы по внутренним войскам: и прапорщик, и полковник. Майор Олег Дедегкаев, хоть и вырвался из чеченских زندанов, но прожил после плена недолго – замордовали офицера нелюди. Слава богу, Николай Иванов – сам недожинный человек и хороший писатель – по возвращении из ичкерийских застенков написал полную "чёрной экзотики" документальную повесть "Расстрелять в ноябре". С тем прапорщиком, прошедшим крути ада и вернувшимся в Чечню, чтобы кое с кем покататься, мы всю ночь проговорили в прокуренной кашээмке, пока с минарета гудермесской мечети не разрезал мгlistый туман острый клич – призыв на молитву правоверных...

Юрий загасил в консервной банке ..надцатый сигаретный бычок и сказал коротко-приговорно: "Надо идти!"

Тот декабрьский день 99-го я провёл у добрых своих товарищей из питерской бригады: заглянул в палатку артиллеристов, где увидел почти "баклановский" – чёрный с черепом – флаг, встретился с омо-

новцами (одного из них, раненого, через несколько дней пришлось сопроводить бортом до Москвы).

Вечером в нашей палатке комбат Игорь, его жена батальонный писарь Ирина, офицеры-замы устроили пир горой. Начштаба почистил купленную нами на гудермесском рынке атлантическую селедочку пряного посла, были ещё разварная картошечка и жареные "ножки Буша" (прости Господи!).

Как тут не вспомнить по правде, с натуры написанное: "Война становится привычкой. / Опять по кружкам спирт разлит, / опять хочется медсестричка / и режет сало замполит".

Много уж лет прошло. Одного из питерских омоновцев встретил недавно в монастыре – покамест он трудником там. Ирина прислала с okazji письмецо. Иной раз позвонит кто-то из старых друзей-товарищей, позовёт в гости... И непременно задаст вопрос: "Что нового написали, товарищ полковник?"

А новенькое-то у нас – всё о том же. Отрывок лермонтовского письма приятелю Лопухину, с которого начинались эти сегодняшние наши заметки, надо бы продолжить: "... Варвара Александровна будет зевать за пальцами и, наконец, уснёт от моего рассказа, а тебя вызовет в другую комнату управитель, а я останусь один и буду доканчивать свою историю твоему сыну, который сделает мне кака на колена..."

Наедине с тобой, брат, хотел бы вспомнилась вот белочка из

я побить...

Софринский снайпер Миф, Герой-разведчик Сергей Петрушко, майор-"росич" Саша Микитанов, наш командующий Анатолий Романов, рядовой из 101-й, земля мой красноярский Серёжа Лебедев – иных уж нет, а те далеке...

Есть что вспомнить. Теперь главное – не забыть. Не впасть в беспмятство...

Листаю дембельские альбомы. Много в них ещё "небитых", неопубликованных фото, сделанных на Кавказе "лёжа, стоя и с колена", так просто, на всякий случай. Юбилей, свой ли, журнальный ли, – пора подведения итогов. Предварительных. Окончательных подводить не нам...

Время убегает. Есть среди войсковых журналистов участники боевых действий, истинные, окопные, не липовые. Кто-то успел уже записать картины военной жизни, которых был свидетелем. Кто-то слушает с зевотой, как трубим мы в старые, помятые походные трубы... А кто-то, неразумный, делает нам "кака на колена"... Пусть их! Мы сами смеёмся над частушками: "Не пой, сынок, военных песен – не расстраивай отца..." И юмор у нас порою чёрный. И циничны не в меру в своих мужичьих ясах-балисах.

Но нарываюся иногда на нашу неприличную грубость чистоплюю. Начнём вспоминать своё, а такой вдруг встрянет: "А Союз-то профукали! А чечены эти вам дали про...ться! Надо было тогда..."

Вспомнилась вот белочка из

Грозного. Мир сегодняшний настолько тесен от пролетающих снарядов и пуль, что даже крохотной белочке места для жизни в нём не осталось. Останется ли место нам, детям и внукам нашим?

Чеченский плен боевого товарища, ранение друга, с которым вместе несли кавказский крест, смерть коллеги-братишки, наконец, обретение веры в собственной душе – веши военного похода, которые не сотрёт в памяти никакая амнезия.

Храню походные блокноты. Нам есть что хранить. Нам есть что помнить. Памяти ведь заслуживают не только погибшая белочка или раздавленный ботинком муравей... ★

Борис КАРПОВ,
полковник запаса

Фото Олега СМИРНОВА и
Александра АЛЕКСАНДРОВА

На снимках:

Январь 95-го. Грозный рубеж. Эти солдаты-армейцы уже вышли отсюда. Софринцы сейчас пойдут (с. 46).

Лето 90-го. Нагорный Карабах. Только что в дом этого азербайджанского селянина влетел снаряд армянского "градобойки". Спящая у противоположной стены крохадочь чудом уцелела (с. 47).

Лето 95-го. Граница Чечни и Дагестана. Герзель. Мосты взорваны. Мосты сожжены (с. 47).

Январь 95-го. Чечня. Нарвались на духовский фузас (с. 48).

Январь 95-го. Чечня. Наши ми-

№ 1052.

Годъ XXIII. Начать съ № 1001. — С.-Петербургъ, Колокольная, 14. — Выходитъ еженедѣльно.

СОДЕРЖАНИЕ: Распоряженія по военному вѣдомству. — Хроника. — Лечение офицеровъ на казенный счетъ на минеральныхъ водахъ. *Розенгильда Паулингъ.* — Дайте офицерамъ «право» на отпускъ! *Д.* — Искусство быстрой ходьбы. *Ю. Толмачевъ.* — Подкова исторія. *В. Жерве.* — Корреспонденція изъ Берлина. *М. Г.* — О замѣщеніи классныхъ должностей въ войсковыхъ частяхъ

28 декабря 1910 г.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ. 6 руб. На 1/2 года 4 р., на 3 мѣсяца 2 р., за границу 8 р.
Отдѣльные №№ по 15 к. За перемѣн. адр. 25 к. Статьи и замѣтки должны быть за подписью и адрес. автора. Въ случаѣ надобн. статьи переводятся въ редакц. Для личнаго обмѣна, редакц. открыта исключ. првад., повтори., четв. и пятниц. отъ 6 до 8 ч. Тел. № 72—52.

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРЕССА О КОНВОЙНОЙ СТРАЖЕ

Просматривать дореволюционные подшивки газет и журналов – занятие не только любопытное, но и весьма познавательное. О чём только не писали периодические издания вековой давности! Даже о конвойной страже...

Вот, к примеру, желтевшая от времени газета «Утренняя почта» за 1906 год. Время первой русской революции. В стране царит смута и анархия. Резко возрастает число арестантов с приставкой «политические». Именно на эту тему заметка без авторства под броским заголовком «Трагедия солдата».

Но почему же автор постеснялся подписать своё творение? Потому что всё в нём – от первой до последней строки – оказалось провокационным вымыслом, направленным на «либеральное» разложение чинов конвойной стражи.

Читая заметку: «Вчера окончил жизнь самоубийством старший конвоир смоленской конвойной команды ефрейтор Зотов... Вместе с другими чинами команды он конвоировал в поезде брестской железной дороги партию политических.

Его отношение к арестованным было трогательным. Вчера за несколько минут до самоубийства он подошёл к одному из заключённых, закованных в толстые цепи. Он приподнял тяжёлые кандалы и улыбнулся скорбной улыбкой... А через минуту-две из конца вагона один за другим донесли три выстрела. Зотов выстрелил себе в грудь три пули...»

Откуда взял бойкий газетчик такие подробности чрезвычайного происшествия? Он что, при сём присутствовал? Однако в «правдивости» изложенных в заметке фактов можно легко усомниться, особенно человеку военному. Что значит произвести три выстрела подряд себе в грудь? Этого сделать из-за болевого шока и отдачи невозможно даже из автоматического пистолета. Конвоир же якобы стре-

лялся из нагана. Револьверы именно этой системы были на вооружении конвойной стражи. А наган, как известно, после каждого выстрела надо было звести...

Руководство конвойной стражи по газетной заметке провело собственное расследование. Разумеется, факты, изложенные анонимным автором, не подтвердились: никто в данном конвое не стрелялся, и в смоленской конвойной команде ефрейтор по фамилии Зотов не служил. Кому надобно было запустить эту газетную утку, остаётся только догадываться.

Другая известная столичная газета «Колокол» также обратила внимание на актуальный для людей с «либеральными» взглядами «конвойный» вопрос. Этому изданию не давала покоя проблема комплекто-

вания стражи и её ведомственной подчинённости.

В середине 1910 года в рубрике «Военные заметки» за анонимной подписью «Старый капитан» газета поместила материал следующего содержания: «Хотя и учат конвойных солдат строю, гимнастике, стрельбе и проч., но всё-таки было бы лучше, если бы конвойные команды комплектовались из запасных солдат и были бы подчинены только тюремному начальству. Конвойные из запасных отлично справятся с конвоированием арестантов. Комплектование конвойных команд запасными желательнее главным образом потому, что теперь вообще надо стремиться к тому, чтобы было возможно меньше команд вспомогательного назначения, состоящих в мирное время для целей, не имеющих ничего общего с боевой подготовкой войск...»

Ещё раньше эта тема поднималась на страницах первого в России частного общевоеводского и литературного журнала «Разведчик». Издавался он в 1889–1917 гг. и, несмотря на специфическое название, публиковал материалы не столько о проблемах военной разведки, сколько о жизни и службе всех существовавших на тот период видов войск.

В одном из номеров «Разведчика» за 1893 год была напечатана любопытная статья под заголовком «Конвойная стража». Её автор, подполковник генштаба Н. Николаев, возвращал читателей к дискуссии «об освобождении... «полевой» армии от всех посторонних обязанностей, непосредственно не касающихся её боевой готовности». Полемика возникла в высоких армейских кругах после введения «всесословной военной повинности».

В статье приводилось бытовавшее тогда мнение о том, что «служба в конвойных командах не особенно привлекательна в смысле служебной карьеры и быстрого повышения в чинах». В то же время автор обратил внимание на то, что многие армейские офицеры, оказываясь, мечтали служить в конвойной страже и годами упорно добивались перевода.

В чём же крылась причина этих настоячивых просьб? Оказывается, хорошие оклады привлекали офицеров гораздо сильнее, чем служебная карьера. К примеру, сумма годового денежного содержания офи-

цера-конвойника почти в два раза превышала доход его коллеги-пехотинца. Дабы не быть голословным, свои выводы автор статьи убедительно подтверждал цифрами: так, размер годового жалования начальника конвойной команды в чине подполковника доходил до двух с половиной тысяч рублей, тогда как командир пехотного батальона в том же чине имел лишь 1380 рублей в год. Разница, как видим, существенная.

Немало любопытного о конвойной страже можно узнать из журнала «Тюремный вестник». Учредителем этого ведомственного издания, появившегося в 1893 году, являлось Главное тюремное управление, первоначально структурно входившее в состав Министерства внутренних дел, а затем переданное «под крышу» Министерства юстиции.

Задачи печатного издания были кратки, но достаточно чётко определены в обращении к читателям, помещённом в первом номере. «Потребность в таком журнале, – писал редактор, он же инспектор Главного тюремного управления, А. Лихачёв, – давно уже сознавалась вследствие... отсутствия русских повременных изданий... посвящённых тюремоведению, и... ввиду необходимости сопоставлять для... лиц, близко стоящих к заведению местами заключения, новые узаконения, распоряжения и инструкции по тюремной части...».

Ближе всех к «заведованию местами заключения», а именно к охране и «препровождению» арестантов, находилась конвойная стража. Поэтому в каждом номере журнала публиковались руководящие документы по организации службы конвоирования, оперативная информация о самоотверженных поступках стражников, сведения о награждениях, перемещениях и назначениях офицеров конвойных команд.

В 1911 году именно «Тюремный вестник» опубликовал подборку исторических материалов, посвящённых 100-летию юбилею местных войск и конвойной стражи, являвшихся правопреемниками Отдельного корпуса внутренней стражи. А в мартовском номере журнала за тот же год был напечатан текст уже известного нашим читателям приказа по военному ведомству с поздравлением Николая II всех чинов конвойной стражи с вековым юбилеем и объявлением офицерским

чинам «высочайшего благоволения», а нижним чинам – «царского спасибо».

К слову, праздничный царский приказ датирован 27 марта 1911 года. Ныне эта дата является «красным днём календаря» внутренних войск – профессиональным праздником сегодняшних солдат правопорядка.

В середине 1915 года, в разгар Первой мировой войны, журнал «Тюремный вестник» опубликовал информацию о описании подвига ефрейтора 150-го пехотного Таманского полка Василия Водяного.

Однажды ефрейтора в составе группы бойцов направили в разведку в тыл врага. Противнику удалось захватить разведчика в плен. Немцы зверски пытали Водяного, требуя сообщить им, где находится штаб полка, расположение позиции, какова численность войск. Но мужественный солдат молчал. Тогда один вражеский унтер-офицер выхватил тесак и, угрожая убийством, отрезал ефрейтору мочки ушей и пытался выколотить глаза. Наступила ночь, и пытки отложили до утра. Однако под покровом темноты разведчику удалось бежать из плена. Его обнаружил русский разъезд и доставил в расположение полка.

Оказалось, что Василий Водяной – бывший стражник. На военную службу в харьковскую конвойную команду его призвали в 1912 году из Оренбургской губернии. Служил достойно, а когда началась война, попросился на фронт. Полковое командование отмечало его как храброго и исполнительного воина.

А когда о подвиге Водяного стало известно в конвойной страже, то офицеры-конвоиры, восхитённые мужеством, стойкостью и бесстрашием своего воспитанника, представили ему за «во имя присяги и верности долгу мужества» своеобразную награду – освящённую икону. Портрет героя с описанием его подвига был помещён во всех командах как «отрадный пример для всех чинов конвойной стражи».

Заметка о герое-фронтовике была опубликована в одном из самых массовых и популярных периодических изданий – журнале «Нива». О мужественном ефрейторе узнала вся страна...

Николай СЫСОЕВ,
полковник запаса

1 сентября

Иван Козлов

БЕДЁНЫШ

(Глава из романа)

ОЗЕРО

Вполне возможно, Самсон и пасть льву бы разодрал, и быка кулаком завалил, но драться он не умел. Махал своими кувалдами по-бабы, пытаясь дотянуться до лица Алёхи. И удары Самсон не держал – видно, его никогда не били. Слабел после каждого пропущенного хука и уже через пять минут рухнул на колени:

– Всё! Всё-ё...

Наверное, он ждал, что его будут добивать ногами, обхватил голову, дыша тяжело и шумно, с подвыванием, но Алёха повернулся и пошёл по тропе от озера в сторону редких фонарей на окраине городка. Лишь отойдя на несколько метров, остановился, закурил, спросил, словно нехотя:

– Да, насчёт объяснений. Зачем я тебе понадобился?

Всего полчаса назад Алёха шёл из школы домой (директорша устроила совещание с чаепитием, потому и задержались допоздна), так вот, шел он, значит, домой и возле бакалеи столкнулся с Самсоном и тремя его дружками. Самсон ткнул в него пальцем:

– Поговорить надо, – и картинно махнул рукой. – Без свидетелей. По гамбургскому счёту.

– Это как? – спросил Алёха.

Самсон хмыкнул:

– Во, блин! А ещё в школе работает! Хотя тот, кто носит португuese, тот тулеет и тулеет.

Свита его заржала, а Самсон кивнул в сторону озера:

– Ну, пойдём? Чтоб не откладывать дела в долгий ящик. Всё равно же время объясняться придёт.

Трое остались в начале тропы, а они спустились к воде, на дикий берег, где среди колючего тёрна угадывалась маленькая песчаная поляна.

– Для начала получи в лоб, – и Самсон полез на Алёху с кулаками...

Теперь он продолжал так же стоять на коленях и на вопрос отвечать не спешил. Вместо этого сказал:

– Ты тут кто? Залётный. А у меня все свои. Не боишься, если ещё встретимся?

– А как же твой гамбургский счёт?

Самсон сделал вид, что не расслышал этих слов:

– Я ведь и с Иконником... Если я ему скажу... Он тебя просто щёлкнет, и всё! И всё, понял?

Алёха продолжил свой путь по тропе, и Самсон крикнул уже вслед:

– А к Каревой не клеится! Я застолбил, ясно?

Удивлённый Алёха остановился:

– К какой Каревой? Я никакой Каревой не знаю.

– Не придуряйся. Верка, литераторша в твоей школе.

Алёха ничего не ответил. Ему некогда было базланивать по-пустому. Душ, ужин, конспекты – всё это надо успеть до двадцати двух, когда начнётся трансляция футбола.

Вверху, в начале тропы, маячили три силуэта. Они не пошевелились, когда Алёха проходил мимо.

ШКОЛА

– У вас стиль настоящего педагога, – сказала директорша, возвращая Алёхину конспект. – Просто не верится, что вы никогда не работали в школе. Так логично излагаете мысли! Но, конечно, практическая работа с детьми – дело другое, и в этом вам надо перестроиться. Вы с мальчиками иногда говорите, простите, как с солдатами, а так нельзя, хоть это и военная подготовка. Они пока дети, а вокруг и так столько агрессии... Мы должны...

Уроки закончились, учительская полна, и от этого ещё неприятней было выслушивать наставления Ольги Михайловны. В принципе она говорила всё верно, хотя можно было возражать по каждому пункту. Детям уже по четырнадцать-пятнадцать, они не должны расти слонятами.

Рядом сидит биологиня, Клавдия Мефодьевна. Такие отчества Алёха встречал только в исторической литературе. Клавдия – из той истории. Она каждый день вспоминает, что в конце сороковых участвовала в экспедиции с самим Бей-Биенко, а потом её пригласили на республиканскую конференцию учёных. Старушка заводит свои воспоминания и сейчас, и Алёха, который в принципе сыт ими по горло, благодарен ей: всё ж сменится тема разговора.

– Ой, девочки, а я в выходные что на даче видела! Лужа в поле, и вокруг неё – тысячи бабочек! И ведь представьте, учёные ещё не знают, почему те собираются возле воды. Загадка природы!

Алёхе бы смолчать или поддакнуть, но чёрт его дёрнул возразить:

– Никаких загадок. Это явление называется гигротаксисом. Безусловный рефлекс – движение на источник раздражения.

Биологиня этого никак не ожидала и удивлённо вскинула на Алёху вмиг увлажнившиеся глазки:

– Молодой человек, вы что хотите этим сказать? – Да ничего, собственно...

– Нет! Это намёк, что мне пора уходить, что я далека от науки. А я, между прочим, единственная из учителей области, кто участвовал в полевых работах с самыми видными нашими... Нет, я, конечно, понимаю, надо уступить вам место...

– Я не претендую, Клавдия Мефодьевна, я не биолог!

– Вот-вот! – Теперь голос её задрожал. – Даже не биологи разбираются в бабочках, оказывается, лучше, чем я! И подчёркивают это при каждом удобном случае.

Директорша разволновалась, кажется, больше, чем сама старушка, стала покусывать верхнюю губку:

– Ну что вы, что вы! Вас никто не хотел обидеть,

Об авторе

Иван Трофимович КОЗЛОВ более двух десятилетий посвятил работе в войсковой печати, в том числе в журнале "На боевом посту". Здесь он, будучи ещё капитаном, возглавил отдел литературы (случай беспрецедентный в истории журнала 80-х годов) и проявил себя как талантливый литератор, журналист, смело поднимающий проблемные вопросы.

Ныне подполковник запаса Иван Козлов – профессиональный писатель, признанный мастер остросюжетной прозы. Его перу принадлежат два десятка книг, выпущенных в столичных издательствах "Эксмо", "Локид" и др. Он активно сотрудничает с кинематографистами страны, пишет сценарии к телесериалам.

Член Союза писателей России, лауреат литературной премии им. К. Симонова.

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию главу из его нового романа "Черти полосатые", который целиком, надеемся, увидит свет в очередном томе "Библиотеки журнала "На боевом посту".

Клавдия Мефодьевна! Алексей Алексеевич где-то что-то прочёл, сказал и не подумал... И вообще, тема гигротаксисов не входит в школьную программу! Мы... К концу учебного года устаём, срываемся. Давайте о чём-то весёлом! Алексей Алексеевич, давайте о весёлом! – Она с мольбой посмотрела на Алёху. – У нас такая игра есть: берём любой предмет... ну хотя бы вот этот стакан, и вспоминаем связанные с ним забавные случаи. У вас были забавные случаи со стаканом?

Алёха уже завёлся. Как это – сказал и не подумал? Он что, дебильный мальчик, что ли? Не подумал... Что, ради того, чтоб ублажить одного человека, можно другого унижить?!

– Была забава со стаканом, – буркнул он. – В него как раз граната помещается. В ней фишка такая есть, вроде рычажка. Стакан его стопорит. И вот так случилось, что мы с дружкой на чердаке, а в комнате – басаевцы, девять человек, сидят за столом, вино пьют. Лаз на чердак неудобный, прицельный огонь вести нельзя, через крышу тоже не уйти – железная крыша. Повезло – что-то там во дворе произошло, бандиты высочили, оружие, как всегда, из рук не выпускали...

– Может, не надо о войне? – боязливо спросила директорша, как бы чувствуя подвох.

– Отчего же? – Биологичка категорично постукала ладошкой со столу. – Это его тема, и мы с удовольствием послушаем. Узнаем, как военные умеют шутить.

Язвительность явно чувствовалась в её тоне. Это её никто не вправе обижать, а уж она готова припечатать каждого. Язычок у бабки был подвешен. “Я дам тебе повод”, – усмехнулся Алёха.

– Ну так вот, чеченцы выскочили, я спрыгнул, сунул гранату уже без чеки в стакан, что посреди стола, зеленью укрыл. Только наверх поднялся – они возвращаются, рассаживаются, хохочут. Мой дружок, Вадик, одиночным по стакану – щёлк. Стакан вдребезги, и граната как пи... В общем, славная забава была – мозги по стенкам.

Уже при последних словах Алёха поднялся и пошёл на выход из учительской. Дверь за собой не закрыл и потому хорошо расслышал голос биологички:

– Хамство какое!. Солдатчина... И к детям таких...

ВЕРА

В школьном дворе цвела сирень. Огромный тёмный жук слепо ударил в плечо Алёхину, упал к ногам. Алёха поднял его. Это был жук-носорог. Он поджал лапки то ли от болевого шока, то ли от желания притвориться мёртвым. Алёха посадил его на скамью, отошёл на пару шагов, наблюдал.

А надо было уйти не останавливаясь.

На крыльце показалась Вера Васильевна, та, фамилию которой он узнал только вчера – Карева. За три месяца работы в школе он о коллективе знал не всё. Потому что не очень-то и хотелось знать.

– Алексей Алексеевич, вы домой? Можно компанию составить?

Жук прищёл в себя, пополз к краю скамьи и упал в высокую траву.

– По поручению коллектива? Поговорить надо?

Они вышли через железные ворота, пошли в сторону остановки, откуда автобусы следовали в городок, находящийся рядом с областным центром. Алёха и Карева жили там, а работали здесь, в большом городе.

– Не надо тебе было так, – сказала Вера. За пределами школы они были на “ты”. – Зачем баб злить? С ними слова надо выбирать.

– Говорю, как думаю и умею, – матерным офицерским языком. И шутки у меня соответствующие.

– Неправда, – Вера заглянула в его лицо зелёными до необыкновенности глазами. – Я вижу, какие ты книги читаешь. Умные и непростые книги. Кстати, а откуда про это знаешь? Ну, про безусловные рефлексы?

– Пацаном при зоопарке кружок посетил, в Тимирязевку поступал – балл недобрал. Пошёл в военное училище.

Автобус набился под завязку. Надо было ждать следующего.

– Ты же можешь заочно в институт поступить и преподавать ту же биологию.

– Какой из меня учитель... Нет, всё. Не место мне тут. – А где место?

Алёха чуть подумал, кивнул, соглашаясь:

– Хороший вопрос. Нет таких мест.

Мимо них промчался красный “Ниссан” с тонированными стёклами.

– Иконник, – сказала Вера. – Через дом от меня живёт. Царков на выезде строят, видел? Он деньги дал... А говорят, бандит.

“Ниссан”, пересекая двойную сплошную, смело пошёл на обгон по загруженной трассе и исчез в потоке машин.

– Тебя ученики любят, – вновь заговорила Вера. – У нас же сплошь женщины учителя, а ребятам мужчик не хватает для общения. Было бы хорошо, если бы ты остался. Для всех нас хорошо. Ольга Михайловна такого же мнения.

Алёха молчал, курил, делая глубокие затяжки.

– Бросить не пробовал? – спросила она. – Или это невозможно?

– Наверное, возможно. У меня отец курил до тридцати, до того дня, как я родился. Потом дал себе слово, что завязывает с этим. И всё. Вот такой он у меня.

– А кем работает?

– Это абсолютно неважно. Он дал слово и перестал курить.

Вера покачала головой:

– К твоей манере разговаривать надо привыкнуть. Ты слишком лаконичен.

– А может, всему причиной твоя профессия? Ты преподаешь русский и литературу, вот и цепляешься к словам, придаёшь им значение большее, чем надо.

– Нет. Ты помнишь день нашего знакомства в школе? Ты вдруг подошёл и спросил, люблю ли я индийские фильмы. Это было так неожиданно...

– Чего ж тут неожиданного? Всё дело в том, что у тебя зелёные глаза и зовут Верой.

Карева нахмурила лоб, пытаясь понять фразу Алёхи, потом спросила:

– И где тут логика? Хоть какая-то, хоть элементарная?..

Подошёл автобус, пора было штурмовать двери.

ЗАДОЛГО ДО ВОЙНЫ. КШМ

Логика в словах Алёхи была. Но чтоб понять её, придётся вернуться в те давние времена, когда ещё не было войны.

Стоял январь, лёгкий нечаянный снег лежал на зелёной, но жёсткой траве. Прямо у границы военного аэродрома в Гяндже за считанные дни вырос палаточный городок. Бойцов тут было много, но военной силы, мощи от попавших в необычные условия и потому чуть обалдевших солдат не ощущалось. Им не хватало броневой поддержки. Бэтры и бэзмизышки доставлялись в Нагорный Карабах на платформах по железной дороге. От ближайшей станции к Гяндже не далеко, и встречать технику туда выехала автоколонна.

Алёхин, можно сказать, попал с корабля на бал. Выпускник военного училища, только сегодня прилетел он сюда, едва успев представиться комбату, как тот с неподдельной радостью в голосе сказал:

– Лейтенант, а ты в курсе, что твои подчинённые сюда только едут, эшелон сопровождают?

– Теперь да, товарищ майор.

– Вот и отлично. Встретись их сам. Генерал Бирюков приказал найти ему офицера, который был бы и польским, и ординарцем, и порученцем... Ты не знаешь Бирюкова?

– Никак нет, товарищ майор.

– Познакомись. Прямо сейчас дуй в кашэзмку, через сорок минут выезжаете. – И зачем-то добавил: –

Прости, Алёхин. Понимаю, что нам вместе служить, но...

Генералу Бирюкову было около шестидесяти. Седой, с серватым, словно запыхлённым, невыразительным лицом, он встретил Алёху вопросом:

– Отличник боевой и политической?

– Так точно, товарищ генерал-майор.

– Жалко. Все отличники, все пушистые. Что мне с вами делать... А куда ж разгильдяев служить направляют, в Москву, что ли?

Алёхин не нашёл что ответить, и Бирюков недовольно сморщился:

– Чай заваривать умеете?

– Ну как сказать...

– Знаете хотя бы, что его кипятком заливают? И сахар не кладут до особого распоряжения?

Алёхин кивнул.

– Тогда поехали. – Генерал взглянул на часы. – Впрочем, шесть минут в вашем распоряжении. Покурите, в туалет сбегайте. Но на секунду задержитесь – извиняйте, по полной программе получите, отличник.

Колонна двинулась минута в минуту.

Накануне Бирюков сам проехал всю эту трассу. Ровно сутки назад: и дороги изучил, и условия, и допустимую скорость на отдельных участках... Полную рекогносцировку, одним словом, провёл. Вернулся, три часа покемарил, и вот – опять в путь. Зато теперь он знает, где какие повороты и мостки, все те места, где можно ждать неприятностей. Он проведёт колонну без потерь, лишь бы моторы не подвели. Бэтры поступают из многих частей, и не везде отдают лучшие. Присылают рухлядь, как на списание. Не соображают, что делают. Нет на них Афгана... Там Бирюков провёл два года, кое-чему научился и теперь видит, что тут многое не по уму делается...

– Лейтенант, вы со школы в училище пошли или срочную понюхали?

– Не понюхал, товарищ генерал-майор.

– Вот так. – Ему вдруг захотелось пооткровенничать с этим мальчишкой, который лишь чуть старше его внука. Не с кем больше откровенничать, плохо понимают его, старого генерала, и вверху, и внизу. – Представляете, Алёхин, заварушка тут начинается, причём серьёзная заварушка. Сейчас нам надо каждый свой шаг анализировать и изучать, накапливать то, что называется боевым опытом. А знаете, кто прибывает сюда этот опыт накапливать? Из военных училищ двух философов прислали, одного историка и одного спеца по физподготовке. Ну, последний – ладно, сгодится. А тем говорю: подготовьте хотя бы справку по Карабаху: в чём тут причина конфликта, надо же солдатам растолковать... Не знают ни черта! На курорт сюда приехали, а не на серьёзное дело. Завернул у их назад...

Машина резко повернула, пошла под уклон, снизив скорость.

– Сельне тут, – сказал генерал. – Речка, мост неудобный, если попытаются нас заблокировать, есть брод в пятидесяти метрах правее, техника пройдет... – Он говорил это сам себе, глядя на карту. – В таких местах заставы бы ставить... Чаю дайте.

Бирюков пил маленькими глотками, грыз твёрдые сухих, время от времени пережевывался по рации и смотрел на часы. В двадцать сорок кашэзмка остановилась.

– Здесь десять минут перекур. Во второй машине едет подполковник Мишин, найдите его, пусть бежит ко мне на всех парах.

Машины остановились в чистом поле.

КШМ. ПРОДОЛЖЕНИЕ

– Бли-ин! – застонал Мишин. – Мужики, у кого мятная карамелька есть? Унохает же...

Подполковнику Мишину немного за тридцать, он грендёрского сложения, но с испуганным детским выражением лица. Говорили, такое выражение лица навеки приняло после того, как некая дамочка потащила его в загс и там от сотрудницы он узнал, что супружеский долг – это не только постельные игры, но и ещё масса других обязанностей. “Отныне вы обязуетесь отвечать за счастливую жизнь вашей избранницы, делить с ней все беды и невзгоды”...

Свадьба не состоялась.

Алёха дождался до последнего и запрыгнул в кашэзмку только тогда, когда тронулась головная машина.

– Разрешите, товарищ генерал-майор?

Бирюков, кажется, не заметил его, продолжая сердито выговаривать подполковнику:

– Как вам в голову вбить, что не на пленэр выехали?

Тут серьёзные дела начинаются, попомните мои слова. Я тоже вот так в первый раз по Афган ехал, ничего плохого не ждал. Заграница, экзотика, горы, пески... Не видел же этого раньше. Был, кстати, подполковником и стоял, где лейтенант сейчас стоит. Тоже зима, тоже ночь, тоже командно-штабная машина. И тут крыша наша... Вы слышали когда-нибудь, Мишин, как железо разрывается? Порвалась крыша, как лист бумаги. Кто успел на пол упасть, тот жив остался. Из семи двое успели.

– А вы? – спросил Мишин.

Бирюков удивлённо хмыкнул:

– Ну ты даёшь, подполковник, – и посмотрел на Алёху.

– Москвич?

– Так точно.

– Оно и видно. Невеста есть?

– Не знаю точно.

– Почему не знаете?

– Ну, если захочет из столицы на Дон ехать...

– Не захочет – найду вам хорошую девчонку, почти местную. Со Ставрополя. Вам сколько лет, двадцать один? Вот и ей примерно так же. Верочка. Рыжая и зелёные глаза, таких зелёных я и не видел.

– Родственница? – спросил Алёха.

– Можно и так сказать. У меня в батальоне парень служил, за месяц до дембеля сгорел в танке под Кандагаром. Проходит полгода – прибывает его брат, Саша, выпросил, чтоб приехать служить именно в эту часть и, значит, отомстить. Красиво всё, как для газетки. Кто-то ж в погонах продвигал эту идею. В общем, я его при канцелярии держал, как он ни вдалеке в бой... Один раз за всё время нас “духи” обстреляли, и всего одну потерю мы при этом понесли. Поняли, кто погиб, да? Я, когда в Союз вернулся, поехал в то село, родителей братьев навестить. Они, оказываясь, девочку из детдома взяли. Мальчишку боялись, чтоб опять не потерять. Понимаете, как это страшно, когда родители уже рассчитывают, что вот вырастет пацан, служить пойдет, и война будет, и новые похоронки...

Заскрежетал металл кузова, дёрнулась машина. Мишин тотчас бросился на пол, прижал ладони к затылку. У Алёхи тоже ёкнуло в груди, он схватился за автомат. Но Бирюков был спокоен. Он посмотрел на часы, сказал:

– Почти секунда в секунду. Чинара тут сухая стоит, вот и царапает ветками по крыше. Наша-то машина повыше... А вы долго жить будете, подполковник...

Эту ночь все обошлись без сна, а на следующую, уже в палаточном городке, Алёхину приснился рыжая девочка с зелёными глазами, и хоть сны обычно летучие, но этот так запад, что когда много-много лет спустя Алёха увидел учительницу Веру Васильевну, то сразу подумал: не та ли это Вера, о которой говорил Бирюков? А что, в индийских фильмах сплошь такие совпадения, с соплями и слезами...

НЕЛУМБО ЛУТЕА

Особая гимнастика, массаж, крем. После процедур горит кожа, даже постанать порой тянет, но Алёха обходится без этого, только в изнеможении валится спиной на тахту и лежит минут десять, совершенно не двигаясь.

Когда непонятная сила смела его огнём с брони и швырнула на десяток метров от дороги, в канаву с дождевой водой, он боли не чувствовал, а лежал и удивлялся. Что это за кусок мяса перед глазами, мучительно соображал он, и кровь фонтанчиками, и обугленная кожа дымит, как у смолёного хряка? Что это?

А потом Алёха увидел лицо Саша Хабарова. У Хабарова были белые от страха глаза. Они не были такими, даже когда под Мартаном казалось, что отряду хана, никому не вырваться из западни, устроенной басавцами.

“Ты что?” – хотел спросить Алёха, но губы почему-то не зашевелились.

Через месяц Саша навещал его в госпитале. “И чёрт с ним, с комиссованием! – радостно кричал он. – Это не беда, это – бедёныш. Главное, Алёха, что ты жив, а всё остальное приложится. Если б ты тогда мог себя видеть...”

Алёха видел. После гимнастики, массажа и крема рубцы на животе размягчаются, становятся менее заметными. “Хорошо, – думает Алёха, – что Самсон бил не по корпусу, а то есть пара швов, которые могут запросто разойтись”.

Десяти минут ещё не прошло, и тут щёлкнул дверной замок. Ключей от этой халупки, кулденной на всё, что удалось собрать, Алёха никому не давал. Он приподнялся с тахты, взглянув при этом в окно. В бою всегда надо знать, что у тебя за спиной.

У подъезда стоял красный “Ниссан”.

Иконник, весь в тёмном – брюки, рубаха, очки, кепка – зашёл в комнату, поблескивая золотыми зубами:

– Прости, Алёхин, по старой привычке отмычкой воспользовался. У тебя замок – дерьмо, ширпотреб. Надо другой поставить.

– Другой не откроешь? – спросил Алёха.

Тот засмеялся:

– Открою. – Сочувственно посмотрел на обнажённый торс хозяйина квартиры – Здорово тебя. – Он по-хозяйски сел в кресло рядом с тахтой, открыл “дипломат”, вытащил бутылку виски, свёрток с колбасой и хлебом, минералку, разложил на журнальном столике, говоря при этом: – Я, между прочим, до пятнадцати лет тоже хотел погоню носить, в атаки ходить. И сделал бы там карьеру, поверь.

– И что ж помешало?

– Так сел же! Первая ходка, и сразу серьёзная... Мне нужен нож, стаканы, тарелка, если есть. Хочу за знакомство выпить. Тебя-то я знаю, а вот ты меня...

Алёха оделся, вышел на крохотную кухню, принёс оттуда тарелки, нож, рюмки, крупные розовые помидоры, непочатую бутылку водки:

– Бурду не пью. И вообще, пью мало и не абы с кем. Что

надо, Иконник?

Не совсем дружеский тон не смутил гостя. Он налил виски себе, водки хозяину, выбрал лопнувший сочный помидор, макнул его в соль и, прежде чем выпить, некоторое время смотрел на полную рюмку:

– Много слышал обо мне, да?

– Слухов не собираю.

– И пить со мной, выходит, не желаешь?

– Напиваться не хочу. А по одной мне даже врач советует. Но вот чего не желаю – так это пустых разговоров. Если есть дело – говори, если нет – я спать ложусь.

– Ладно. Базар и вправду ни к чему. Я много о тебе слышал, капитан. Ты же капитаном уволился, так?

– Так.

– И ордена у тебя есть, и за голову твою чеченцы день-ги предлагали...

– Хочешь подзаработать?

Иконник опять не обиделся, ответил миролюбиво:

– Что плохо лежит, возьму, но сейчас не о том речь. Дочь у меня три дня назад похитили, не слышал? Алинку. Это приёмная дочь, но я её с пяти лет воспитывал, когда с Галкой стал жить. Сейчас ей семнадцать. – Он полез в “дипломат”, вытащил тёмный пакет, достал из него фотографию. На ней водоём с жёлтыми цветами, а на берегу за столиком, уставленным бананами-виноградами, сидит девушка с крупными жёлтыми кольцами-серьгами, с браслетом на руке. Девушка тёмная, как цыганка. Видно, что она напряжена, губки словно судорогой сведены.

– Я всё для неё... – Иконник застучал костяшками пальцев по столу. – Этим летом она бы уже уехала в Москву поступать учиться. Я квартиру там для неё снял, и она ко мне... К родным так не всегда относятся... Короче, что делать мне, Алехин? Прислали вот фото, требуют такие бабки, которых я не соберу, даже если банк подломлю. К тому же благотворительностью занялся, храм строю, на спорт кое-что отстёгиваю...

– А что в милиции сказали?

– В милиции сказали, что я хорошо поступаю, когда их подкармливаю, но плохо – когда за помощью обращаюсь. В общем, с ментами взаимопонимания у меня нет. Ничего они для меня делать не станут. А мне хотя бы совет нужен, капитан. Я какой есть, такой и есть, но девочка-то ни при чём, так? Ты, понимаю, не Бог, но хоть совет-то дать можешь? Ты ж не только морды дуракам нашим битво-умешь, ты, я слышал, в спецназе со своими такое вытворял...

– Со своим, – кивнул Алёха. – И потом, война – дело для меня знакомое, а тут... Ничем помоч не могу, правду говорю.

Иконник кивнул:

– Понятно. Знать хотя бы, у нас Алинку прячут или за границу переправили. Прудов таких с кувшинками тысячу... Ладно, извини.

Он взял фотографию, хотел было убрать в “дипломат”, но Алёха придержал его руку:

– Дай ещё раз взглянуть... Это не наши пруды и не кувшинки. Это – Нелумбо Лутеа, жёлтый лотос. Водится в Америке, на Ямайке и Гавайях.

Иконник сощурил глаза, пытаясь осмыслить услышанное. Покачал головой:

– Оттуда бы письмо с этой фоткой за три дня не дошло. И от нас самолёты на Гавайи не летают.

– Логично. Значит, по-другому размышлять надо. Кто в состоянии здесь держать летние сады с водоёмами и доставать дорогие цветы? В тепличных условиях они и

тут могут цвести.

Иконник долго смотрел перед собой, потом осторожно, словно боясь пролить, налил себе полрюмки, выпил одним махом:

– Ну капитан...

– А что? Я тут живу всего ничего, никого почти не знаю... Можно, конечно, в цветочных магазинах поспрашивать, на сельмашевском рынке, где аквариумных рыбок и прочую экзотику продают. Может, там подскажут, кто такие редкие цветы разводит...

– Ну капитан... Это уж я смогу... Нелумбо, говоришь?! Запиши мне по буквам.

НОЧНОЙ ЗВОНОК

Марина позвонила в двадцать три. Нашла повод: заходила, видите ли, в школу, а там новый стенд “Наши выпускники”. На нём и фотография Алёхина.

– Ты там с орденами, весь такой... Хотя бы в гости приехал, чтоб увидеть тебя.

– На снимке я лучше, – сказал Алёха.

А про себя подумал: куда и зачем ехать? Чтoб ахали и жалели? Пенсионер в двадцать восемь, инвалидность, и никакие перспективы. Конечно, это ещё бедёныш, а не беда, беда – с тем же Саней Хабаровым, не вернувшись из операции. И всё же Москве достаточно будет его парадной фотографии.

– Алёша, а мама тебе часто звонит?

– Звонит, – односложно ответил он.

– Она, наверное, говорила... Я ведь ушла от мужа, Алёша. Я поняла, что совершила страшную ошибку, когда вышла за этого...

– Да ладно, – утешил её Алёха. – Никто же не думал, что я выживу.

“Хотя, по большому счёту, я ещё и не выжил”, – подумал он.

– Знаешь, если пригласишь в гости...

– Нет, – поспешно сказал он. Представил, как Марина, выросшая в элитном доме, дочь мамы-профессора и отца-академика, будет подниматься по битым ступеням старой пятиэтажки, где пахнет мочой и дерматинном, где стены пестрят матерщиной, а по ночам на лестничных площадках пьют бормютуху местные пацаны. Хотел быстро придумать какой-нибудь повод, чтоб отказ вышел обоснованным, но понял, что врать так и не научился. И только повторил: – Нет.

– Понимаю, ты не можешь простить...

– Брось, у нас что, обязательства друг перед другом были, что ли? Мы дружили и останемся друзьями...

“Как хорошо, что я не женился до войны, – подумал Алёха. – Сейчас бы Марина уходила не от него, а от меня”.

– Алёшенька, я тебе буду звонить, если не возражаешь... “Надо поменять номер согового, – сказал он себе. – Хотю... Вдруг свершится чудо, объявится живым Санька и не сможет дозвониться?”

Он лёг на спину, прикрыл глаза. Ему захотелось увидеть Хабарова. И он увидел его таким, каким Санька предстал перед ним в Степанакерте, в маленьком кабинете при школьном спортзале. Он сидел на полу, по-азиатски поджав под себя ноги, и внимательно рассматривал плакат, висевший на стене. С плаката улыбалась Саманта Фокс, эталон женской красоты того времени.

– Медитируешь? – спросил Алёха.

– Детали напоминаю, хочу, чтоб приснилась. Три ночи

здесь, и три ночи на неё пиялось.

– Получается? Снится?

– Снится. Только не она, а наш замполит, читающий лекцию о национальной политкорректности. Обидно, слышай...

Алёха улыбнулся, вспомнив тот давний вечер. Тогда он, чего греха таить, и сам пиялся на эту Саманту Фокс, но лишь только голова его коснулась подушки, как заснул без сновидений. День с ребятами лазил по горам, искал схроны с оружием, умаялся так, что и королева красоты была не нужна...

Сейчас он попытался вспомнить, как выглядела соблазнительная американка. Но появилось иное, никогда ранее не виденное лицо: зелёные глаза, рыжие волосы, чуть припухшие губы. Лицо, ничем не похожее ни на Марину, ни на Веру Кареву, учительницу словесности.

“Надо было у генерала Бирюкова фотографию той девочки попросить”, – подумал Алёха, засыпая.

ОПЕРАЦИЯ

– Я посоветоваться. Только посоветоваться! – Иконник, нервно потирая руки, ходил по комнате. – Ты на все сто оказался прав! Сухоручкин, гад такой, дочь в заложницы взял. Мои ребята проследили: её там двое охраняют, лбы, вроде моего Самсона. Я пятерых пошлю, отобью Алинку. Но если при этом хоть один волос с её головы... Мы всех там положим, всех! Пусть я ещё раз сяду, но...

Алёха слушал незаново гостя молча, разглядывая при этом схему особняка Сухоручкина, принесённую Иконником. Тот достал её у архитектора, строившего особняк.

– В какой комнате держат твою дочь?

– Здесь, – уверенно показал Иконник. И пояснил: – Я купил одного из прислуги, он всё мне рассказал. Но помогать не хочет, боится. Как быть, а? На штурм идти? Я на всё готов, ты только подскажи.

– Собака в доме есть?

– Нет собаки.

– Оружие у его охраны?

– Ну, тут чего спрашивать. Так и у моих же ребят не рогатки...

– А кто такой Сухоручкин?

– Сволота! Металлолом заготовливает. С ментами яхшается. Если я обращусь к ним, он через полчаса об этом знать будет. Нет, я всех там положу!..

– Сколько ему лет?

– Сорок восемь. Сам как блоха, мизинцем раздавить можно, но любовник каждую неделю меняет. Если он до Алины хоть дотронулся...

– Решётки на окнах стоят?

– Там, где Алина, стоят.

– А в его спальне?

– Нет. Он в своё время на них так насмотрелся, что, наверное, тошнит. Да что ты всё о нём спрашиваешь? Мне не он нужен, а Алинка!

– Замки на дверях не ширпотребовские?

– Это не имеет значения, я любой открою.

ОПЕРАЦИЯ. ОКОНЧАНИЕ

...Сказал и открыл.

Алёха вошел в спальню к Сухоручкину, направил

свет сильного фонаря ему в лицо. Молодая голая девка подавленно взвизгнула, даже забыв накрыться простыней.

— Пойдём, — тихо сказал Алёха. — Только не дури, ладно?

Дальше всё прошло спокойно и по плану. Вчетвером — Алёха, Иконник, Сухоручкин и Алина — вышли во двор, сели в машину Сухоручкина, помчались от особняка к трассе, ведущей в город. До шоссе было восемь километров. Погода испортилась, накрапывал дождь.

У въезда на трассу Сухоручкина, босого, в одних семейных трусах, высадили, сами поехали домой.

ЗВОНКИ В ДВАДЦАТЫХ ЧИСЛАХ

— Алло, полковник Мишин? Товарищ полковник, это Алёхин, если помните такого. Вы просили позвонить в конце месяца.

— Алексей? Помню, конечно, а как же! Ты вот что скажи: ты на преподавательскую работу согласен в любой военный институт ехать?

Алёха готов был швырнуть трубку об пол. Мишин, под началом которого он когда-то начинал службу в войсках, умудрился как-то избежать Чечни, так, крутнёйся, бывало, день-другой — и назад. Зато полная грудь наград, солидная седина на висках, свой кабинет, служебная машина и всё то же детское выражение лица. Последний раз они виделись, когда Алёха уже отлежал в госпитале и оформлял документы на увольнение. «Ты позвони в двадцатых числах, мы всё сделаем: восстановим в звании, на преподавательскую работу пойдёшь»...

Четвёртый раз звонит Алёха, четвертый раз слышит как под копирку продиктованные слова. Вот и сейчас:

— В лобое, я уже говорил вам об этом.

— Ну, такие дела быстро не решаются. Ты вот что, Алёхин... Ты обязательно, слышишь, обязательно позвони через месяц, я приложу все усилия...

Алёхе сегодня в школу к одиннадцати двадцати. В это время автобусы полупустые, есть даже свободные места. Он подъезжает к нужной остановке, выходит и... По зебре удаляется от него Саня Хабаров!

— Сашка!

Уже зажётся красный свет, но Алёха рванул через дорогу под визг тормозов и мат водителей. Один бампер даже ткнулся ему в бок.

— Сашка!

Майор, которого он схватил за рукав, оглянулся недоумённо:

— Ты чего, вольтанутый? Какой я тебе Сашка?!

— Прости, обознался...

ВЕРА

Директорша пригласила в свой кабинет:

— Алексей Алексеевич, как вы, намерены на следующий учебный год у нас остаться?

— Пока не знаю, Ольга Михайловна. Дайте недельку подумать...

Ожидание и неопределенность почти во всем. Только Вера Васильевна, выходя с ним из школы, опять становится просто Верой.

Они идут на автобусную остановку.

— Слушай, Алексей, а почему бы нам в день зарплаты не заглянуть в кафешку, а? Ты же небось всухомятку дома питаешься?

Кафе стоит недалеко от остановки. Но очередь в него начинается с улицы.

— Нет, поехали, — качает она головой. — Ты приглашаешь меня в гости, и я варю тебе борщ! У тебя дома хоть свекла и картошка есть?

Алёха ответить не успевает, возле них тормозит красный «Ниссан». Иконник, не вылезая из салона, открывает дверь:

— Капитан, милости прошу! И подружку тоже. Садитесь.

Вера не раздумывая занимает место на переднем сиденье, а Алёха садится на заднее, рядом с Иконником.

— А я заезжал к тебе, — говорит тот. — Разговор есть. Может, заскочим куда перекусить?

— С удовольствием, — поворачивается к ним Вера. — Мы сами хотели в кафе зайти...

В ресторане почти никого нет, они занимают места за уже сервированным столом. (Пока ехали, Иконник позвонил, все заказал.) Себе и Вере он наливает виски, Алёхе — водку. На закуску — заливной осётр, пока не принесли горячее.

— Капитан, я вот зачем хотел тебя увидеть. Иди ко мне на работу, а? Расширяюсь, свою службу безопасности создаю. Ты сколько в своей школе получаешь?

— Пять триста, — опять же говорит за Алёхина Вера.

— Кладу ровно в десять раз больше. Пятьдесят три. Для начала.

— Нет, — говорит Алёха.

— Мало?

— Не в деньгах дело. Я просто в выборе работы привередливый.

— Тогда пока отставим этот разговор, но обязательно вернёмся к нему. Ты нужен мне, Алёхин. Я к тебе уже присмотрелся и понял, что ты мне нужен. Мы с тобой великие дела сотворим! И только, учти, в согласии с законом. Так что не сомневайся...

— Нет.

— Ладно, не последний день встречаемся.

...Иконник высадил их у дома Алёхина. Вера сказала:

— Конечно, не до борща сейчас, но я бы и попить чайку не отказалась.

Стоял вечер. Тусклая лампочка горела лишь внизу, у двери подъезда, ступеньки были плохо видны, Вера то и дело припадала к плечу Алёхи. На третьем этаже она остановилась:

— Скажи, это ничего, что я к тебе напросилась? Только правду говори. Ты кого-нибудь любишь?

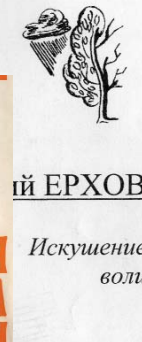
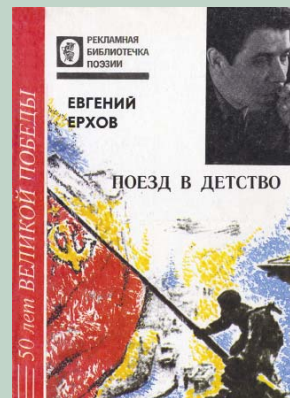
— Не знаю, — честно сказал Алёхин.

— Я и вижу: тебе так тяжело. И меня, знаю, ты не любишь. Но это, может быть, пока. А потом полюбишь, и я заставлю тебя бросить курить.

— Это вряд ли, — сказал Алёха, глядя её мягкие волосы.

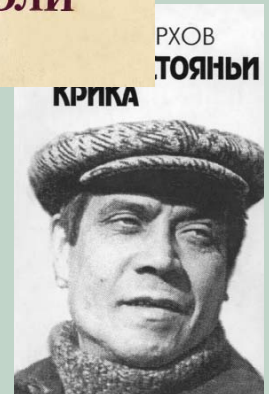
Вера прижалась щекой к его плечу:

— Когда у тебя родится сын, ты в тот же день сам дашь слово, что больше не будешь курить. Это не скоро произойдёт, но произойдёт, вот увидишь.

Борис ЛЕОНОВ,
доктор филологических наук,
профессор

НА РАССТОЯНИИ ЛЮБВИ

Опыт жизни пришёл к Евгению Ерхову раньше поэтического опыта, что избавило его от беспредметных версификаторских упражнений, коими отмечены первые книжки нынешних стихотворцев. Нередко за этими их «пробами пера» ничего нет, кроме бесплодной игры словами. Но вряд ли стоит во всё винить их: они дети времени, не освещённого ни высокими идеями, ни жизненными целя-

ми, путь к которым всегда пролегал через причастность к дегниям общества, через труд и самосовершенствование.

У поэтов шестидесятых годов минувшего века, с которыми входил в литературу и Евгений Иванович Ерхов, всё было по-взрослому, всерьёз: они были детьми войны. Ими мало было прожито, но пережитого ино-му бы хватило на всю оставшуюся жизнь. Слишком рано в их судьбах

начались потери: отца, матери, деда, родни. Так начинался семейный мартиролог, что затем отозвался в сердечных признаниях поэта. Они, родные, близкие, были для Ерхова составляющими рода человеческого. Они, известные и неизвестные, обустроили нашу страну, отстояли её:

*И не просто вы ей пособили —
положили все силы свои!
И стоят*

города по Сибири –
точно храмы Руси на крови...
Не писать бы об этом,
и даже
можно в памяти выжечь дотла,
если б Правда великая ваша
утверждение в нас не нашла!

Да, у поэтов призыва 1960-х годов огромное стиховое пространство принадлежит памяти, начинающейся с «картинок» военного детства. Вместе с поэтом оглядываясь в прошлое, видим в небе, «как игрушечный, на нитке» повисший вражеский самолёт, «совсем не страш-

кая словесная красивость воспринималась бы как кощунство.

Так не просто выстраивалась концепция жизни в его поэзии, но и устанавливался собственный стиль, закреплённый итогово в одном из лучших стихотворений Евгения Ерхова, которое можно было бы назвать ответом поэту Александру Межирову, сказавшему в адрес младших современников, что он старше их на Великую Отечественную войну.

*Но вам бы в нас
поириспальней взглядеться:
была война,*

Об авторе

Борис Андреевич ЛЕОНОВ – один из ведущих современных критиков. Доктор филологических наук, профессор Литературного института им. А.М. Горького. Член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ, лауреат многих престижных премий. Его перу принадлежит немало книг, исследующих героико-патриотическое начало в русской классике, обращённых к творчеству наших современников – и признанных мастеров слова, каковыми являются В. Кожевников, А. Иванов, В. Кочетов, И. Стаднюк, и сравнительно молодых армейских и флотских писателей.

ный в вышине». Но раздавшиеся взрывы, от которых дрожали стёкла в домах, отзывались мурашками на спине. Память возвращает картину очереди женщин, что шли к машинам, «как винтовки, лопаты вскинув на плечо». Переживая утраты сверстников, мальчишеское сердце тревожно ждало то, что пока ледяным крылом не коснулось его – похоронку. И она пришла, сообщив о гибели отца. Потом был детдом, которому поэт посвятил венки сонетов. В одиннадцатом сонете звучит признание, что именно здесь, в детдоме, он возвысился до осознания Доброты, которую умоляет оставить с ним до дней исхода:

*Но песню, что явила ты,
я пел, смеял год от года,
с достоинством дитя народа
и со слезою сироты.
Не позабыт, не позаброшен,
жил-был на попеченье Божьему,
Отечеством усыновлен...*

Свидетельства памяти военного лиха, коими полны стихи Ерхова, опять же требовали простоты и ясности в своём исполнении. Тут вся-

*на всех одна война!
Не на неё, моложе мы –
на детство,
которого лишила нас
она...*

Память – атмосфера его поэтического мира, без неё немислима сама суть его поэзии. И потому то и дело встречаешься с нею: «И год, и два, и тридцать лет иду за памятью вослед»; «Никуда от памяти не деться, навсегда мы у неё в плену»; «Память полистали – и вроде легче стало на душе»; «Не позабылось – всё помню, что мне на долгу пришлось».

Примеры обращения к памяти можно множить. Но, повторяю, память в его стихах не уход в прошлое от дня идущего. Напротив, память – критерий истинности в жизни, в оценке друга и человека вообще.

*Как мы безжалостны к себе!
Как непростительно бездушны
к своим делам, к своей судьбе.
И на руку всё это ушлым.
Им состраданье наше – цит
от неудач и огорчений,
от преждевременных морицин
и от стремительных течений.*

*Вот огорошим их, когда
свои заботы возвлечим!
Таящаяся под приличьем
оскалит на нас вражда...
От ушлых дружбы и не ждём:
пусть злоба лица им осветит!
Я принимаю их вражду –
единственную добродетель.*

Совершенно очевидно, что герой Евгений Ерхова, несущий в себе память истории, органично причастен к судьбе Отечества. Он верен нравственным устоям своего народа: чести, долгу, совести, чувству благодарности стране, взрастившей и воспитавшей его. А у человека, осознанно несущего в себе чувство благодарности, у человека с обострённым чувством долга не существует компромиссов с совестью, нет согласия с лукавством: он категоричен в своих суждениях, ясный и цельный в своих мыслях, действенный и определённый в конфликтных ситуациях. Это придаёт его стихам чёткость рисунка, конкретику документа. Может быть, именно эта самая прямота (не прямолинейность!), опорой которой служит память пережитого, не позволяет ему равнодушно глядеть на бедлам в стране, где выясняются отношения нередко на уровне крутых разборок:

*Но кровью не выстроит кровя,
хотя нам иное орут.
Вначале-то что было? Слово!
Оно подбегает на труд.
А будет успех или нету –
того не дано угадать,
но муку изведать поэту
оттущена всё ж благодать...*

Так сложилось, что жизненная дорога Евгения Ерхова вывела его на армейский плац, поставила в строй и обусловила военную биографию. Около тридцати лет отдал он службе во внутренних войсках, большая часть из которых была связана с военной журналистикой. Словом, зрелая юность прошла у него в казарме, в боевой среде товарищей, с которыми делил тяготы марш-бросков, учебных боёв, войсковых учений. Такое не забывается, а потому органично вошло в его память. Вошло романтикой армейского строя, уставных отношений, чёткостью исполнения приказов.

*Подымаем в бой мы
каждый день на веку;
как патроны в обойму,*

*слово к слову –
в строку!*

И трепетное ощущение своей причастности к армейскому братству пронизывает многие откровения поэта. В частности, это ощущение вспыхивает каждый раз, когда вскидывается рука к козырьку при встрече со старшим по званию:

*И он улыбнётся, как другу,
И ты ему радость яви,
как кровному брату по духу,
по obicei к Отчизне любви.
Мгновенье –
прошли, не обмолвись,
на встречном коротком пути.
Но вечной осталась готовность
друг другу
на помощь прийти.*

Присягая на верность Родине, человек, может быть, даже не осознавая, взваливает на себя обязанности служить Отечеству до последнего дыхания, считает себя ответственным за безопасность родной земли и родных землян. Именно так понимая существо присяги Евгений Ерхов.

*«Я, гражданин...» –
звучат слова присяги.
И, встав под знамя,
сердцем ощутишь,
что ты сейчас
от ратной славы в шаге
перед лицом Отечества стоишь.
Ещё тревоже не сырали горы,
но ты готов к ней,
как пружина, сжат.
«Клянусь!»
«Клянусь!»
И на плечах погоня,
как две ладони Родины, лежат.*

Оставаясь в рамках армейской темы, он не забывает и о человеческих планах, мечтах, перспективе служебной карьеры. Но не забывает по-особому, уж больно по-своему. Так перед нами высвечивается личность преданного присяге человека, лишённого не карьерных, карьеристских помыслов и устремлений. Хорошо ли, плохо ли это – не в том вопрос. Дело в сути понимания своего долга: он в строю не карьеру делает, не выбивается из солдат в генералы. В нём постоянно живёт собственное понимание существа службы:

*... Иной мне, видно, вытал жребию.
Ты, Родина, с меня не требуй*

*больших чинов и должностей.
Ты просто мной повелевай,
перегружай работой чёрной!
И не суди за соловья
безумного под гимнастеркой...
Не подведи тебя ни в чём,
ни пули не страшась,
ни слезы!
А упаду –
в лесу твоём
на песню
большую станет
сразу.*

Такая определённая позиция и жёсткость в конструкции стиха, конечно же, не по вкусу любителям томных переживаний, полутонов, полунамёков. В самом деле, ну какого «пережить» слово о шинели:

*Легка в атаке и на марше,
на отдыхе – как пух, мягка.
На ней
ни рядовой, ни маршал
не отлежал ещё бока!
Она в жару нас вывучала,
не подводила в холода...
Вы походите в ней сначала
и возразите мне тогда.*

В стихах Ерхова, как то очевидно, всегда графически чёткий рисунок, смысловая ясность, откровенный душевный жест. Да и сам поэт нередко подчёркивает своё неприятие ложной красоты и «многозначительных» экивоков в стихах. Действительно, с точки зрения формальной логики, стихи Евгения Ерхова отдают чем-то архаичным, старомодным, а любители новизны ищут именно в форме ультрасовременные пассажи. Тут есть о чём поговорить. И сам Ерхов, который на моих глазах из семинариста армейского совещания молодых литераторов 1972 года уже через два года перешёл в ранг руководителя поэтического семинара, не раз замечал своим младшим товарищам по цеху, что форма русского стиха если и испытывала, претерпевала изменения, то они равновелики миллиметрам и микронам. А вот само движение поэзии идёт в сфере человеческой психики, в области мысли. Тут-то и возможны рывки не то что на метры, а на километры вперед. В этом-то вся и загвоздка: есть ли в человеке этот самый заряд наподобие заряда батарейки? И дело не только в таланте, не только в масштабе личности. Рывки в поэзии немислимы без систематической учёбы и колоссальной самоотдачи в труде. Без этих

двух составляющих всякие упования, на «природу гения» беспочвенны. В справедливости сказанного убеждают наши вечные современники, начиная с Державина.

Однажды Н.В. Гоголь определил русскую поэзию как продукт «верховой трезвости ума». Этому определению вполне соответствует поэзия Евгения Ерхова, начиная со стихов, составивших первый сборник «В гостях у солнца». Потом были сборники «Родник тревоги», «Глубина боли», «На расстоянии крика» и др. По новым стихам, входящим в очередные сборники, можно заметить такую особенность вызревания его мастерства: совершенствуясь в технике, в умении кратко изложить мысль, он утрачивал юношескую наивность в чувственном восприятии мира. «Верховная трезвость ума» всё отчетливее проявляется в разговорной форме общения с читателем даже в самые торжественные, самые пафосные минуты. Это уже и упоминавшиеся стихотворение «Присяга» и такие стихи, как «В армию», «Солдат», «Не по призванию...», «Трубач», «Моя двадцатая весна!», и многие другие, включая «Вперед!», завершающиеся характерным выводом:

*Нет,
вовсе я не жажду крови!
Легко меня понять тому,
кто может
вровень стать
с любовью
к стране
и долгу своему.*

В подобных признаниях – истоки той стойкости и убеждённости в своей нужности стране, которыми отмечены не только стихи об армии, о боевых товарищах. Уйдя на гражданку по выслуге лет, поэт не забыл романтической юности. И вместе с тем всё больше и больше застраивать его стихов стали занимать проблемы человечности, гуманности, вопросы этики и эстетики, нравственные опоры души. Среди них основное место принадлежит постигнутой в жизни Добrote, из которой произрастает прекрасное в своей неопределимой сути чувство любви. В таких стихах, как «Свадьба», «Пройдет и вслед ей...», «Мать», «Зима сорок четвертого!», и других любовь несёт в себе откровенную участливость к судьбе не только той, что дороже всего на свете, но к людям вообще, которым в наш жёсткий век чистота-

на так недостаёт душевного тепла, сердечного участия. Больше того, его поэтическая гамма чувств буквально настояна на любви. И потому всё, о чём бы он ни писал, находится в пределах этого чувственного поля, находится на расстоянии любви.

Я использовал в этой формуле начало названия одной из лучших его лирических поэм "На расстоянье крика", запечатлевшей оживающую постоянно, недремлющую память о матери, которую он практически не ощутил в своём детстве. Эта недоста-ча тепла компенсируется в душе поэта способностью к отдаче накопленной нежности другим, ведомым и неведомым, всего лишь встреченным в жизни людям.

В его стихах нет клятвенных заверений, жестоко-романсных страстей, пылких признаний. Мы говорим о стихах – признаниях в любви. Они теплы, грустны, тихо-радостны, как нельзя не ощутить в стихотворениях "Двое", "Поздно снова начинать...", "Я думал...", "Вспоминая обо мне...", "Жёнушка моя, роженница". Он находит сокровенное слово в обращении к той, что стала верным другом на всю жизнь:

*А ты лучилась и цвела,
в тебе тепла и сил хватало.
Да что снега или земля! –
ты душу мне отогревала...
Спасибо, милая.
Иби со мною, вечно молодая.
А свадьба будет, впереди,
подумай только,
золотая!*

Несомненно, любитель поэзии, знакомясь со стихами Евгения Ерхова, обратит внимание и на такую особенность: в них практически нельзя обозначить резкого рубежа, который бы отделял или выделял юношеские стихи и поздние, как это бывает в творчестве других поэтов.

Из сказанного вовсе не следует, что никаких различий между ранними и поздними стихами нет, что всё в его мире статично, недвижно. Но недвижно не значит ли бездыханно? Естественно, это не так. Просто Ерхов сумел обнаружить неподвластную определению способность: в юности быть серьёзнее (социальный опыт мальчишек войны), а в зрелости сохранить мальчишескую непосредственность, именуемую мудростью (это от рождения). Ведь что есть мудрость? В конечном счёте – это наив ребёнка. Либо она есть, ли-

бо её нет. У Ерхова – есть.

И ещё несколько слов о его тематическом постоянстве. Происхождение его отнюдь не от лености ума или затухания чувства. Скорее всего, таков дар природы: соответствовать своей жизни. Ведь в природе не так уж и много "сбоев", "скачков", "аномалий". В ней всегда всё закономерно, последовательно, веками выверено. Больше того, непредвзятый взгляд обнаружит, что в стихах Ерхова названное постоянство обеспечивается прежде всего общением человека с природой. А природа не только посредник поэта в постижении им человеческой души. Это и вечный воспитатель, великий воспитатель, который уже с детства закладывает в нас первые элементы эстетического вкуса, понимания взаимосвязи вещей и их меру. Природа учит человека самостоятельности. И в знак благодарности природе в его стихах немало образных находок, обретенных в лесу, в поле, на берегу реки: "Во ржи у леса... тропинки, словно сестры, объялись"; "И медленная, как река, меня дорога обтекает"; "Семью цветами радуги играла Русь во мне"; "Из почки брызнул навстречу солннышку листок"; "Костерки снегирей на снегу"...

А сколько теплого, душевного отношения к товарищам по перу найдёте вы в стихах Евгения Ерхова, посвящённых конкретным художникам слова! В каждом из них вы непременно откроете osobинку, божью искру, будь то Фёдор Сухов или Виктор Бокков, Николай Старшинов или Николай Тряпкин. Полагаю, что какие-то чёрточки жизненных сцеплений с судьбами других литераторов вы обнаружите в стихах, посвящённых Егору Исаеву и Вадиму Кожиннову, Михаилу Борисову и Виктору Лосеву. Расстояние любви скрадывает далёкость друзей, делает их своими попутчиками, советчиками, вдохновителями. В "беседах" с ними поэт выговаривает не только сокровенные мысли о них, но и собственно пережитое, что складывается в анкетную биографию и в биографию души. Да и вообще по стихам Евгения Ерхова можно "прочитать" и то и другое, поскольку он, говоря словами Николая Асеева, "лирик по складу своей души, по самой строчечной сути".

И уже со всей определённостью можно сказать, что таким он останется и в последующих своих поэтических откровениях.

1

**Не с рассвета,
с подъёма
начинается день.
Отвыкаем от дома,
от бревенчатых стен.**

**Петуха не услышать!
Ото сна отойду,
только-только подышит
музыкантик в дуду.**

**По-крестьянски вольготно,
до ломоты в костях
потянутся б,
да ротный
оперся о косяк.**

**Звуки горна не смолкли –
мы в строю.
Рысаки!
И придирчиво смотрит
старшина на носки.**

**Он придирчиво смотрит
и ревниво следит,
встали точно ли по три.
– Точно, –
вслух говорит.**

**Перед строем пройдётся
шагом с пятки к носку
и в усы улыбнётся:
– Колосок к колоску!**

**И горячий вольно
наши лица обдаст,
словно поле ржаное
вдруг подышит на нас.**

**Напряжение снимем,
будто ношу, с себя,
глянем – застланы дымом
по России хлеба.**

**Где,
в каком это годе?
Но в ответ – тишина.
И покажется роте
колоском старшина.**

Евгений ЕРХОВ

РОДСТВО

ПОЭМА

На равнине сгоревшей,
смерти глядя в глаза,
он один уцелевший
в полный рост поднялся!

В полный рост...
Не укрыться,
не скитить – ничего.
На прицеле у фрица.
Но и фриц у него!

Был
и стоя, и лежа,
и с колена в упор!
Сколько всех уничтожил,
и не счёл до сих пор.

Может, попросту толку
в счёте том не выдал...
От немецких осколков
он железнее стал.

И под взглядом ревнивым
мы – носочек к носку! –
перед ним,
будто нива:
колосок к колоску.

2

Память высветит поле –
кровь ударит в висок:
не избавлен от боли
ни один колосок.

Что землёй пережито –
каждым зёрнышком
в нём...
"Ах ты, жизньюшка-жито", –
дед Микла вздохнёт.

Сколько лет ему?
Много.
У кого ни спроси,
будет старше он Бога,
но не старше Руси.

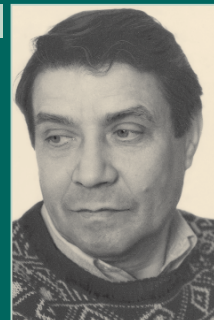
Был в работе не шаток:
чем трудней –
тем лютей.
И в семье знал достаток,
ну хотя б на детей.

А теперь –
только в голос

ветер плачет в трубе...
"Будто вылушен колос", –
молвит дед об избе.

Об авторе

Евгений Иванович ЕРХОВ – автор многих поэтических книг, член Союза писателей России. Но кроме того, он кадровый офицер, выпускник Общевоинского командного училища им. маршала Б.М. Шапошникова. Служил командиром взвода, секретарём комитета комсомола полка, старшим инструктором политаппарата части. Стихи стал писать ещё курсантом. И в конце концов тяга к литературе привела в Томский государственный университет, в дивизионную многоотиражку, в журнал "На боевом посту", откуда уволился с должности начальника отдела литературы, культуры и быта.

Сколько спать не ложится,
и сказать не берусь.
Чуть задумался –
мнится:
ворог лезет на Русь.

Подпояшет рубаху,
угли в печке зальёт
и степенно,
без страху,
как в былинку, уйдёт...

За кустом, за ракитой,
сиротеет соха.
Но – волнуется жито.
И не слышно врага.

И в избе, что оставил
дед истопленной –
жар:
кто-то свадьбу в ней справил
и детей нарожал.

И не сам ли Микла
смотрит с главной стены...
И мгновенно ловлю я
строгий взгляд старшина.

Старшина бывает крут,
а бывает весел.
От жары бодрет ртуть,
старшина – от песен.

– Ножку! – гаркнет.
Как дадим –
стекла в окнах треснут!
Поглядит он,
поглядит и отгадет:
– Песню...

И возвысимся душой,
и воспрянем телом,
будто бы идём межой,
насладившись делом

кровным,
искони своим,
сто Микул, сто братьев!
– Запева-аа-й!..
А и самим
песню не сдержат нам:

"Родословные наши
не из зёрен взошли:
мы от дедов,
что в папшно
от полона ушли.

Но сначала изюбрем
рог скликал их в ночи:
уходили, иззубрив
о поганых мечи...

Дедов трудная воля
телу силу дала,
а душа –
та от поля
широту приняла.

И нельзя нас осилить,
разуверить в любви!
И мгновенно ловлю я
в нашу честь соловьи..."

Обрывается песня –
укрощается шаг.
Вот и из поднебесья
возвратилась душа.

И дорога всё та же,
даже глаже пошла,
а поди ж ты, поклажа
сразу вес обрела!

И, в кольцо замыкаясь,
ближе стал окоём.
Но, с ноги не сбиваясь,
мы идём и идём.

Локоть к локтю –
как слиты,
за волною волна.
Глянешь издали –
жито:
сразу сила видна!

4

Старшина успокоен,
ставит ногу легко,
знать, шагать он настроен
далеко-далеко.

До того поворота,
до исхода того,
где лежит его рота
без него одного.

Не обманет дорога!
И спешит старшина,
словно наша подмога
всё ещё им нужна.

Но мы видим,
мы видим:
как ни круто калён,
больше, чем побратимы,
в ней нуждается он.

От махры до патронов –
всё на всех, –
почему
одному похоронной
не случилось ему?

И ни ротный, ни писарь
знать не знают того,
что, хоть в списки и вписан,
нет в наличие его...

Вот ведь горькое счастье
подарила судьба!
...Он отставшим от части
полагает себя.

И упрямо, и трудно
всё вперёд и вперёд,
никому не подсудный,
в свою роту идёт.

И всё время похода
мы ноги не собьём,
нашу часть небосвода
чуя каждым плечом.

Гимнастёрки намокли,
и на нас, на живых,
жадно смотрят бинокли
из пределов чужих...

5

Мы шагаем.
Сирена
напряглась за спиной.
И неслышно шеренга
стала рядом со мной.

Не нарушила шага,
а упрочила строй.
– Кто вы?
– Долг и Отвага.
И отец с нами
твой...

В зыбком мареве света –
очертанья одни.
Догадаюсь:
вот этот.
Мне походкой сродни!

То не чья-то немилость!
Собирает мужчин
только необходимость
под начало старшин.

И на утренней рани
от Сулы до Двины
петухи-горлопаны
нас будить не вольны!

Среди спелого хлеба
нам шагать и шагать,
и захочется небо
новой песней достать:

“Дороги у нас не положи,
сны чутки по ночам,
последней войны сполохи
бьют крыльями в наших очах.

С надеждой глядят невесты
вслед нам издалека.
И нет среди нас безвестных,
и нет известных
пока...”

